

Григорий Веков

ФИЛОСОФИЯ
морали homo sapiens

Москва
«Книга по требованию»

Автор приносит извинения
за отсутствие корректуры текста

Веков, Григорий

Философия морали homo sapiens / Г. Веков — М.: Lennex Corp, 2012.
—260 с. — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию»

ISBN

Содержанием этой книги является исследование одного из важнейших вопросов классической философии: основания существования современной рациональной морали. С точки зрения диалектического исторического развития основ рациональной морали в мировой истории, переоцениваются все современные процессы развития мировой цивилизации. Субъект-объектная система диалектического понимания основ рациональной морали современного исторического мышления показывает: то, что было еще некоторое время назад рациональным в представлениях людей, в процессе реализации этих представлений становится иррациональным. И наоборот, то, что часто воспринимается поверхностным рассудком как «иррациональное» в силу отсутствия в этом рассудке оснований исторического разума, в действительности является авангардной позицией современной системы ценностей рациональной морали.

ISBN

© Lennex Corp, 2012
© Григорий Веков, 2012

Оглавление

Школа рациональной мысли. Диалектика рациональной морали	5
---	---

Раздел I

Субъективность действия морали 7

Глава 1	9
Глава 2	31
Глава 3	54

Раздел II

Объективность действия морали 75

Глава 4	77
Глава 5	95
Глава 6	115

Раздел III

Идеология рациональной морали 131

Глава 7	133
Глава 8	152
Глава 9	173

Раздел IV

Основание знания 187

Глава 10	189
Глава 11	220
Глава 12	248

Школа рациональной мысли. Диалектика рациональной морали

Мы начинаем разговор о том, что составляло основу всего развития мировой цивилизации последние века, но что практически исчезло в повседневной жизни человека: необходимость измерять свою жизнь не потоком обыденных представлений, а мерой присутствия разумного начала бытия. Ведь феномен современной массовой цивилизации состоит в том, что, несмотря на быстро растущую интенсивность различных технологических коммуникаций, собственно, рациональные коммуникации в ней практически исчезли, то есть исчезло то, что связывает разумных людей в качестве существования какой-то стратегической перспективы будущего развития мировой цивилизации. Вся активность массовой цивилизации сводится в наше время к тому, чтобы сохранить перспективу «выживания» человечества, то есть сохранить неразумный образ жизни человека, однако в полной мере удовлетворяющий его биологическому инстинкту выживания.

Современная массовая цивилизация, как стало это всем очевидно в наше историческое время, способна моделировать свои процессы максимум — на десять, двадцать лет вперед, поскольку ее политические структуры сформированы не разумными законами мировой истории, а неразумными людьми. В этом смысле, охлократия современных

социально-политических структур массового общества стала всеобъемлющей и тотальной в мировой цивилизации, полностью исключая в своих структурах существование разумного человека как нравственную реальность.

Вопрос о существовании законов рациональной морали всегда был одним из центральных в истории философии. Очевидно, что рациональная мораль много раз реконструировалась, поскольку структуры ее мышления возникали не из веры человека во что либо, а из метафизического импульса воли в онтологическом потоке времени. Другими словами, рациональная мораль — это та область развития процессов мировой цивилизации, которая существует для участия самых мужественных людей, опирающихся на необходимость познания самых рискованных областей бытия, в которые ранее не решалась проникать живая мысль. Рациональная мораль требует кардинально смотреть на исторические события по-другому, поскольку она всегда существует в авангарде сознания исторического времени. И если массовое сознание в качестве «сна» разума способно бесконечно долго пребывать в представлениях прошлого, называя «разумом» то, что в исторической действительности является уже предрассудками представлений о разуме, то рациональная мораль освобождает от этого «сна».

«Философия имеет дело лишь с блеском идеи, отражающейся во всемирной истории. Отвращение к волнениям непосредственных страстей в действительности побуждает приступить к философскому рассмотрению.

«Философия истории» Гегель

Раздел I

Субъективность действия морали

Глава 1

Отличие мифологии разума, которая распространилась в массовом сознании через веру в научно-технический прогресс, от подлинного существа разума состоит в том, что разум необходимо должен указывать на принципиальное отличие человека от животного. Именно эта необходимость полагает и субъективное существование разума, и его объективное содержание, то есть как границу с животным существом человека, так и расширение этой границы до бытия разумной действительности. В противном случае, то есть в случае, когда это различие между животным и человеком не определено, мы не можем рассуждать о разуме, а должны признать, что речь идет о конечных представлениях рассудка. То, что отличает мифологическое представление существа понимания разума от его основания, является действием метафизики онтологии времени, в котором существует определенная моральная позиция разума.

Однако наши рассуждения о существе морали не пролегают в русле представлений о добре и зле, которое определяет действие морали ограничительной, построенной на системе традиционных представлений о поведении человека. Наше размышление о морали характеризуется сферой присутствия в моральном мышлении современной позиции объективного исторического разума. Таким образом, мы утверждаем, что существуют два вида морали: та,

которая выражает конечные представления человека, и та, которая не относится к области конечных представлений рассудка, являясь авангардной позицией мирового исторического разума. Другими словами, нашей задачей является разграничение рассудочно-поверхностных представлений о морали от ее рационального существования в событиях мировой истории.

Непосредственные представления человека, существующие в сфере морали, всегда характеризуются той мифологией реальности, которая доминирует в процессах мировой цивилизации на уровне массового сознания. Мифологическое, или массовое, сознание по отношению к объективной сущности исторического разума всегда есть система представлений, в которой человеческое существо должно «спасаться», причем не имеет значение, как формулируется идея спасения: в качестве ли идеи бессмертной души или в качестве представлений о неуничтожимости элементов материи, которые удовлетворяют бессознательному биологическому инстинкту самосохранения. Главное, что характеризует систему обыденных представлений о морали, – это отсутствие в них современной позиции объективного исторического разума.

Когда рассуждают о человеке как о биологическом существе, то сфера конечных представлений рассудка утверждает, что человеческая психика подобна психике животного, то есть характеризуется доминированием бессознательно-го инстинкта самосохранения. Таким образом, биологизм в представлениях о человеке полностью возобладал в современной науке, когда все психические процессы человека наука стремится объяснять либо чисто физиологическими причинами, либо следствием определенной социальной среды. Собственно и миф о происхождении человека от

примата возник в силу представления, что человек, как и животное, бессознательно движим биологическим инстинктом самосохранения. Мы же утверждаем, что человек обладает как высшими, так и низшими психическими импульсами, которые обусловлены совершенно разными психическими потоками бессознательного. Если низшие психические потоки определяют животные влечения человека, то высшие психические потоки – метафизические импульсы воли. Импульсы воли, в отличие от импульсов влечений, формируются непосредственным пространством патриархальных начал высших инстинктов, которые суть фрактальные рубежи мирового разума каждой мировой исторической эпохи.

Чтобы понять, что произошло в России в последний век ее существования, необходимо отказаться от теологических и материалистических представлений оценки этих событий, поскольку в действительности в основе этих событий существует метафизика процесса глобального расообразования homo sapiens. Фракталы же теологических и научно-технологических представлений о развитии мировой истории существуют за пределами исторического объективного разума, определяя сферу мифологии, ибо в этих фракталах определено неразумное начало человеческой души. Мы полагаем, что движущей силой мировой истории является раса homo sapiens, которая создает своей волей определенные рациональные коммуникации, чье существование выражает направление развития мировой цивилизации. Коммуникации существования расы homo sapiens являются следствием воли к власти высших человеческих инстинктов, разрушающих социальную мифологию своей исторической эпохи. Не трудно понять, что современной социальной мифологией является вера в научно-технический прогресс, которая сформировала множество коммуни-

каций массового общества, то есть общества, инстинктивно отрицающего разум. Понятно, что процесс перехода социума в систему коммуникаций, отрицающих разум, происходил постепенно, когда первоначально разрушились рациональные коммуникации, существовавшие в сфере развития фундаментальной науки, то есть «плотность» разумных людей в научной среде катастрофически уменьшилась.

Если искать принципиальные различия между иррациональной системой коммуникаций массовой западноевропейской цивилизации и аналогами массовых коммуникаций за ее пределами, то это фундаментальное отличие состоит в том, что в западноевропейской истории она возникла естественным образом. Так, онтологический поток времени, разворачивающийся на географическом пространстве западноевропейской цивилизации, буквально «выжал», как губку, историческую волю западноевропейских наций, оставив после себя безвольную активность матриархального духа. Этот матриархальный дух стал основанием современного объединения Западной Европы в качестве единого экономического пространства. Если искать причины, в силу которых процессы научно-технической революции привели к состоянию нравственной дикости человека по отношению к разуму, то необходимо, в первую очередь, понимать, что это был естественный процесс. Так рациональные коммуникации развивались в последние века мировой истории параллельно развитию фундаментальной науки, то с течением исторического времени они должны были неизбежно отрицаться иной исторической сущностью объективного разума. Поскольку этой ближайшей сущностью перехода от веры в разум к его непосредственному действию в метафизическом импульсе воли является основа высших инстинктов души, то кризис европейской науки характеризовался именно нравственным разрывом с онтологическим потоком исторического времени. Политическим же следствием

этого процесса стало объединение национальных анклавов в системе массового общества, то есть максимальная консолидация нравственно неполноценных людей в системе массовых коммуникаций. Понятно, что разум необходимо должен был быть фальсифицирован в этой иррациональной системе ценностей, что и получило свое обоснование в биологической эволюционной теории происхождения человека *homo sapiens*. Другими словами, то, что еще некоторое историческое время назад было авангардом мирового исторического разума, стало его отрицанием через несколько столетий. Психологически, это характеризовалось постепенным катастрофическим ослаблением метафизического импульса воли до полного исчерпания в бессознательном инстинкте самосохранения. Исторически, следовательно, классическая западноевропейская метафизика фундаментальной науки, первоначально, трансформировалась в бурное развитие научно-технического прогресса, а затем просто исчезла в тотальной власти механической цивилизации над психическими процессами человеческой души. Это было определено последним достижением метафизической мысли в философии Ницше как идея о «смерти бога», то есть, фактически, «смерти» метафизического обоснования фундаментальной западноевропейской науки.

Когда мы анализируем основные позиции классической западноевропейской метафизики морали, то понимаем, что ее императивом является понятие бога. Но метафизика, в отличие от религиозных представлений, всегда отображает расовые позиции морали *homo sapiens*, то есть рубежи исторического разума, которые определяют наивысший духовный подъем развития нравственной жизни разумных движений души. Поэтому утверждение Ницше «бог умер» относится именно к завершению развития классической западноевропейской метафизики и постановке вопроса о существовании метафизики воли. С другой стороны, очевидно,

что метафизика воли в отличие от метафизики науки, предполагает кардинально новое психологическое состояние человека как нравственный императив жизни. Суть этого императива состоит в том, что право и мораль уже более не могут выводиться из представления о божественном начале происхождения мира и человека, и, следовательно, требуют продвигаться в понимании этого происхождения из глубин бессознательной человеческой психики. В понимании же процессов бессознательной человеческой психики, первое, с чем имеем дело наша мысль – это сфера инстинктов.

Метафизика западноевропейской науки строила свои системы философского мышления на том, что процессы явлений имеют монотонную природу, что особенно полно выразилось в законах Ньютона. Эта монотонность законов природы мыслилась как «вечное» повторение одних и тех же процессов физических явлений, протекающих в абсолютном пространстве и абсолютном времени как неуничтожимая субстанция бога Нового Времени. Однако любая сфера науки – это всего лишь абстракция мысли, обладающая той или иной достоверностью в силу своих первоначальных предпосылок, а именно морали рационального договора о том, что принимать за истинное и ложное. Истинным же в первой инстанции для науки Нового времени была эмпирическая достоверность явления, то есть отображение в непосредственном восприятии чувственной реальности. То, что немецкая классическая философия развивалась как задача преодоления этой непосредственности чувственной достоверности реальности, определяет постепенный переход от метафизики науки к метафизике воли, когда монада Лейбница стала простейшим топологическим комплексом метафизических начал разума в перспективе его развертывания в метафизике воли.

В современном существе метафизической мысли мышление неизбежно оказывается направленным на сферу

бессознательных инстинктов человека, поскольку исчезновение метафизики науки требует осмысления метафизики воли, в которой существует моральный договор между разумными людьми. Понятно, что неразумные коммуникации массового общества не предполагают подобного договора, ибо мифология человеческих представлений выражает только ограниченно рассудочные, а не рациональные, функции мышления. С другой стороны, очевидно, что переход рациональных рубежей мысли в сферу мифологии неизбежен в силу постепенного топологического «подтягивания» всего существования человечества к достижениям мысли сильнейших человеческих умов. Однако когда человечество оказывается на определенном рубеже достигнутого объективного разума авангарда мысли, он неизбежно становится арьергардом, который отрицает в сфере конечных представлений рассудка ушедшую далеко вперед рациональную мысль.

Поскольку формирование элементов массового общества началась давно, еще со времен французской революции, то и современная победа мирового люмпенства, какие бы национальные особенности оно не имело: французские, американские, русские или китайские, определило вступление мировой цивилизации в состояние Темных Веков ее нового периода развития. Ведь психология люмпена характеризуется тем, что он не обладает основой оседлой жизни, то есть началами патриархального быта, в котором отчетливо выражены определенные национальные ценности. Наоборот, стремясь максимально «освободиться» от каких-то традиционно национальных признаков психологии, люмпен, или интеллектуальный кочевник, современной массовой цивилизации выражает мифологию веры в разум с точки зрения необходимости и неизбежности развития научно-технического прогресса. Впрочем, с точки зрения психологии низших инстинктов, такая поверхностно рас-

судочная позиция вполне «логична», как «логична» была и позиция первых христиан, постепенно вытеснивших все признаки патриархальной психологии античности — духом своего люмпенства. Так, вера на ранней стадии своего появления, всегда, во-первых, прогрессивна, а, во-вторых, основана на массовых инстинктах, определяясь исчезновением всякой философской рациональной школы мысли. Вера вообще не предполагает, что человек обладает разумом, поскольку разум несовместим с верой, как бессознательно несовместимы импульсы воли и влечения.

Так как мировая история является процессом топологическим, а не линейным, то понимание неизбежности восстания масс, периодическое движение разного рода агрессивных орд на территории когда-то цивилизованных государств является таким же закономерным, как закономерным является и восстановление рациональных коммуникаций мировой цивилизации. В этом смысле, современное массовое люмпенство мировой цивилизации, которое доминирует в ценностях массового общества, является таким же «естественным», как оно было «естественно» и для Темных Веков, например, наступивших после гибели античной цивилизации и формирования морального договора христианской цивилизации. Впрочем, мы полагаем, что Темные Века мировой истории наступают периодически в тот момент тогда, когда одна рациональная модель развития мировой цивилизации сворачивается и начинается формирование ее новой модели. Предназначение Темных Веков мировой истории состоит в том, чтобы возвратиться к высшим человеческим инстинктам, когда массовое нравственное разложение достигает максимума в непосредственной жизни человека. Психологически, это выражается в том, что историческая воля расового существа человека перестает поддерживать традицию, вследствие чего традиция перестает выражать взаимосвязь разума с онтологическим ритмом времени.

Известно, что западноевропейская классическая метафизика заканчивается на известной формуле «бог умер», которая ставит под сомнение вообще возможность существования метафизики. Ведь подлинным существом внимания классической философии является, в первую очередь, рациональный аспект бытия, а не его поэтические, теологические, научные или другие проявления. В переводе на объективный рациональный язык мысли эта формула означает, что более воли не существует в проекте развития метафизики науки, и, следовательно, область науки становится мифологией, которая уже не требует мужества духа рациональной мысли в познании метафизических законов природы. В результате, научная среда перестает быть средой разумных коммуникаций мировой цивилизации, становясь прямо-противоположным явлением, а именно рассадником массового слабоумия, в котором вера в науку «спасает» от необходимости быть разумным существом. Подобного рода функция науки в современной массовой цивилизации стала настолько очевидной, что вопрос обсуждения существования новых рациональных коммуникациях будущей стратегии развития мировой цивилизации стал крайне актуальным. Именно этот вопрос и является центральным в наших размышлениях.

Если проанализировать причины, в силу которых современная наука перестала быть средством коммуникаций авангарда человеческой мысли, то достаточно обратиться к мировой истории, чтобы понять, что исторический разум никогда не выражался в раз и навсегда определенной системе представлений. Наоборот, поиск субъективным разумом нового рубежа горизонта развития мировой цивилизации всегда пролегал в поле кардинального отрицания конечности представлений достигнутого знания. В нашем

понимании, конечные представления человеческого рассудка отделяет от рационального мышления то, что представления всегда обусловлены сферой человеческих влечений. Сфера же разума всегда отображает действие воли в мировой истории. Другими словами, мы постулируем, что разум есть свойство метафизики воли, а не наоборот. Этот постулат утверждает, что разум объективно существует в мировой истории там и тогда, когда имеет место определенная метафизика воли.

В вопросе понимания действия психического импульса воли следует полагать, что бессознательный импульс воли пресекает действие бессознательного влечения, то есть речь идет о двух кардинально различных системах психической энергии бессознательного. Однако принципиальное различие между влечением и волей состоит в том, что воля в отличие от влечения, не имеет линейного направления действия, являясь определенной мерой метафизического напряжения «сферической» структуры бытия, в котором оказывается сознание, разрывая с биологическим инстинктом самосохранения. Этот разрыв, или объективно-рационально, фрактал бытия, и является функцией-отображением потока воли как онтологического потока времени, то есть осознанием присутствия сакральной силы времени и, можно сказать, исторического могущества бытия. Понятно, что сакральное могущество и бесконечная мощь времени, субъективно, проистекает из определенного объективного «среза» элементарных структур метафизического проекта бытия в качестве его метафизической грани, отображающейся в импульсе воли как локальной субстанции онтологического потока времени. Однако когда мы рассуждаем о человеческой субстанции в онтологической потоке времени, то должны постоянно помнить, что «человеческое» здесь максимально фрактализировано, то есть присутствует исключительно в трагическом восприятии.

Чтобы понять, почему в импульсе метафизики воли не остается «достаточного» места для импульса влечения, можно, например, проанализировать психологическое состояние шекспировского Гамлета, известный вопрос которого «быть или не быть» выражает подлинную коллизию выбора между позицией сознания воли и позицией сознания влечения. Так, трагедию субъективного переживания, которое необходимо существует в основании метафизического импульса воли, рефлексия рассудка постоянно стремится локализовать в качестве сомнения, проистекающего из бессознательного инстинкта самосохранения человека. Импульсы воли и импульсы влечений, находясь в нравственном конфликте, постоянно топологически «растягивают» сознание то к одному полюсу нравственного состояния души, то есть к потоку высшей психики человека, то к другому полюсу ее состояния, то есть к потоку низшей психики. Главным, можно сказать, фундаментальным различием между психологией движения влечения и психологией движения воли является мифология представлений, в первом случае, и начала рациональной психологии, то есть патриархальная норма жизни, во втором случае. Это вызвано тем, что мифология представлений, существующая всегда в поле конечных интеллектуальных конструкций мысли, характеризуется способностью отвечать за свои поступки только в системе собственного бессознательного инстинкта самосохранения, которое не обладает разумом. Ведь разум есть способность духа отображать в своей расовой памяти не только известный опыт своего народа, своих индивидуальных воспоминаний детства и жизни, а память высших ценностей прошлого мировой истории, то есть осуществлять фрактальную взаимосвязь между этими ценностями в сознании собственной индивидуальной судьбы разумного выбора.

Что произошло с Россией в XX веке? Мы полагаем, что государство было разрушено кочевниками, которые состояли из национальных анклавов, поскольку патриархальные начала русской нации были катастрофически ослаблены постоянным глумлением над собственным расовым существом. Однако было бы легкомысленно полагать, что неразумные силы, разрушившие Российскую империю, не являлись определенной неизбежностью развития исторического процесса. Так, нашествие варваров на государства, обладающих какими-то элементарными началами рациональных коммуникаций, происходит всегда, когда речь идет о формировании новой модели мировой цивилизации. Именно на «стыке» становления двух моделей мировых цивилизации и проистекает процесс расовой катастрофы, то есть резкий выброс агрессивных, ничем не контролируемых влечений против устоев патриархального, то есть разумного начала жизни. Специфичность этой «свободы» низших инстинктов состоит в том, что она стремится отбросить все возможные ограничительные табу традиционной морали, чтобы утвердить свою «веру». В этом смысле, какой-то разницы между первыми христианами и первыми коммунарами не существует. Все та же ненависть к иерархии, все тот же коллективистский подход к пониманию смерти, который воспринимается как «героический» процесс освобождения от рабства. Все та же истерия агрессивности матриархальной души, которая существует полностью во власти низших ценностей, будь то фракталы теологии или фракталы научно-технического прогресса. Понятно также, что критическое отношение к историческим событиям формируется не сразу, но лишь тогда, когда разумным индивидуальностям все-таки удастся объединиться после нашествия варваров. Поскольку мы стоим на позициях высших ценностей, то

утверждаем, что разумный человек изначально свободен от природы, поэтому не может стремиться к тому, чем он обладает в полной мере. Поэтому исторические события мировой истории, начиная с французской революции, мы оцениваем как начало исчезновения разумных коммуникаций мировой цивилизации. Эти события были обусловлены тем, что постепенное исчезновение метафизического основания фундаментальной науки характеризовалось исчезновением бессознательного расового морального договора, который принципиально отличается от моральных представлений любой социальной среды.

Мы утверждаем, что в сознании человека всегда борются две системы моральной оценки реальности: социально-ограничительная и иерархическая, где первый тип характеризует бессознательный инстинкт самосохранения человека, а второй, наоборот, трагическое ощущение его гибели, проистекающее из бессознательного инстинкта смерти. Причем, если социально-ограничительная система определяет взаимосвязь конечных представлений рассудка и непосредственного чувственного восприятия, то трагическое ощущение гибели человеческого существа структурирует процесс воздействия бессознательной расовой памяти человека на импульсы его воли. Мы полагаем, что только трагическое восприятие бытия обладает основой взаимосвязи сознания с разумными началами психологии, то есть с рациональной психологией. Дело в том, что трагическое восприятие постоянно фрактализирует непосредственное восприятие до нейтральности точки бессознательного инстинкта смерти, который направляет поток сознания на вещь не в качестве его эмпирической достоверности, а в качестве процесса воспоминания, что это такое. Здесь в полной мере работает теория анемнезиса Платона, когда вещь является в нашем сознании тем, чем она является в нашем воспоминании. Понятно, впрочем, что «вспомнить»

сущность вещи не просто, как это имеет место в эмпирическом восприятии, когда достаточно коснуться ее рукой, просто потрогать, чтобы получить чувственное подтверждение, что она действительно существует. Однако именно здесь кроется природа современной мифологии материализма, поскольку непосредственное подтверждение существования вещи в чувственном восприятии воздействует на бессознательные влечения человека, которые никак не задевают его высших процессов психики, а потому и не могут быть разумными по существу. Так, чувственная ассоциация воздействует на сознание через монотонное действие бессознательного влечения, а не через импульс воли, который требует усилия воспоминания о сущности вещи, то есть понимания ее идеи. Другими словами требуется воля к власти разума над веществом через процесс воспоминания высших свойств расовой памяти *homo sapiens*, поскольку, в противном случае, то есть в случае доминирования только бессознательных влечений, само вещество будет владеть человеческой душой, что и имеет место в тотальной системе иррациональных коммуникаций современной массовой цивилизации.

В вопросе существования морали *homo sapiens* мы, следовательно, должны забыть о механизме ограничения, который характеризует состояние человеческой души в переживании какой-то веры. Вера — это всегда влечение, причем, не принципиально, идет ли речь о фрактале теологии или о фрактале научно-технического прогресса. Для нас важно то, что здесь отсутствует метафизика воли. Главное отличие морали *homo sapiens* от социальной морали состоит в том, что расовая мораль имеет онтологическое содержание, концентрируя в себе идеи вещей как определенные тензоры коммуникаций между процессами высшей психики и их фракталами, то есть расовая мораль является таким непосредственным образом жизни человека, в кото-

ром его сознание существует в постоянном процессе воспоминания.

Чтобы понять, насколько кардинально различается сфера бессознательного влечения и сфера действия воли, можно заметить, что Фрейд часто ищет причины возникновения психических комплексов в воспоминаниях детства человека. Таким образом, формирование социальной психологии происходит в детском возрасте, где, собственно, и закладываются основные представления морального пространства социальной среды, к которой принадлежит человек. В раннем возрасте определяется та система бессознательных табу, которая бессознательно взаимосвязана с животнo-инстинктивным существом человека, то есть с инстинктом самосохранения. Однако импульсы воли формируются иначе. Во-первых, эти импульсы характеризуются наличием не детской, а взрослой, психологии, которая определяет волю даже ребенка, если она вдруг прорывается в момент проявления неожиданного мужества, то есть в этих импульсах действуют воспоминания, которые не могли возникнуть из непосредственного опыта при жизни человека. Во-вторых, характер этих воспоминаний взаимосвязан не с семейно-родовыми впечатлениями, а с состоянием психики, которая переживает состояние реальной опасности для жизни. Именно ощущение опасности, определенной трагичности жизни выражает динамику действия воли. Мы даже решимся утверждать, что динамика импульса воли неизбежно протекает в определенном психологическом состоянии летаргического оцепенения влечений, вызванного потоком инъекций бессознательного инстинкта смерти. Именно в этом момент в человеческой душе начинает действовать мужественный дух, который возникает из сознания расовой памяти, связывая его с духом высших ценностей. Таким образом, кардинальное различие высшей и низшей психики состоит в принципиально различных потоках бессознатель-

ного, одно из которых топологически стягивается к инстинкту самосохранения, а другое – к инстинкту смерти. Особенность действия метафизического духа импульса воли – это героическое сознание невинности души в момент действия этого импульса, поскольку эта духовная энергия «скользит» в потоке импульсов, практически не задевая оцепеневшие импульсы влечений.

В принципиально различном психологическом состоянии активности влечений и активности воли в существе человека обнаруживается доминанта и его сознания: матриархальная или патриархальная. В этом смысле, не принципиально, какое это историческое время или какая это этническая среда, в которой развивался человек, поскольку всегда влечение устремляет его к реализации своих желаний, тогда как воля – к выполнению своего нравственного долга. Свобода и долг выражают два критерия психологического состояния матриархальной и патриархальной конструкции психики, в которых выявляется субъективная позиция жизни. Понятно, что первое состояние психики всегда протекает в ином роде «естественного» для человека, чем естественное для второго состояния, поскольку в матриархальном сознании животное начало психики максимально возбуждено в реализации самости человека как массово-коллективного существа. И наоборот, реализация самости физиологического начала духа, то есть активность его бессознательного инстинкта смерти, не имеет направленности линейной, а создает присутствие архитектоники бытия здесь и теперь как высшей ценности нравственного долга перед сакральным существом природы времени.

Когда мы рассуждаем о природе человеческих инстинктов, то с позиции объективного разума мы должны понимать, что необходимо существуют инстинкты, которые не относятся к животному человеческому существу, поскольку, в противном случае, нет необходимости рассуждать о суще-

ствовании субъективного разума. Ведь человеческий разум не нуждается в обосновании своего существования, поскольку ему вполне достаточно тех чувственных непосредственных ассоциаций, которыми он оперирует, чтобы строить логику конечных представлений. Однако в метафизике воли невозможно что-то представить в силу того, что сознание о бытии здесь является целиком и полностью равным воспоминанием о предмете вещей и явлений, то есть характеризуется фрактальным строением идеи Платона и нравственным императивом идеи «вечного возвращения» Ницше. Заметим, что Фрейд также находил подтверждение своим идеям в философии Платона в теории анемнезиса, однако мы полагаем, что речь идет о подтверждении функции матриархального сознания, которое характеризует динамику взаимодействия воспоминания и бессознательного импульса в качестве потока влечения. Главным аргументом в этой оценке является то, что движение влечения не обладает содержанием эстетического феномена, поскольку влечение необходимо и неизбежно осознается только как механизм вытеснения, то есть как социально-ограничительная, а не как разумно объективная реальность существования. В структуре влечения не может присутствовать фрактальной реальности бытия, поскольку в динамике психического импульса влечения всегда существует взаимодействие с ограничительным действием представления, которое отображает, собственно, границу рассудка по отношению к существу разума. Этот момент, в частности, характеризует «отбрасывание» рассудочной границы конечности человеческого представления в метафизике воли Ницше, в отличие от ее стягивания к топологическому «нулю» у Шопенгауэра. В этом смысле, «житейская мудрость» Шопенгауэра стремится, подобно кантовской морали, к бессознательному «уживанию», как импульса воли, так и импульса влечения, причем с очевидными доминированием последнего.

С точки зрения высших ценностей, которые всегда выражают определенные рубежи исторического разума, онтологический поток времени субъективно топологически способен стягиваться к определенной архитектонике бытия как доминированию модели господства рациональных ценностей мировой цивилизации. Следует понимать главное: это доминирование является нравственным в том смысле, что вкладывает в подсознание человека его расовую память прошлого, которое пульсирует в бессознательной психике как мотивация воли. Такова природа действия метафизики воли, за счет которой наука покорила мир своей научно-технологической активностью. Однако шел и обратный процесс, который выражался в постепенном переходе эмпиризма науки в сферу мифологии представлений, которая в свою очередь формировала иррациональные структуры массовой цивилизации. В результате, именно мифология эмпиризма стала тем инструментом ликвидации разумных движений души, которые мы можем наблюдать повсеместно в массовой культуре. Понятно, что упрекать в этом фундаментальную науку бессмысленно, поскольку фундаментальная наука всегда есть часть метафизического познания бытия, то есть стоит на службе рационального понимания действительности. Проблема заключается в том, что механицизм в представлениях современной эмпирической науки выражает бессознательно-матриархальную сферу низших психических процессов человека. Фактически, с психоаналитической точки зрения, современная массовая культура и массовая цивилизация формируется тотальной доминантой низших психических импульсов биологического инстинкта самосохранения, где центральным фракталом подобия является процесс подражания физиологическому процессу женских родов. Это выражается в почти маниа-

кальном стремлении к материальному процессу производства как механически-инстинктивной жизни массовой цивилизации. Впрочем, по-видимому, расовая катастрофа как причина сворачивая любой рациональной модели мировой цивилизации всегда характеризуется резким процессом максимального роста производства, в чем марксистская теория и видела идею мирового исторического прогресса. И действительно, резкое увеличение производительных сил мировой цивилизации в момент расовой катастрофы выражает катастрофическое ослабление человеческой воли в силу исчерпания ресурсов старой расовой морали, то есть морали, которая существует на основании действия высших психических импульсов души.

Мы рассуждаем о метафизике высших инстинктов, полагая, что речь идет о чем-то таком, что постоянно участвует в непосредственной жизни человека в качестве некоей сакральной силы. И если в известной нам исторической традиции культуры подобное участие силы определялось как присутствие «божественного» начала бытия, то мы не имеем морального права по отношению к памяти высших ценностей мировой истории рассуждать в русле современной метафизики, выводя ее начала из понятия «бога». С исторической точки зрения, невозможность оперировать понятием «бог» в качестве высшей нравственной инстанции морали проистекает из новой исторической реальности, которая сложилась в качестве веры в разум как нового типа социально-ограничительной функции низших инстинктов. Так, если в последние века существования Римской империи эта социально-ограничительная функция морали характеризовалась переходом от политеистической основы веры к вере монотеистической, то социально-ограничительная функция современной морали характеризуется переходом

от монотеистической веры к вере в разум. А поскольку вера есть состояние активности в подсознании человека потока влечений, которые формируются низшими психическими импульсами, то кардинально иной поток высших психических процессов, определяющий действие воли, требует найти основания для разума, выходящие за пределы веры в него. Но отличие психологии действия импульсов веры от психологии действия импульсов воли состоит в том, что вера всегда существует в области конечных представлений рассудка, тогда как воля необходимо разрывает с системой этих представлений, открывая определенный горизонт онтологии времени.

Суть любой метафизической мысли – это восстановление позиции воли в реальности, поскольку только в этом случае реальность может быть разумной действительностью. И, надо сказать, что философии Гегеля это во многом удалось на счет структурирования спекулятивной мысли, когда мысль строится на постоянной деструкции взаимосвязи рассудка и воли в представлении. Однако мы должны понимать, что с точки зрения событий мировой истории, эта диалектика рационального мышления Гегеля существует еще в старой модели ценностей мировой цивилизации, оперируя не к будущему, а к прошлому. Отсюда формируется и вся система развития абсолютного понятия, как будто человеческое понятие может быть чем-то абсолютным в онтологическом потоке времени, где периодические Темные Века забвения разума показывают процесс его восстановления на кардинально иных расовых основаниях подсознания. Ведь Темные Века – это рубеж переоценки существа исторического разума, когда после разрушения варварами патриархальных начал культуры, мировая воля начинает действовать из наиболее разрушительных глубин психики. Отсюда – мрачные лица людей, подавленность живых человеческих эмоций, «расползание» в челове-

ской жизни психологически невыносимого отрицания ее непосредственности. Мы утверждаем, что «темнота» Темных Веком мировой истории определена метафизикой процесса глобального расообразования, когда перестройка фрактальных элементов расового архетипа человека образует принципиально новую расовую архитектонику существования homo sapiens.

Центральной идеей нашей работы является утверждение, что вера в разум как область конечного представления человеческого рассудка, исторически опираясь на эмпиризм восприятия, перешла в область мифологии. Отсюда возможны два пути исторического развития мировой цивилизации: либо забвение разума в потоке поверхностных представлений рассудка и катастрофа цивилизации как идея объединения разумных людей, либо действие разума на принципиально новых предпосылках, а именно на основании высших инстинктов. Фрактальным подобием этой исторической ситуации является нравственное состояние человека в Темные Века существования Западной Европы, хотя это подобие рассматривается нами только в силу наибольшего исторического материала для сравнительного анализа. Так, все топологические модели становления новой архитектуры расы homo sapiens начинаются с Темных Веков. В этом смысле, переход представлений веры в единого бога в истории в действие воли как самостоятельной базы цивилизации, в начале эпохи Средневековья, характеризуется активностью высших инстинктов, поскольку только высшие инстинкты и определяют существо бессознательного действия воли. «Технически», этот переход происходит в качестве окончания абсолютной власти библейского откровения Ветхого Завета и началом формирования Нового Завета, сопровождающийся, с одной стороны, процессом образования западноевропейских на-

ций, а с другой, появлением первого опыта метафизики схоластической школы мысли. Однако этот переход веры в бога из вожделения нравственно неполноценной души в сферу высших инстинктов психики характеризуется одновременным перемещением «центра мира» с территории Рима на бывшие варварские территории, то есть к германским племенам, когда римская воля иссякает. Процесс этот длится около тысячелетия, начиная от фанатизма первых христиан, которыми движет исступление матриархальной веры в Христа и заканчивая формированием рыцарских орденов, этих «кузниц» патриархальной психологии души, в течение которого происходит перестройка расового архетипа *homo sapiens*.

Постановка вопроса о метафизике высших инстинктов является необходимой после известной формулы о «смерти бога», которую мы рассматриваем именно как окончание существования классической западноевропейской метафизики. Так, вся история западноевропейской метафизики, начиная от средневековой схоластики, где понятие единого бога было центральной темой для изучения классических трудов Платона и Аристотеля — до интуитивного понимания абсолютной идеи у Гегеля, предполагала действие примата воли над бессознательными влечениями. Заметим, что разум не просто отвоевал свое место в среде восставших рабов в Темные Века Западной Европы, поскольку зачаточная метафизическая мысль могла возникнуть только тогда, когда стали возникать кастовые организации лигаристических союзов. Именно в структуре лигаристического союза — францисканском ордене, например, возникла теория номинализма Оккама, то есть средневековая философская мысль, первоначально, создала минимальную среду коммуникаций, в которой появилась возможность восстановления расовой памяти с историческим прошлым на основании принципиально новой исторической концепции метафизики реальности.

Глава 2

Когда мы рассматриваем фрактальное подобие Темных Веков новейшего исторического времени, к которому привело влияние на нравственное развитие человека ценностей французской революции, то не можем «винить» восставшие массы людей против предрассудков прошлого. Так, возникновение христианства исторически было неизбежно в силу того, что высшие психические ресурсы античной цивилизации были исчерпаны. Аналогичным образом, и новая вера рационализма возникла потому, что старая метафизика воли, то есть метафизика средневековой схоластики, доминировавшая несколько столетий, исчерпала свои ресурсные ресурсы.

Рассуждая о метафизике высших инстинктов, мы полагаем, что на бессознательном уровне человек является не животным, а разумным духом мировой истории. Эта априорная истина выстрадана нами на психосоматическом уровне под постоянным потоком бессознательных инъекций ликантропии сознания, которые проецируются в разрушительную энергию преобразования импульсов высшей психики в динамику метафизики действия воли. Следует заметить, что ликантропия сознания — это принципиально новая нравственная предпосылка исторического субъекта осознавать себя в онтологическом потоке времени сопричастного реальности существования мирового духа. Пер-

вые проблески этого нового субъективного нравственного переживания существуют в философии Ницше, поэтому мы не будем останавливаться на субъективной позиции моральных оценок этого сознания, а сразу переходим к их объективной перспективе рационального существа исторических событий.

Главной идеей этой работы является понимание, что расовый инстинкт человека определяет его судьбу, когда интеллектуальные, моральные, биологические и другие потребности — суть вторичное перед этим инстинктом, поскольку расовый инстинкт — это воля, а воля — это цена человека в событиях мировой истории по отношению к разуму. Ведь хотя старая метафизика и «умерла» как нравственная оценка, сам сакральный дух мировой истории никуда не исчез, а стал лишь оказывать более «жесткое» воздействие на глубины подсознания. И если теологические представления религии учили, что суд над человеческой душой будет произведен «после смерти» человека, то современные исторические события полагают, что этот суд вершится уже при самой жизни человека, — это и есть существо современной расовой морали. И хотя этот суд происходит в душе самых мужественных людей, от этого суть дела не меняется, поскольку в авангарде познания мирового разума всегда присутствует небольшое число людей, которые и определяют процесс метафизики глобального расообразования *homo sapiens*. В вопросе, что творит суд в глубинах человеческой души? — мы отвечаем: бессознательная расовая память человека, или взаимосвязь с высшими ценностями мировой истории, которая и является существом мирового разума.

Конец классической западноевропейской метафизики, являвшейся моральным основанием развития научно-технического прогресса, выражается сворачиванием действия метафизики науки в качестве нравственного «суда» над че-

ловеческой душой, то есть, фактически, оценки человеком себя самого как разумного существа, а не как животного. Известным признаком исчезновения разумной воли в приоритете научно-технологического проекта развития мировой цивилизации является распространение представлений о происхождении человека расы homo sapiens от примата. В результате катастрофического ослабления действия воли, во множестве мелочей жизни текучей повседневности человек действительно стал подобен обезьяне, то есть массовый человек, который живет своими влечениями, всегда становится тем, во что он верит. Это принципиальное отличие импульса воли от импульса влечения, как фундаментальное различие между разумным и неразумным образом жизни человека, характеризует позиции социальной и расовой морали. Здесь проявляется фундаментальное различие между бессознательным инстинктом смерти человека и его бессознательным инстинктом самосохранения. Не трудно заметить, что все расы мира, приняв героическую мифологию развития научно-технического прогресса, крайне негативно относятся к разрушению своих патриархальных норм жизни. Это касается не только европейцев, но и африканцев, и азиатов, то есть любой человек, если в нем есть хотя бы минимум разума, оказался в оппозиции к мифологии рационализма, которая характеризует тотальное доминирование научно-технического прогресса в массовой цивилизации.

Понятно, что представления о «коллективном разуме», которые распространились на обломках Российской империи после нашествия большевистской орды, — это не исторический разум, а какое-то дикое нравственное состояние человека, который оказался совершенно бессмысленным и ничтожным существом в мировой истории, вследствие чего

он «восстал» против всего. Это представление о «восстании против всего» в действительности имело вполне отчетливое направление – восстание «против» патриархальных норм жизни, которые являются базовыми для существования хотя бы минимальных проблесков разума. То, что мифология веры в научно-технический прогресс совершила определенные «героические» достижения на обломкам Российской империи, никак не относится к авангардной позиции объективного исторического разума, поскольку моральное обоснование научно-технического проекта развития возникло исключительно в западноевропейской цивилизации как подтверждение действия определенной исторической метафизики воли. Но в СССР, наоборот, именно разрушение патриархального начала традиции стало движущей силой истеричной агрессии варварских масс людей, проникнутых безумием веры в «коллективный разум». А когда человеку на уровне тоталитаризма господствующей государственной идеологии внушают, что он произошел от обезьяны, то он действительно становится обезьяной на бессознательно психологическом уровне. Какие уж тут понятия о моральном долге и чести, определяющие дух разумного понимания жизни.

С другой стороны, было бы несправедливо по отношению к событиям мировой истории полагать, что анклавные нации ничего не сделали для становления новой модели российской цивилизации. Основа идеологии Советского Союза определила возможности представлений и усилий государственного строительства для национальных анклавов. Так, анклавные нации: французские, русские, китайские или какого-то другого народа, всегда характеризуются ощущением коллективного единения в своем агрессивном стремлении противостоять патриархальному духу нации, поскольку ими движет матриархальный инстинкт биологического выживания. Однако элита нации, существуя в

авангарде объективных процессов развития мирового разума истории, всегда отстаивает патриархальную сущность ценностей жизни, которые определяют меру того мужества духа, который и определяет нравственную сущность человека в данное историческое время.

То, что характеризует эпицентр развития мировой цивилизации, а он существует всегда как определенная топологическая модель исторического разума, отображающего онтологический поток времени, есть сакральное начало бытия как высший инстинкт воли. В этом смысле, начало метафизики характеризуется, в первую очередь, окончанием периода господства «веры», поскольку состояние определенной веры переходит в состояние максимальной активности высших инстинктов. И если эпоха Просвещения характеризуется верой в разум, а эпоха Контрреформации – попыткой примирить волю и веру в русле патриархального начала бытия, то новейшее время характеризуется действием разума как расового инстинкта подсознательных начал тотальной власти воли над непосредственностью души. Заметим, что переход веры в состояние инстинктивного переживания первообраза онтологического потока времени, и есть критерий существования топологии рациональной структуры мировой цивилизации. Весь XX век определяется процессом перехода веры в разум в сферу действия разума как бессознательного инстинкта действия воли. В результате этого метафизического перехода архетип человека подвергся глобальной деструкции, следствием чего является процесс расовой катастрофы, то есть временная потеря контроля разумной воли над процессами мировой цивилизации, когда они обосновываются потоком пустых абстракций поверхностного интеллекта.

В понимании метафизики высших инстинктов человека мы должны осознавать, что эти инстинкты не могут быть чисто «человеческими» по существу, поскольку в их динамике

присутствует нечто сакральное. Принципиальным отличием существа этого сакрального начала, действующего в глубинах высших инстинктов человека, от представления о сакральном в каком-то теологическом смысле, является почти физиологическое, или, по крайней мере, психосоматическое его воздействие, которое невозможно представить в антитезе: человеческое – божественное. Таким образом, кардинальное различие между массовым и расовым существом человека состоит в фундаментальном различии психосоматической «моторики» импульсов действия воли и действия влечений, когда бессознательный импульс воли проистекает из сознания гибели человеческого существа, а бессознательный импульс влечения – из сознания инстинкта его самосохранения. Поэтому каждый человек «разорван», или фрактализирован, на две полярно-противоположные составляющие бессознательных процессов психики, в которых одна часть утверждает нравственный долг перед высшим началом бытия, а вторая – стремится к выполнению функции биологических инстинктов. Утрата высшего нравственного долга, или, в классически-философском смысле, утрата понимания существа высшего блага, выражается в утрате понимания разумного основания жизни.

Одной из основных задач нашей философской мысли является разрушить современную мифологию представлений о мире, которая проистекает из эмпирического восприятия реальности. В этом контексте нашей задачи мы решаем проблему восстановления истории метафизической мысли, которая после формулы о «смерти бога» требует осмысления рациональной модели новейшей стратегии развития мировой цивилизации. От чего «отталкивается» бессознательный импульс воли, когда психика человека существует в состоянии ликантропии сознания? Мы утверждаем, что

в онтологическом смысле она отталкивается от поля, или трансцендентного континуума, памяти-воспоминания, которое взаимосвязано с памятью высших ценностей мировой истории. Существует принципиальное отличие памяти высших ценностей, которые определяют метафизический импульс воли, от памяти-воспоминания, которое владеет влечением. Первый тип воспоминаний человек получает в результате определенных усилий своего духа, которые он не мог получить из непосредственного жизненного опыта, а вторые, наоборот, получает именно из этого опыта. Фактически, если бессознательные влечения, так или иначе, обусловлены инстинктом самосохранения, то бессознательные импульсы воли определены в поле ликантропии сознания, которая характеризует определенные состояния человеческой психики под воздействием инъекций инстинкта смерти. Здесь нас интересует то, что это переживание является центральном движущей силой воли, которая «парализует» течение бессознательных влечений.

Каковы последствия тотального воздействия на сознание человека мифологии эмпирического восприятия? Мы видим, что эта мифология кардинально изменила представления о том, что такое цивилизация, когда минимизация волевых импульсов стала следствием бесконечной безвольной эйфории по поводу стремительного роста комфорта, который создает технический прогресс. Если в историческом прошлом действие воли было бессознательно взаимосвязано с созерцанием метафизической загадки природы, которая имела место даже в крупных городах, по крайней мере, в выдающихся достижениях науки, то современный массовый мегаполис мировой цивилизации лишает человека этого созерцания. Можно сказать, что человек оказался полностью замкнут от метафизического

ощущения природы в силу существования полностью иррациональной среды массовых коммуникаций: телевидения, радио и интернета.

Мы понимаем, что все многообразие средств массовых коммуникаций, которое с утра до вечера обрабатывает сознание человека, направлено только на одно, — на максимальную активизацию в его подсознании животного инстинкта самосохранения. В результате, все проблески разума, которые всегда отображают определенную активность метафизики воли, ликвидируются в самом основании, то есть в возможности вступить с природой в метафизический контакт. Ведь разум — это в первую очередь, метафизическая интуиция природы, которая протекает в онтологическом потоке времени в качестве субъективной воли человека, которая не взаимосвязана с инстинктом самосохранения. Инстинкт самосохранения определен движением влечений: к духу ли, если мы рассматриваем нравственный опыт монотеизма, или к материи, если мы оцениваем ценности эпохи Просвещения. Но воля не имеет направления влечения, поскольку система высших инстинктов действует как элемент онтологического потока времени, а структура этого потока полностью замкнута для абстрактного рассудка.

Понять, что современный научно-технический прогресс является сферой новейшей мифологии сознания, может только объективный разум, который инстинктивно связан с высшей системой психики. Это бессознательное движение высшей психики человека против попытки отождествлять его с животным, и является тем, что определяет существо расовой морали и, как следствие, метафизический закон формирования расы *homo sapiens*. Можно сказать, что разумный дух ведет постоянную скрытую работу в подсознании, осуществляя через инъекции бессознательного инстинкта смерти взаимосвязь с высшими ценностями исторического прошлого. При этом скрытая работа разумного духа против

любых попыток социальной морали устанавливать либо теологические ценности, либо ценности научные в качестве единственно существующих моральных норм жизни неминуемо наталкивается на инстинктивную потребность воли в действии, которая невозможна в системе ценностей конечных представлений рассудка. Ведь воля инстинктивно стремится создать архитектонику рационального пространства коммуникаций людей, в которых воздействие на сознание животных влечений, неизбежно «замутняющих» разум, минимизировано. Следовательно, вопрос о «спасении» – это центральный вопрос в матриархальной психологии человека, тогда как в патриархальной психологии центральный вопрос – это вопрос о поддержании «огня» действия высших ценностей жизни.

Когда мы размышляем над сферой коммуникаций массового общества с точки зрения существования пространства, где присутствует отчетливая позиция разума, то не находим ее нигде. Понятно, что до начала XX века сферой этих коммуникаций была фундаментальная наука, в которой исторический разум «тепился» как архитектоника понимания метафизики бытия. Но в наше историческое время наука потеряла какую-то взаимосвязь с разумом на уровне существования каких-то новых идей, поскольку система представлений классической западноевропейской науки была построена на метафизике воли, где бог был законом существования абсолютного пространства и времени. Эта классическая механика была противопоставлена несколько веков назад сворачиванию метафизики представлений христианского религиозного сознания, выполнив свою нравственную задачу в наше историческое время, – создала «ветхозаветную» мифологию рационализма, тем самым связав национальные анклавные мировые народы единой верой. Но что произошло с национальными элитами мировых народов, которые в отличие от национальных анклавов

не могут существовать в области примитивной мифологии ценностей? Мы утверждаем, что они оказались полностью рассеянными во второй половине XX века, когда иррационализм системы коммуникаций массового общества стал тоталитарен.

В размышлении над существом русского национально-го духа мы должны исходить из того, что его предназначение состоит в том, чтобы заложить новые рациональные коммуникации мировой цивилизации в том момент, когда иррациональная система коммуникаций массового общества демонстрирует отрицание разума. Так, возникновение коммуникаций массового общества стало орудием по ликвидации проявления современного объективного разума, когда метафизическое основание фундаментальной науки исчезло. С другой стороны, очевидно, что массовое общество возникло в XX веке в России из нравов большевистской орды, которые не только не исчезли в наше время, но продолжают активизироваться, постепенно смещая моральную атмосферу по отношению к разуму в России на уровень африканских стран, то есть к системе бессознательных племенных инстинктов. Это обусловлено тем, что традиционные национальные позиции оказались разгромленными в результате нашествия большевистской орды и доминирования на территории бывшей Российской империи наследников ее племенных кланов. Однако национальные позиции морали всегда были в русской культуре очень размытыми, поскольку пытались совместить несовместимое по существу: народное религиозное чувство и ориентацию на низшие западноевропейские ценности. Этот нигилизм слабости духа матриархального коллективизма стал той разрушительной силой, которая постоянно размывала патриархальные связи традиции, хотя следует заметить, что любую традицию размывает онтологический поток времени. В результате, народное чувство единства стремительно

деградировало, поскольку со стороны нигилизма слабости, ставшего опорой неполноценной интеллектуальной традиции русской мысли еще до нашествия большевистской орды, русского народу постоянно внушался определенный комплекс неполноценности. Поэтому падение монархии под ударами большевистских орд было делом предопределенным самой моральной обстановкой в России.

Но наша позиция принципиально иная по отношению ко всему предшествующему интеллектуальному опыту развития: русской, советской и новейшей российской традиции мысли. Мы резко разрываем с этой поверхностной системой представлений о государстве, об исторических событиях, о предназначении человека в жизни, которые сложились в последний век как система интеллектуального русского опыта мысли. Мы полагаем, что эта система ложных поверхностных представлений вообще не имеет какого-то разумного отношения к существу духа русской нации, поскольку оперирует чем-то по ту сторону по отношению к реальности объективного разума событий мировой истории. Именно в силу этих примитивнейших поверхностных представлений рассудка современная Россия и оказалась в эпохе Темных Веков. Кроме того, помимо внушения комплекса неполноценности сознанию русского народа, эта система представления либо инстинктивно стравливала русский народ с другими народами России, либо вообще стремилась доказать, что судьба русской нации осталась в прошлом, как это, например, пытались доказать адепты большевистских орд. Причины этого неполноценного существа всей традиции нигилизма в русской истории мы объясняем попыткой заместить одну веру, традиционную, другой верой, за которой скрывается неполноценность ущербной души, которая характеризует нравственное состояние анклава нации. А так как доминирование этой мифологии неразумных представлений о существе исторических событий продолжается

и в наше время, то мы утверждаем собственную, расовую позицию, в началах русской мысли, которая кардинально отличается от всего многообразия известных всем исторических предрассудков. Однако очевидно, что наша расовая позиция не относится к биологическому пониманию реальности расового существа человека, которое сложилось в биологической науке в силу ее эмпирически-мифологических представлений о существовании разума. Мы стоим на полярно-противоположной позиции в понимании существования расового сознания, когда утверждаем, что оно проистекает из бессознательных импульсов высшей психики, тогда как низшие импульсы характеризуются массовым существованием человека как существом его животных влечений.

Поскольку современный человек в массовом мегаполисе практически полностью изолирован от взаимосвязи с метафизическим существом природы, то его существование определяется многообразием иррациональных связей массовой цивилизации, в которых он присутствует как безвольное неразумное существо. При этом индустрия массовых связей цивилизации постоянно усиливается, ликвидируя даже бесконечно малую возможность субъективного разума оценить реальную сущность происходящих исторических событий. Так разворачивается процесс расовой катастрофы, то есть процесс ускорения сворачивания определенной рациональной модели существования цивилизации.

Понимание событий современной мировой истории невозможно осмыслить, исходя из иррациональных структур массовой цивилизации, поскольку эти структуры отсчитывают историческое безвременье существования человека разумного. «Научные» же попытки рассуждений об исторических процессах оказываются во власти мифологии рационализма, которая существует в вере в науку, возникшую в эпоху Про-

свещения. Ведь сущность неразумных инстинктов – вождель предмет своей веры, а не действовать на его основании. Именно это вожделение веры в разум и стало основанием существования массового общества и всех иррациональных коммуникаций современной массовой цивилизации.

Чтобы понять, как рационально различается психология веры «морали рабов» от сущности метафизического импульса воли, можно сравнить сознание единого бога ранних христиан с этим сознанием в системе рыцарских союзов. В первом случае, мы имеем вожделение единого духа, которое полностью подавляет возможность разума как то адекватно воспринимать процессы мировой цивилизации, поскольку в этот исторический момент еще сильны позиции античной рациональной модели ее внутренних процессов. Во втором случае, сущность сознания единого бога как активность бессознательных высших инстинктов, которые действуют в рыцарских орденах, является метафизикой воли в поле варварских инстинктов масс. Ведь вожделение рабской душой веры в единого бога в библейском откровении Ветхого Завета давало возможность варварам Темных Веков в Западной Европе не чувствовать себя рабами в пределах ценностей античной цивилизации. Аналогичным образом и эйфория эмоционального подъема, которая существовала в большевистских ордах на территории бывшей Российской империи, также проистекала из истеричной импульсивности матриархального подсознания в специфическом чувстве «свободы» в представлениях о «коллективном разуме» и в вере в научно-технический прогресс. И действительно, это сознание «свободы», которое ведет свое происхождение из инстинктов восставших рабов в событиях французской революции, есть ничто иное как полное забвение высших инстинктов, отличающих человека от животного. Вера же коммунизма, как и аналогичные разновидности веры в единого бога в эпоху Темных

Веков Западной Европы, только максимально активизировала эти низшие инстинкты вождения рабской природы человека, дав возможность полного разгрома патриархальных начал психологии.

Мы утверждаем, что вера всегда характеризует ту или иную меру вождения человеческой души, которая не имеет отношения к действию воли. С другой стороны, многообразие современных психопатических состояний человека обусловлено именно отсутствием в наше время рациональных коммуникаций в государстве, в которых реализуется полноценное начало человеческой души, то есть признаки действия разумной воли. Наоборот, именно отсутствие воли и определяет функционирование массовой культуры, существующей по ту сторону от разума. Этой сферой массового бессознательного занималась психоаналитическая школа мысли, которая выяснила основание сферы инфантильных влечений в бессознательном инстинкте самосохранения человека с точки зрения механизма вытеснения подсознательных сексуальных импульсов. Нашей задачей, с учетом достижений психоаналитической школы мысли, является совершенно другое исследование подсознательных импульсов человека, которые взаимосвязаны с его инстинктом смерти, определяющих мотивацию действия разумных движений психики.

В вопросе о существовании происхождения массового социума мы стоим на новейших позициях современного объективного исторического разума, понимая его как систему иррациональных коммуникаций. Это понимание связано с тем, что, во-первых, мы осознаем идею человека как действие его разумного духа в процессах мировой истории; а во-вторых, полагаем, что дух человека имеет вполне физиологическую основу, то есть формируется различным диапа-

зоном психосоматических импульсов высших инстинктов. С другой стороны, для нас, очевидно, что механизм вытеснения, на котором строится психоаналитическая теория, формируется нравственным опытом воздействия массовой культуры на подсознание человека, начиная с его детства в качестве воспоминаний жизни. Эти воспоминания возникают как то, что человек переживал при жизни, в отличие от действия расовой памяти, когда человек переживает ощущения, которые он не может никак соотнести со своим коллективным опытом, то есть с опытом семейно-социального существования.

Если рационально оценить современную социальную сущность морали, то ее характер является матриархальным, ибо строится на восприятии человеческой индивидуальности как исключительно коллективно-инстинктивного существа. Подобного рода подсознательные основы социальной морали возникли в инстинктах пролетариев французской революции, которые и привели постепенно к возникновению структур массового общества. В силу ослабления расовых инстинктов, обусловленных высшими психическими импульсами, процесс перехода традиций демократических ценностей в сферу охлократии иррациональных институтов власти политической системы массового общества, был неизбежен с точки зрения процесса расовой катастрофы, то есть исчезновения существования рациональных коммуникаций. И если, например, аристократизм рациональной морали эпохи Возрождения противопоставил такой же аристократической морали средневековых ценностей – задачу возвращения назад, к расовой памяти античности, то философия Ницше обострила эту нравственную задачу «возвращения» до максимального предела сознания расовой катастрофы.

Когда мы анализируем аморализм социальных нравов современного массового общества, то находим его именно

в разрушении патриархального быта человека научно-техническим прогрессом. В первую очередь, речь идет о том, что исчезла метафизика воли, когда само объективное понимания разума было утрачено в качестве адекватного понимания исторического времени, в котором существует человек, и, как следствие, исчезло понимание различий между человеком и животным. Этот процесс исчезновения метафизического импульса воли неизбежно повлек за собой нравственное разложение сознания человека, обусловленное потерей веры в механического «бога» метафизических законов Вселенной. Вселенная оказалась механической только на самом зачаточном упрощенном уровне своих процессов, на уровне тождества: массового и инфантильного сознания, которое и стало доминировать как в современных научных представлениях, так и в представлениях современного социального мышления. С другой стороны, как это справедливо замечал Шпенглер, конечная стадия сворачивания рационального проекта любой модели цивилизации определяется процессом исчезновения разума в поверхностных абстракциях науки. Таким образом, исчезновение метафизической школы западноевропейской мысли характеризуется стремительным ослаблением метафизики воли, когда механицизм инфантильных психических реакций привел к появлению иррациональных связей массовой культуры и массовой цивилизации. Впоследствии, как известно, эти иррациональные связи массовой культуры распространились на судьбу всех народов мира через достижения научно-технического прогресса.

То, что тотально характеризует иррациональные коммуникации связей массовой культуры, — это стремление к полной ликвидации разумных движений человеческой психики. Подобного рода феномен иррациональных социальных связей, возникший после почти двухсотлетней веры в разум, определявший ценности Просвещения, состоит в

том, что вера не может быть основой методического действия разумной воли. Именно поэтому распространение ценностей эпохи Просвещения определяется резким переломом от аристократизма духа Возрождения — к пафосу инстинктов восставших рабов, когда отголоски расовой памяти высших ценностей становились все слабее, пока совсем не исчезли. Так, дух аристократизма ценностей Возрождения выражается в возвращении к античному резервуару расовой памяти во всем многообразии его проявления: в науке, искусстве, архитектуре, мифологии, но только Ницше осуществил тот возврат к расовой памяти античности в его максимальном воздействии на бессознательные ресурсы метафизических начал воли.

Когда мы размышляем над исторической эпохой XX века, то понимаем, что ценности эпохи Просвещения, на основе которой развивалась мировая цивилизация в последние века, уже не могут быть основанием действия разума в человеческой душе именно потому, что возникли из психологии «морали рабов». Здесь ситуация такая же, какой она была в конце существования Римской империи, то есть в процессе сворачивания рациональной модели античной цивилизации, когда античные боги «умирали», а христианство медленно, но упорно, распространялось в инстинктах римских рабов в качестве новой веры. Понятно, что новая вера дала возможность продержаться еще несколько веков античной цивилизации за счет иррационализма новых социальных связей, возникших в результате формирования института христианской церкви, однако эти связи медленно, но последовательно, разрушали способность римской воли к активности. Процесс этой нравственной деградации человека, в конечном счете, привел к полному исчезновению проблесков разума античного сознания и погружения Европы в Темные Века. Именно в это историческое время библейские ценности Ветхого Завета стали единственной

иррациональной основой взаимосвязи между варварами, которые уже не различали человека и животного на уровне разумного понимания (в мифологических представлениях веры это различие было более чем отчетливо). Подобного рода фрактальный анализ событий мировой истории дает возможность нам понять, какой моральный смысл имеет та историческая эпоха, в которой мы существуем в наше время. Ведь ценности эпохи Просвещения – это и есть вожделение «свободы» новых варваров, которое не имеет никакого отношения к подлинной сущности исторического разума, хотя и возникает из «веры» в разум.

Наше понимание кардинального отличия существа Новейшего исторического времени от истории Нового Времени состоит в том, что вера «морали рабов», ставшая нравственным импульсом распространения научно-технического проекта развития мировой цивилизации, является в нашем нравственном сознании «Ветхим Заветом» разума, который необходимо преодолеть. Фактически, речь идет о преодолении инфантилизма психики как психологической базы массовых коммуникаций современной цивилизации. С психоаналитической точки зрения, это единение людей в иррациональных связях массовой культуры осуществляется за счет переработки животного вожделения влечений в системе разного рода производства: интеллектуального, промышленного, биологического и так далее. Эту истину понимания массового бессознательного открыл психоанализ, который работал с динамикой психической энергии массовых влечений. Ведь человек, который является на бессознательном уровне животным, всегда стремится к тому, чего ему не хватает: к «свободе», поскольку какими бы материальными ресурсами он не обладал, он испытывает комплекс неполноценности по отношению к высшим цен-

ностям прошлого, в пределах которых является существом низшего типа.

Если мы попытаемся оценить современное существо морали в массовом обществе, то должны поставить ей однозначный диагноз — глубокий нравственный инфантилизм, то есть понимание добра и зла на уровне сознания ребенка, который никогда не касался взрослой жизни. Таков результат воздействия тотальной системы иррациональных коммуникаций массового общества на подсознание человека. В результате неразумного образа жизни, массы людей рождаются и умирают как животные, правда, выполнив свои биологические функции по продлению рода и занимаясь всю жизнь определенной профессиональной деятельностью, которая существует за пределами разумной действительности. Понятно, что субъективный разум необходимо оказывается по ту сторону от инфантильных представлений о добре и зле, поскольку эти представления не относятся к морали, имеющей хотя бы минимальное рациональное содержание. Но, с другой стороны, разумное содержание жизни и не предполагается в состоянии активности низших инстинктов, на которых строится вся инфраструктура массового общества.

Таким образом, наш диагноз современного тотального массового инфантилизма психики человека в массовом мегаполисе состоит в обусловленности подсознания верой, которая ведет свое происхождение из низших инстинктов, определяемых полным доверием к непосредственному чувственному восприятию. В результате, вера в то, что в действительности является наивысшей ценностью жизни — разумом, уничтожается тем, что ему диаметрально противоположно, — влечением. Исторически, эта ситуация фрактально подобна состоянию веры в единого бога на рубеже исчезновения античной и становления христианской цивилизации, когда вожделения рабов Римской империи

практически ликвидировали все признаки присутствия античной морали. Однако следует все-таки различать специфику вождения веры в единого бога рабских масс в Римской империи и за ее пределами, на периферии, которая существовала еще в состоянии глубокого нравственного варварства, а именно в германских племенах. Такого рода понимание фундаментального различия между вождением веры рабов на территории Римской империи и за ее пределами дает нам возможность понять, каково различие между верой в разум в инстинктах пролетариев французской революции и в вождении веры в «коллективный разум» в большевистских ордах, разрушивших Российскую империю. Оно состоит в том, что в первом случае, речь идет о постепенном переходе от одной моральной системы ценностей к другой, когда возникают основания для существования определенной буферной цивилизации, в которой процесс расовой катастрофы протекает значительно «мягче», чем на периферии цивилизации. Эта промежуточная модель цивилизации всегда находит определенное географическое место распространения своей системы, будь то Византийская империя или современные США.

В отличие от инфантильных представлений о добре и зле, которые существуют на уровне массового сознания, то есть по ту сторону от разумной исторической действительности, расовое существо морали формируется импульсами воли, а не влечений. Ведь импульсы воли подсознательно продуцируются высшей психикой человека, которая характеризуется напряжением онтологии темпоральных тензоров бытия, осуществляющих взаимосвязь между образами бессознательной памяти, которые человек не мог получить в непосредственном опыте своей жизни. Эти образы всплывают в подсознании, когда человек испытывает сознание

трагизма жизни, то есть, наоборот, утрату взаимосвязи со спасительными воспоминаниями детства.

Если мы будем искать какой-то психологический аналог действия подсознательного инстинкта смерти в глубинах человеческой психики, то найдем его в дискретных бесконечно малых инъекциях-интервалах состояний клинической смерти, протекающих в глубинах психики, которые одни люди замечают, а другие – нет. У Лейбница, это проблема получила определение характера исследования перцепций и апперцепций как разного уровня интенсивности восприятий. Если первые, будучи смутными и расплывчатыми, не могут лежать в основе устойчивости чувственных ассоциаций, то вторые, наоборот, должны являться критерием сознания реальности. Однако следует заметить, что эстетический феномен образуется именно из первоначально смутных образов, поскольку это образы расовой памяти, которые человек не мог получить при жизни. Более того, ясность перцепции достигается не за счет простоты течения чувственных ассоциаций, а в результате достаточной активизации в индивидуальном духе воспоминания фрактальной истории развития рациональной морали, в которых сознание является властью субъективного разума над низшими психическими процессами. В этом смысле, следует понимать, что принципиальное различие западно-европейской школы мысли от др.греческой состоит именно в том, что понимать под «естественным» состоянием для человека. Ведь из базового представления о том, что для человека является естественным, возникает и сознание права, и основание для действия разума в душе, и, собственно, вся непосредственность образа жизни человека в бесконечном многообразии ее проявлений.

Когда мы задаем себе вопрос: почему в наше время воля русской нации не действует, то находим простой ответ, лежащей на поверхности событий российской истории:

эти варварские массы и агрессивные человеческие орды, появившиеся на развалинах Российской империи в начале XX века, никуда не исчезли после развала СССР. Они просто «перестроились» в иные политические структуры власти, которые стали выступать от имени тысячелетней русской культуры, стремительно угасающей после варварского нашествия. Главная же причина состоит в том, что нация существует только тогда, когда обладает какой-то объективно-разумной исторической целью существования в мировой истории, ибо, в противном случае, она просто не имеет места как историческая реальность.

В аспекте восстановления исторической памяти, наше сознание возвращается к опыту высших ценностей всей мировой истории цивилизации, в котором русское национальное самосознание находит только один устойчивый объект сознания – национальную трагедию, которая произошла в России вследствие нашествия большевистских орд и разрушения Российской империи. При этом очевидно, что варвары, распространившиеся на обломках бывшей Российской империи, вполне естественно трансформировались в новую российскую реальность после распада СССР, став главными участниками дележа собственности «великого похода». Однако не стоит забывать, что анклав нации – это тоже нация, но только в самом примитивном и униженном состоянии реальности, которое демонстрирует человеческое существо, лишенное разума. Это неразумное существо также обладает стремлением к разуму, однако на таком зачаточном уровне, который демонстрирует полное отсутствие исторической воли, что, собственно, определяет современную социально-политическую реальность России.

Таким образом, когда мы рассуждаем о существовании расовой морали как об особом моральном пространстве в мировой истории, то не должны противопоставлять элиту нации ее

анклавам, а действовать так, как действовали осколки нации на развалинах Советского Союза, пытаюсь создать хотя бы минимальные рациональные коммуникации. С другой стороны, принципиальное различие между анклавом нации и ее элитой состоит в том, что первая не имеет ни чувства достоинства, ни сознания нравственного долга, ни взаимосвязи с прошлым и будущем мировой истории, демонстрируя психологию временщиков власти. Кроме того, разговоры о «гражданской войне» и разного рода «революциях» в современной России могут демонстрировать только одно – отсутствие разумного понимания исторических событий. Когда речь идет о Темных Веках мировой истории, первоочередной задачей является очень жесткое объединение того минимума разумных людей, которое определяет существование национальной элиты в одно целое. С точки зрения метафизики воли, это выражается концентрацией волевых усилий определенного рода лигаристических политических «узлов» государственности, которые начинают постепенно, как «обручем», стягивать в себя неразумное целое, «перерабатывая» его в полноценный человеческий материал.

Глава 3

Мы должны обратиться к опыту мировой истории, чтобы осознать те движущие силы, которые определяли магистральный путь ее развития. Мы, в конечном счете, должны обратиться к той исторической мистерии, которая началась в России с момента нашествия большевистской орды и которая не закончилась в наше время. Эта трагическая мистерия – суть проявление метафизики глобального процесса расообразования, который демонстрирует периодическое появление и исчезновение реальности существования расы *homo sapiens* в мировой истории. Ведь только наивное мифологическое сознание нашего времени, опирающееся на инфантильные представления о «разумности» научно-технического прогресса, способно воспринимать факт «конца» мировой истории.

Чтобы понять, чем отличаются анклавные нации от элиты нации в контексте развития событий мировой истории, мы должны рационально осмыслить понятие «прарасы» у Шпенглера, которое он применяет к психологии человека, находящейся под воздействием исторической псевдоморфозы культуры, если иметь в виду историю развития российской государственности. Так, если понять, что петровский проект существования российской цивилизации был разрушен после нашествия большевистской орды, то современное состояние российской цивилизации является ото-

бражением исторической мистерии формирования самостоятельных начал новой модели мировой цивилизации. В этом смысле, прарасовые коммуникации русской нации до нашествия большевистской орды «расщепились» в результате расовой катастрофы на две составляющие: агрессивные массы, связанные коммуникациями массовой культуры, и осколки нации, которые были почти полностью парализованы интенсивным процессом перестройки глубинного расового архетипа метафизического основания действия воли.

Когда мы рассуждаем о существовании национального духа, то менее всего имеем в виду его «исключительность», поскольку подлинный национальный дух проявляет себя только тогда, когда он существует как всемирно-историческая реальность мировых событий исторического разума. И если эта реальность существования русской нации ни у кого не вызывает сомнений в событиях второй мировой войны, то современный воровато-безвольный тип русского национального анклава, получивший власть и собственность в результате развала СССР, безусловно, не относится к каким-то заметным событиям мировой истории, «прозябая» где-то в «шлейфе» заката западноевропейской цивилизации. Принципиальное отличие присутствия воли русской нации в событиях второй мировой войны, по сравнению с почти полным ее отсутствием в наше время, объясняется тем, что в первом случае нация была поставлена перед необходимостью драться «на смерть», а не вырождаться в массовых социальных структурах. В этом смысле, наше историческое время характеризуется тем, что возникла необходимость, в первую очередь, определить моральное превосходство национального духа над иррациональными ценностями современной западноевропейской цивилизации в качестве новой рациональной модели развития мировой истории. Ведь только тот, кто обладает моральным превосходством

в событиях мировой истории, имеет какое-то историческое будущее и, главное, сознание разумного права.

Размышления над главной движущей силой мировой истории, расе homo sapiens, требуют полагать, что русская национальная воля является авангардной волей в необходимости объединения различных национальных элит других народов на основании преодоления процесса расовой катастрофы, когда трагизм исторического самосознания наиболее остро переживается в современной российской цивилизации. С другой стороны, очевидно, что воля расы homo sapiens – это то, что характеризует волю всех мировых наций, которые оказались на грани исчезновения в системе иррациональных ценностей массового мегаполиса, то есть в аспекте понимания существования расы homo sapiens речь идет о воле мировой. Вопрос о существовании воли расы homo sapiens мы сводим к вопросу о процессах расового бессознательного, которые владеют высшими психическими импульсами всех наций мира.

Анализируя природу расового бессознательного, мы приходим к выводу, что речь идет о процессах высшей психики человека, определяющей его бессознательные импульсы воли. В этом смысле, наше понимание расового существа человека основано на существовании в подсознании высшей психики, которая проистекает из инстинкта смерти. То, что на этот небиологический инстинкт «наращивается» материя, предполагает совершенно иную систему психосоматических реакций, чем та, которая характеризует психофизиологическую сущность человека в состоянии его естественного состояния души, где отсутствует активность высших психических процессов. Это принципиально иная психологическая система, чем система импульсов чувственного восприятия, на котором строится эмпирическое мышление. Она строится на процессе дискретного вбрасывания «инъекций» импульсов высшей психики, пресекающих мо-

нотонность влечений. В этом смысле, рассуждения о существовании идеи Платона с точки зрения ее логической структуры, которая и стала основанием всей философской школы понимания платонизма в западноевропейской мысли, есть нечто бесконечно-малое по отношению к анализу структуры платоновской идеи как эстетических образов-воспоминаний, фракталов связи конструкций сознания в онтологическом потоке времени. На это фундаментальное различие между трагическим и естественно-эмпирическим восприятием нам указывает опыт изучения философии Ницше, поскольку философия Ницше продолжила максимально радикальный поворот сознания высших ценностей, начатый в эпоху Возрождения к античности в онтологическом контексте понимания исторической сущности времени.

Если мы будем двигаться в необходимости исторического переосмысления закона «вечного возвращения» в качестве существа его объективного рационального содержания, то мы приходим к пониманию, что имеем дело со структурой платоновской идеи как отображением расового сознания, которое определяет принципиально иные структурные элементы идеи, чем те, которые разрабатывались западноевропейской школой мысли. Более того, мы осознаем важнейший принцип действия идеи как фрактальной структуры, поскольку сам Платон, все в той же необходимости субъективного действия закона «вечного возвращения» в мышлении, использует для понимания рациональной структуры идеи государственности накопленный расовый опыт др. восточных цивилизаций в качестве кастового сознания др. египетской системы высших ценностей. Таким образом, прорыв к историческому прошлому осуществляется за счет активности фракталов сознания, которые возникают как возвращение памяти исторического прошлого в осознания субъектом себя частью онтологического потока времени. Понятно, что в таком контексте понимания

событий мировой истории не может быть и речи о какой-то «научности» основания ее процессов, поскольку в качестве научного понимания – дистанция между мышлением и историческим процессом перемещается в область интеллектуальных операций разного рода абстрактными схемами представлений о событиях мировой истории, но не подлинного духа истории. В этом процессе интеллектуальных операций представлениями о событиях мировой истории сознание существует под властью низшей психики, то есть бессознательно обосновывается не оценкой действия метафизики воли в истории, а пытается представлять себе историю как отображение естественного существа человека в социальных процессах. Такова, например, система исторических ценностей марксизма, в которых агрессия люмпенских масс представляется как очередной образ исторической «свободы» «морали рабов».

В вопросе понимания действия расовой морали, которое определяет субъективность психических импульсов воли, необходимо избавиться от предрассудка массовой культуры, в которой мифология веры в научно-технический процесс является критерием меры рационального развития человека. Технический прогресс – это производная от низших процессов психики как реализации достижений абстрактного мышления, тогда как фундаментальная наука является всегда производной от определенной метафизики воли, которая реализует определенную позицию исторического разума. Потому субъект разумного действия воли протекал в последние века в достижениях и реализации научно-технического прогресса, что в это историческое время фундаментальная наука совпадала с авангардными достижениями объективного исторического разума как тождество метафизики механических законов Вселенной и единого бога

как его первообраза. То, что новейший субъективный разум изменил направление своего движения, является феноменом течения онтологического потока времени, в котором феномен времени изменил рациональную структуру топологии своего течения.

Заметим один важнейший момент в понимании высших ценностей, — они не могут быть следствием процесса мышления человека в его естественном состоянии души, поскольку высшие ценности мировой истории — это всегда трагическое ощущение сознания реальности, которое существует как невозможность возврата к естественному состоянию, то есть к состоянию потери разума. Можно сказать, что в трагическом состоянии восприятия реальности сознание необходимо и неизбежно функционирует в определенной метафизике действия воли, причем эта метафизика в процессе реализации рациональной модели цивилизации требует постоянной перестройки расового архетипа человека. В свою очередь, перестройка расового архетипа человека влечет за собой и формирование новых рациональных коммуникаций мировой цивилизации, поскольку старые рациональные коммуникации неизбежно деградируют, то есть традиционная патриархальная психология человека перестает обладать достаточной волей, чтобы отстаивать расовые позиции разумного понимания явлений.

В структуре расового сознания речь идет не о симуляции субъективности, которая характеризуется массовыми инстинктами, отображающими иррациональные процессы массового мегаполиса по отношению к историческому разуму, а о новом моральном договоре между нациями, необходимость которого возникла вследствие процесса расовой катастрофы. Субъектом этого нового морального договора должны быть национальные элиты, а не их анклав, успеш-

но объединившиеся в иррациональных коммуникациях массового общества. Понятно также, что основой объединения национальных элит может быть только нравственный закон, а не разного рода мистификации сознания, обусловленные разнообразием бессмысленных низших ценностей, связанных с потреблением материальных благ, в первую очередь.

Субъективность современного морального сознания человека необходимо проистекает из двух выдающихся достижений мировой мысли: из психоанализа Фрейда и философии Ницше. Если первая «расчистила» дорогу для понимания кардинального различия между подсознательным мотивом действия воли и влечения, то вторая, собственно, заложила основу субъективного переживания нравственного закона новой рациональной модели мировой цивилизации. Субъект стал осознаваться, как свойство расовой памяти человека постоянно подсознательно возвращаться к достижениям высших ценностей мировой истории, то есть к ценностям, в которых присутствует ощущение взаимосвязи с опытом системы рациональных коммуникаций, которая была временно забыта под воздействием периодически активизирующейся «морали рабов». Ведь начало субъективного разума является следствием действия расовой морали *homo sapiens*, которая постоянно объективно изменяется в соответствии с метафизикой изменения архетипа расы. При этом архетип расы отображает рубеж определенного уровня патриархального пространства рациональных коммуникаций, где существует взаимосвязь между разумными индивидуальностями. Одновременно, матриархальная психология человека протекает в активности воздействия подсознательных влечений как непосредственном продукте социальных связей, которые формируют систему монотонной повседневности жизни, бесконечно отдаленную от процесса воспоминания высших ценностей.

Высшие ценности сознания – это ценности, в которых существует метафизический импульс воли, то есть устанавливается нравственная взаимосвязь между разумными индивидуальностями. Понятно, что как подсознательные влечения ускользают к инстинкту самосохранения от конечных оценок рассудка в возможности однозначного понимания человеческой природы, так и подсознательный импульс воли ускользает к инстинкту смерти в невозможности однозначной оценки происхождения высших ценностей. Наше время характеризуется осознанием, что разум – это не спекулятивная система понятий, а прямое действие непрерывного возвращения памяти к высшим ценностям прошлого в метафизическом действии воли.

В основе подсознательной нравственной борьбы, которая протекает в симметрично различных импульсах подсознательной психики человека, в каждом человеке заложено инстинктивное стремление к утверждению высших ценностей, то есть к потребности быть разумным существом. В достаточной степени, субъективно, эта потребность существует на физиологическом уровне, когда полноценность человеческой психики прямо зависит от необходимой активности высших ресурсов души. Таким образом, расовая память – объективно, или вечное возвращение к высшим ценностям – субъективно, являются основными признаками существования разумной психологии человека в историческом событии. И, наоборот, инфантильная память подсознательной активности влечений выражает симуляцию субъективности, которая, объективно, есть не что иное, как тотальный иррационализм современной системы массовых социальных коммуникаций.

Один из основных признаков неразумного образа жизни человека – это ярко выраженный инфантилизм психи-

ки, то есть неспособность развиться до взрослого состояния нравственной ответственности. В результате, вся социальная активность массового мегаполиса представляет собой игровую реальность многообразия того бессмысленного образа жизни человека, в котором отсутствие активности разума в душе гарантирует относительное благополучие инфантильного образа жизни. Однако «моральное» все-таки присутствует в этой реальности, существующей по ту сторону от разума, которая рассуждает о морали на уровне «хорошо» и «плохо», то есть вполне в духе сознания ребенка, находящегося под постоянной «заботой» матриархальных инстинктов, тотально доминирующих в активности массовых социальных институтов. Массовые инстинкты – суть инстинкты социального поведения человека, которому подсознательно необходима постоянно чья-то «опека». Другое дело, что в историческое время, когда параллельно существует рациональная мораль, эти инстинкты не являются доминирующими. Однако они всегда захватывают влияние в психологии человека, когда процесс расовой катастрофы характеризуется ослаблением активности волевых импульсов высшей психики, на основе которых всегда формируется и рациональная психология и, главное, рациональная мораль, то есть мораль, которая требует мобилизации высших ресурсов психики.

Мы полагаем, что кардинальное различие между социальной (или матриархальной) психологией человека и расовой (или патриархальной) психологией состоит в том, что первая, всегда определяет определенного рода семейно-нравоучительный моральный принцип, а вторая, отображает онтологический характер действия морального закона как авангарда развития рациональных способностей мышления. Кардинальное различие социальной и расовой морали обусловлено различными побудительными мотивами этих моральных систем, когда социальная мораль – это

всегда определенного рода ограничение, а рациональная мораль – это, наоборот, максимальная мобилизация ресурсов воли. В авангарде метафизического познания бытия всегда существует минимальная возможность человеческой непосредственности в силу того, что динамика первичного импульса воли здесь равносильна максимальному воздействию онтологического потока времени на высшие ресурсы человеческой психики. Это требует максимальной концентрации сознания на объективизации высших ценностей жизни, в качестве онтологической границы реализуемых ресурсов воли. За счет этой границы, собственно, и формировались в мировой цивилизации различные рациональные коммуникации.

Когда мы утверждаем, что расовая мораль homo sapiens – это особая мораль, которая кардинально отлична от представлений социальной морали, то, в первую очередь, указываем на действие расового бессознательного потока психических импульсов в подсознании человека, которое ускользает в его инстинкт смерти. И если разного рода системы моральных ценностей различных народов строятся на различных представлениях, в том числе, религиозных, то расовая мораль homo sapiens определяет собой эпицентр процессов развития мировой цивилизации, где выражается именно всеобщее рациональное начало высшей человеческой психики. Во всеобщем начале действия рациональной психологии выражается магистральное движение развития процессов мировой цивилизации, отображая метафизику развития расового архетипа homo sapiens.

Особая сущность расовой морали состоит в том, что она является рационалистической в качестве процесса появления и исчезновения рациональных коммуникаций, которые определяют стратегию развития мировой цивилизации. В

этом смысле, если таким последним проектом были позиции рационалистической морали в метафизике развития фундаментальной науки, то наше время характеризуется исчезновением системы связей этого исторического проекта. Собственно, потому и исчез метафизический фундамент современной науки, что в нем исчезли рациональные начала метафизики бытия, которые способны указывать на какой-то проект исторического будущего. А время, если в нем отсутствуют горизонты метафизической сущности бытия, является только мифологией представлений, которые и утвердились в качестве тоталитарных позиций эмпирического понимания реальности в массовой цивилизации.

Мы полагаем, что расовая сущность человека является продуктом его высшей психической активности, которая определяет рациональные начала психологии в движении импульсов воли как метафизической взаимосвязи в сознании онтологических моментов времени. Подчеркнем главное, раса — это не биология, то есть это не различия людей по каким-то анатомическим и генетическим признакам, раса — это психофизиология, где существует определенная система моральных импульсов, проистекающих из высшей психики человека. Это суждение выражает понимание, что разумные психические импульсы души имеют не физиологическое, а метафизическое происхождение, которое характеризуется действием метафизики волеизлияния и которое демонстрирует совершенно иную реальность, чем проекции сознания, существующие в восприятии социальных процессов. Таким образом, наше понимание рациональной морали, которое противопоставляется массовой социальной морали как неразумной, следует рассматривать в контексте глобального перелома понимания исторического разума, который произошел в XX веке. Основная особенность этого кардинального перелома понимания рациональной морали новейшего времени по отно-

шению к прошлому состоит в том, что она не направлена на формирование определенных социальных институтов. Она направлена на необходимость структурирования лигаристических союзов, в которых рациональные коммуникации определяются как процесс постоянного воспоминания высших исторических ценностей, с одной стороны, и, в качестве этого воспоминания, действия подсознательных метафизических мотивов воли, с другой. Такого рода необходимость перелома в понимании морального существа разума проистекает из наступления новых Темных Веков мировой истории, причем, где-то уже наступивших, например, в России, а где-то медленно, но непреклонно заполняющих своей зловещей тенью моральный вакуум массового социума мирового мегаполиса.

Когда мы утверждаем, что современная рациональная мораль опирается на систему высших бессознательных инстинктов, то полагаем, что она является процессом постоянного воспоминания человеком его прошлого как осознания себя частью этой системы постоянного воспоминания. Этот процесс воспоминания является единственной основой мотиваций его подсознательных действий метафизических импульсов воли, и, следовательно, основой рациональной психологии. В этой системе действия рациональной психологии человека – понимание рациональной психологии, начиная с Декарта и заканчивая Гегелем, является уже во многом иррациональным с точки зрения основополагающей метафизической антитезы: человеческое – бог. Действие воли – это всегда «скованность» духа патриархального сознания из-за невозможности уклониться от нравственного долга, имеющего метафизическое содержание в этом действии. Так, именно научно-технический прогресс должен был быть и стал реализацией исторического разума западноевропейской школы мысли в реализации проекта развития мировой цивилизации. Одновременно, исчерпа-

ние ресурсов этого рационального проекта следует искать в исчерпание ресурсов рациональных коммуникаций расовой системы *homo sapiens*, действовать в соответствии с реализацией исключительно научно-технического потенциала стратегии развития мировой цивилизации. В силу этой исторической необходимости мы наблюдаем исчезновение разумных людей в научной среде, поскольку разум не может существовать в мифологической системе представлений, которой стала современная научная «общественность». Разум, опираясь исключительно на высшие ресурсы психики, может существовать только в тех коммуникациях, которые ограничены для непосредственности человеческого существа, поскольку онтологический поток времени невозможно предсказать, как невозможно «спроектировать» следующее мгновение метафизического импульса воли, действующее в онтологическом потоке времени.

Размышляя над источником происхождения трагических восприятий и переживаний, мы обнаруживаем, что по собственной воле человек не может стремиться к ним. И наоборот, то естественное состояние психики, которая стало основанием для естественного права в западноевропейской цивилизации, характеризуется тем, что человек всеми силами к нему стремится, а точнее — влечется. Именно это влечение человека к естественному природному состоянию, и стало началом представлений о естественном влечении человека к счастью, став, в частности, рассудочным представлением о морали у Канта в началах субъективной нравственности. Однако непосредственное человеческое существо имеет особенность уклоняться от действия исторического разума, поскольку суровость воздействия разумных начал высшей психики всегда вызывает неприязненное отношение непосредственных чувств, стремящихся

полностью доверять исключительно представлениям человеческого рассудка. А поскольку наиболее устойчивые обыденные представления существуют именно в естественном состоянии психики человека, то и максимальное сопротивление разуму демонстрирует та социальная система, в которой эти обыденные представления являются наиболее устойчивыми, то есть массовая система представлений.

В вопросе о существовании рациональной моральной сущности человека крайне важно понимать, что она строится не на обыденных представлениях конечного рассудка, а на свойствах расовой памяти *homo sapiens* постоянно возвращаться к высшим ценностям прошлого. Собственно, именно на этом процессе постоянного возвращения к нравственному историческому опыту прошлого и строится действие платоновской идеи как эстетической структуры фрактальной действительности бытия. Ведь особенность эстетической структуры сознания принципиально отличается от чисто логической структуры тем, что проистекает из импульса высшей психики, который формируется трагическим восприятием реальности. Так, трагическое восприятие — суть принцип фрактального подобия исторических времен, в котором прошлое мыслится как настоящее в метафизике волеизлияния и которое выражает сакральное присутствие всего исторического опыта расы *homo sapiens* в эмоциональном взаимодействии индивидуального разума с эстетической структурой фрактала исторического события.

Главным критерием различия между рациональной моралью и моралью обыденных представлений человеческого рассудка является полноценность эстетического основания созерцания исторической реальности, на котором строятся рациональные моральные принципы. Это обусловлено тем, что именно эстетическое созерцание определяет непосредственный субъективный импульс метафизики воли своей исторической эпохи. Если несколько веков назад основой

действия импульса воли было представление об абсолютном пространстве и времени, то есть практически сведение морального мышления к подобию научного образа мыслей, то наше историческое время в контексте нового исторического проекта рациональной морали характеризует эти представления как неразумный образ мыслей в динамике массового существования человека под воздействием бессознательных влечений. С другой стороны, необходимо понимать, что в бессознательном существе человека всегда идет борьба между разумом и неразумными влечениями, то есть между позицией воли и позицией иррациональных представлений о реальности. Причем, как показывает исторический опыт, иррациональные представления практически всегда отображают содержание сознания, в которых разум существовал в прошлом, но не существует в настоящем. Примером такого положения дел может служить, например, историческая ситуация между поздним Средневековьем и началом эпохи Возрождения, или между XX веком, как последним веком веры в научно-технический прогресс, и нашим временем как очевидной невозможностью верить в то, в чем разума не существует. Однако, как это всегда бывает в мировой истории, разумных людей в такие эпохи находится всегда два-три десятка, тогда как армия ревностных служителей старых представлений о морали, — десятки и даже сотни тысяч. Причины такого неравного противостояния понятны: как трудно было сомневаться в сотворении человека божественной волей, чему учила религия в конце существования Средневековья, поскольку на этом строилась вся инфраструктура сословного общества, — также трудно сомневаться в происхождении человека от обезьяны, как тому учит современная наука в наше историческое время, на чем строится идеология морали современного массового общества. Ведь, чтобы сомневаться в последнем, необходимо противопоставлять позиции науки

не еще более примитивные мифологические представления о происхождении человека, а новейшую позицию объективного исторического разума, то есть фактически указывать на контуры рациональных коммуникаций будущего развития мировой цивилизации.

Более всего, мифологизм конечных представлений рассудка проявляется в вопросе об оценке исторических событий, поскольку рассмотрение событий мировой истории с точки зрения «научного» обоснования, предполагает, что в исторических событиях существует только либо отдельная человеческая воля, либо «массовая» воля людей, то есть определенное механическое суммирование этих волей. Подобного рода представления о событиях мировой истории берут свое происхождение из метафизики западноевропейской мысли, а именно в ее механическом представлении о «боге» как о «вечном» начале всего, что существует. Понятно, что эти представления возникли в силу того, что бессознательно-инстинктивное существо морального религиозного договора, которое мы полагаем расовым, было отвергнуто в качестве «архаичного». Из этого отрицания старых норм морали и стали формироваться инстинкты массовой души, впоследствии приведшие к событиям французской революции, то есть исторического упразднения расового морального договора и начало формирования на его месте договора о естественном человеческом праве.

Когда речь идет о естественном праве, то предполагается, что существует только человеческое существо в действии морального договора, то есть нет ничего, что могло бы быть сакральным существом реальности, превышающей действие человеческой воли. Понятно, что в сознании, для которого представления о свободе являются первичными, единственной сферой реальности, в которой заключается и действует моральный договор, является система социальных отношений. Ведь эти отношения отображают непо-

средственность человеческих восприятий, чья «живость» проистекает из живости человеческих эмоций. Непосредственные человеческие эмоции начинают восприниматься как определенное откровение сознания после длительного удушливого морального пространства Средневековья, где живость эмоций – суть откровение «нового мира». Однако «новизна» этого мира рано или поздно истощается, поскольку непосредственная живость души – это ее матриархальное состояние, которое постепенно возвращает инстинкты человека к психологии кочевника. Так, особенность психологии кочевника состоит в том, что он не обладает моральными ресурсами разума для строительства государственности. Другое дело, что заметить эти исторические процессы в начале «нового времени» практически невозможно, поскольку свежий «ветер» человеческих эмоций, первоначально, захватывает душу целиком, «очищая» от множества мифологических предрассудков.

Отличие патриархального существа человека от кочевого состояния психики состоит в том, что в первом случае он оказывается «связан» моральным договором не в представлении естественного права, а в качестве права расового договора, которое устанавливается вследствие реализации действия определенной метафизики воли. После многовекового существования патриархального образа жизни человека его сознание постепенно «освобождается» от нравственного опыта власти традиции, что действует только на некотором ограниченном промежутке времени. Именно этот промежуток исторического времени и становится подлинным расцветом метафизики науки, которая развивается за счет равновесия между сворачиванием одной рациональной модели цивилизации и параллельного формирования новой модели. Так, главной ошибкой в понимании психологического происхождения разума в российских концепциях мировой истории в наше время явля-

ется то, что он рассматривается исключительно в качестве представлений обыденного рассудка, хотя подлинный разум всегда противостоит обыденным представлениям. Разум, по существу, проявляется только в таком историческом пространстве ценностей, где ресурсы веры значительно исчерпаны, то есть возможны два исторических варианта развития событий: либо полное исчезновение сложившихся здесь традиционного образа жизни, нравов и, в целом, какой-то структуры государственности, либо появления новой рациональной модели развития мировой цивилизации.

Момент доминирования неразумных влечений над импульсами метафизики воли в подсознании характеризует процесс исчезновения разумного образа жизни человека. И, одновременно, фальсификация разума становится тотальной, если обратить внимание на официальную биологическую теорию о происхождении человека от обезьяны, культивируемую в массовом сознании. Собственно, в момент практически полного сворачивания рациональной модели мировой цивилизации фальсифицируется именно идея жизни. И если источником этой фальсификации в конце эпохи Средневековья выступала религиозная схоластика, то в наше историческое время этим источником является биологическая наука с ее единственной сферой аргументов – эмпирическим восприятием. Все, что выходит за пределы аргументов эмпирического мышления, автоматически подвергается обструкции в качестве возможности существования иной системы ценностей. В этом смысле, массовая мораль ревностно следит за основными моральными ценностями существования человека в массовом мегаполисе: инстинкте самосохранения и единственной моральной оценке человека – по отношению к социуму.

В понимании природы метафизических сил, которые поддерживают моральный закон в человеческой душе, должно быть очевидным, что он имеет сакральную природу. Однако сакральное существо реальности воспринимается по-разному в рациональной психологии метафизики воли и в психологии массового человека, находящегося под властью бессознательных влечений. Так, в первом случае, оно воспринимается как участие разума на равных с сакральным существом бытия, которое созерцается как онтологический поток времени, а во втором случае, как бесконечно превышающее существо человека. И в данном случае, не принципиально, чем представляется это бесконечно превосходящее человеческое существо начало: богом или мировой материей, — главное, что оно, безусловно, «спасает» от разрушительного воздействия высших психических импульсов души. Это «спасение» состоит в том, что в душе устанавливается определенная стабильность доминирования низших процессов психики, дающих возможность уклоняться от волевого участия в реальности, поскольку волевой импульс формируется исключительно в поле онтологического потока времени. Онтологический поток времени как производит бытие, так и разрушает его на отдельные фрактальные структуры, которые способны сохранять отображение прошлого, периодически восстанавливая взаимосвязь человека с высшими ценностями мировой истории через процесс бессознательного воспоминания. Однако эти события не являются линейными, как тому учила монотеистическая религия, а в Новое Время — наука Просвещения, вплоть до нашего времени, когда стала очевидной мифология этих представлений о мире. В действительности, исторические события развиваются только в реализации высших ценностей жизни, или в процессе воспоминания о

них. Причем, в большей степени в воспоминании, поскольку, как это справедливо заметил Шпенглер, исторический промежуток времени, на котором доминируют высшие человеческие характеры, как в государственной жизни, так и в непосредственных событиях мировой истории, бесконечно мал, всего лишь полтора-два столетия. Воспоминания же о высших ценностях всегда бессознательно присутствуют в расовой памяти человечества, ибо физиология человека принципиально отлична от физиологии животного тем, что требует на бессознательном уровне взаимосвязи не с инстинктом самосохранения, а с тем, что является его антиподом в энергетике бессознательных психических реакций, то есть с инстинктом смерти. На этот момент указывал Ницше, а мы лишь заметим, что это один из основных критериев полноценной мыслительной деятельности субъекта, а не ее имитации.

Раздел II

Объективность действия морали

Глава 4

Наше убеждение, что мировая цивилизация вступила в новую эпоху Темных Веков, проистекает из самой моральной атмосферы, в которой существует современное сознание человека, когда практически весь образ его жизни в массовом мегаполисе исключает активность разума в душе. Собственно, и существование души исключено в технократических коммуникациях массового мегаполиса, поскольку реальность разумной индивидуальности не предусмотрена в современных социальных структурах. Она не предусмотрена, ибо механицизм эмпирического мышления в последние полвека стал единственной сферой сознания, которая признается основой коммуникаций цивилизации. Понятно, что эта историческая ситуация возникла постепенно, когда фрактальная мифология эмпирического восприятия как единственного рода сознания реальности постепенно вытеснила основу разумной мысли, в частности, полноценное эстетическое созерцание.

Мы утверждаем, что нравственное существо человека как разумного существа не может быть сферой эмпирической реальности коммуникаций, поскольку отчетливость связей эмпирической реальности строится за счет максимального внимания мышления к потоку чувственных ассоциаций, которые определяют инерцию власти обыденных представлений над сознанием. Трансцендентная же сфера

эстетического созерцания непрерывно меняется в онтологическом потоке исторического времени, что и является основанием начал нравственного закона рациональной мысли. Именно кардинальное изменение онтологического потока времени является сферой истории метафизики воли, которая, в свою очередь, определяет нравственное основание рациональной психологии человека. В этом смысле, попытка рассуждать о каких-то «абсолютных» истинах и «абсолютных» законах нравственности так же бессмысленна, как пытаться давать какое-то «абсолютное» определение онтологической сущности времени. Другое дело, что отсутствие понимания фрактальной реальности онтологической сущности времени неизбежно влечет за собой утрату разума человеком, то есть утрату действия рациональной морали и, как следствие, возвращение человека к состоянию нравственного варварства, то есть к состоянию слабоумия. Впрочем, мифология представлений о различных моральных истинах здесь сохраняется, однако принципиальное отличие мифологии мышления от рационального мышления состоит именно в отображении в последнем, подлинной динамики онтологического потока времени, которая существует в действии метафизики воли.

Первое, что определяет динамическую направленность существования метафизики воли, — это сфера трагического созерцания, которая характеризует область рациональной морали как постоянно изменяющуюся во времени энергетическую динамику импульсов воли. И если, первоначально, самые примитивные исторические представления о существе воли возникли из технологической активности человека на земле, что наше историческое время требует понимать технологическую активность человека как современную мифологию представлений о воле, поскольку рациональная топология онтологического потока времени кардинально изменилась в современной динамике исто-

рических событий. Впрочем, понятно, что, исходя из активности многообразия процессов технократической цивилизации, эти представления не кажутся мифологическими, а наоборот, максимально реальными. Здесь мы должны напомнить, что реальность существования библейского бога в конце Средневековья также не только ни у кого не вызывала сомнения на уровне массового сознания, но на само сомнение его существования было заложено табу под страхом смерти. Но современное массовое общество поступает «хитрее», изолируя тех, кто сомневается в дальнейшей возможности существовании его политических структур в мировой истории, не уничтожая, как это делала инквизиция, а полностью изолируя, поскольку все связи массового общества исключают возможность рациональных коммуникаций по существу.

История XX века мировой истории проникнута поиском «основного инстинкта» человеческой психики, поскольку для всех мыслящих людей было очевидно, что вопрос о понимании его природы равносителен вопросу о дальнейших путях развития мировой цивилизации, то есть, собственно, о выборе ее стратегии существования. И, наверное, только наше историческое время, с точки зрения понимания исторического развития рациональной морали может дать на этот вопрос однозначный ответ: основной инстинкт психики человека — это инстинкт смерти. В понимании существа этого инстинкта мы не пытаемся возвратиться назад, к каким-то религиозным и другим мифологическим представлениям о смерти, а лишь констатируем, что принципиальное отличие человека от животного состоит в том, что у человека существует высшая психика, которая не связана с бессознательными влечениями, на основании которых формируется его инстинкт самосохранения. Понятно, впро-

чем, что постулирование инстинкта смерти как высшего инстинкта психики кардинально по-иному требует понимать феномен жизни и феномен смерти, когда на первый план в сознании непосредственной человеческой жизни выносятся не инстинкт самосохранения, а понятие о нравственном долге. Очевидно также, что понимание рациональной морали с точки зрения подсознательных процессов высшей психики полагает, что субъективные начала разумной индивидуальности лежат не в плоскости инстинкта самосохранения, на основании которого возникла и строилась вся система либерально-демократических ценностей, а на основании постоянного воспоминания человеком духовного первообраза нравственного закона как «русла» реализации определенной метафизики воли.

Чтобы понять, в каком нравственном положении оказался мыслящий человек в современной России, необходимо возвратиться к нравственной атмосфере Темных Веков Западной Европы, когда на ее территории существовали деморализованные орды, имеющие мало отношения к какой-то структуре разумной государственности. Основная организующая сила массового социума в современной России — это психическая энергия большевистской орды, проистекшая век назад из низших инстинктов самой примитивной человеческой природы, то есть из анклавов нации. При этом животные импульсы большевистской орды постоянно «перестраивались» в течение, первоначально, советского периода власти, а затем, и новейшей российской истории, когда массовый социум в России всегда был не только не европейской, но и даже не восточной системой власти, поскольку и на Востоке, и на Западе исторически существовали патриархальные нормы жизни, причастные высшим ценностям мировой истории. Таким образом,

то, чем в действительности является политическая система власти по отношению к объективной сущности исторического разума в современной России, — это организация новейшего кочевого «стана», который грубо закамуфлирован под некое подобие «государства». Понятно, что предъявлять какие-то моральные требования к кочевнику по поводу неразумности государственного устройства не имеет смысла, ибо варвар действует за пределами разумных событий мировой истории в соответствие со своей неразумной душой.

Размышляя над советским периодом власти с точки зрения объективного исторического разума, мы обнаруживаем, что осколки нации нашли ту зачаточную систему политической власти, которая должна соответствовать процессу отделения животных инстинктов варваров от разумных начал человеческой психики. Мы имеем ввиду систему военно-патриотических союзов, то есть единственный тип государственного устройства, который способен переломить варварские нравы в сторону каких-то элементарных начал рациональных основ нравственности. Понятно, что коммунистическая идеология в Темные Века российской истории была той мистической сектой, в которой варварская душа «прикоснулась» на эмпирически-мистическом уровне к пониманию исторического разума. Это прикосновение к истинам «ветхого завета» рационализма в качестве научно-технического прогресса — единственный род сознания реальности, который связывает современную социально-политическую активность российской жизни с мировыми процессами цивилизации. Однако противоречие этой связи состоит в том, что низшие инстинкты животного начала психики не могут иметь в себе какой-то разумной основы активности души. В результате, эта варварская душа, доминирующая в современной России, не имеет отношения ни к тысячелетней истории России до 17-го года, ни к опыту выс-

ших ценностей мировой истории, поскольку доверяет только одному – своей животной непосредственности сознания, которая способна быть активна только исключительно в психологии кочевого стана. Именно поэтому мистерия новейшей секты коммунистической веры, доминировавшей в России с 17-го года, исчезнув в результате животного возбуждения этого кочевого стана в период «перестройки», и, не найдя какой-то хотя бы минимальной адекватности понимания исторических событий, погрузила варварские умы в состояние полной прострации по отношению к событиям мировой истории.

В вопросе понимания существа высшей психики, действующей в подсознании человека, мы полагаем, что это основные ресурсы российской цивилизации в том смысле, что русские оказались в оппозиции к правовым и моральным нормам западноевропейской цивилизации в силу глубочайшей нравственной взаимосвязи с бессознательным воспоминанием античного морального кодекса, определяемого естественно трагическим восприятием бытия как критерием нравственной жизни человека. Такого рода противоречие существовало, например, в судьбе древних евреев в Римской империи, когда они оказались заложниками бессознательной взаимосвязи своей родовой памяти с расовым опытом древних восточных цивилизаций. Как и древние евреи в Римской империи, русские оказались во власти глубинно-бессознательных воспоминаний достижений высших ценностей античной цивилизации в доминирующих западноевропейских политических структурах, однако на матриархальном уровне психологии, который не дает возможности их воле действовать в соответствие со своим нравственным существом. Понятно, что речь идет не

о народе, а о нации, поскольку любое народное сознание ограничено инстинктом самосохранения, действующим в качестве системы обыденных представлений о реальности. Поэтому в современной России существуют три реальные составляющие исторических процессов Темных Веков мировой истории: народ, доведенный до крайности морального разложения после нашествия большевистской орды, национальные анклавы, доминирующие на обломках Российской империи, начиная с 17-го года, и, наконец, осколки нации, рассеянные вследствие гибели русского государства. С другой стороны, если рассуждать о новой рациональной модели мировой цивилизации, то политическая система, выражающая российскую государственность, имеет будущее только при одном условии, если будут объединены разумные индивидуальности, то есть будет реализовываться проект модели государственных интересов на уровне нравственного закона. Но разумные индивидуальные не могут объединяться в социальных структурах, возникших в результате адаптации нравов большевистской орды в соответствующих социальных структурах, как это имело место в становлении системы советской власти.

Формирование военно-политических союзов на развалинах Российской империи — это единственная система власти, которая могла функционировать в этот исторический момент в силу особенности нравов Темных Веков, когда человек теряет взаимосвязь с какими-то рациональными моральными нормами жизни. Ведь состояние прострации ума, возникающей в момент расовой катастрофы, то есть неспособности воли действовать в соответствии с нравственными законами традиции, неизбежно влечет за собой разного рода нашествия: внешних или внутренних варваров, которые, однако, всегда являются «прогрессивными» историческими силами по отношению к любой исто-

рической ситуации моральной стагнации, поскольку даже биологическая агрессивность животного начала варварской души дает минимум морального «воздуха».

Наше утверждение, что высшим инстинктом человеческой психики является инстинкт смерти, не является «новым» в том смысле, что любая эпоха Темных Веков начинается именно с максимальной активизации этого инстинкта в человеческой душе как неумолимого возвращения бессознательной памяти ко всему высшему нравственному опыту человечества, прожитого в мировой истории. Можно сказать, что в это историческое время сознание человека переживает своего рода определенный летаргический «сон» образов течения потока расовых воспоминаний как единственный источник мотивации воли. Темные Века потому и «темны», что в этом состоянии «разорванности» традиционного человеческого существа, переживаемой сознанием, вся мировая история человечества протекает аналогично процессу воспоминания в момент жизни человека перед смертью. Этот «метод» действия нового нравственного закона рациональной морали в его субъективной сущности современного понимания метафизики воли применил Ницше, а мы лишь «очистили» эти эстетические образы морального закона субъективности от их безусловной рефлексии в-себе. Поэтому, с точки зрения объективных начал современного существования рациональной нравственности, мы утверждаем, что действие подлинного нравственного закона нашего исторического времени совпадает с инстинктивным действием разума в душе как энергетической активности ее высших начал.

С одной стороны, мировая история имеет циклический характер с точки зрения повторения фрактального подобия низших ценностей, с другой стороны, в ней кардиналь-

но по-разному высвечивается действие метафизики воли. То есть возвращение к подсознательным началам высшей психики, когда из сознания исчезают все признаки непосредственной живости души, за исключением тех, которые возникают под влиянием бессознательных образов расовой памяти, — это и есть основа действия нравственного закона homo sapiens. Важно понимать, что этот нравственный закон homo sapiens не имеет никакого отношения ни к одной исторической религии, протекая в тех коммуникациях мировой цивилизации, которые определяются становлением ее авангардных структур рационального развития и исчезающих в тот момент, когда эти структуры становятся достоянием массового существования человека. Поэтому, когда мы рассуждаем о национальной русской идеи, то имеем в виду именно возникновение новых рациональных структур развития мировой цивилизации.

Когда рассуждают о ресурсах здоровых политических сил в России, то их катастрофическую скудность в этом подобии кочевого стана, каковым является современная Россия, пытаются объяснять на уровне обыденных представлений об исторических процессах, в которых активны исключительно человеческие массы. Вопрос о сущности воли разумной индивидуальности никогда не ставился в самой идее существования российской цивилизации, вследствие чего и разумных коммуникаций здесь никогда не существовало как самостоятельных структур проекта развития собственной цивилизации. При этом если подражательные социально-государственные механизмы были в состоянии имитировать в прошлом некую модель государственности в России, то наше историческое время, в котором всем мыслящим людям стала очевидным исчезновение разума в западноевропейской социально-политической системе,

понятно, что эта имитация уже практически не работает. Таким образом, трагические катастрофические события, произошедшие в России в XX веке, имеют своим источником внешние процессы распада рациональной модели существования западноевропейской цивилизации, когда топологическая структура подражательной социально-государственной жизни петровской эпохи буквально была «сдута» онтологическим потоком времени в 17-ом году.

Оправдывая научно-технологическими достижениями советскую власть, поверхностные умы фактически обосновывают историческую необходимость мифологии рациональной веры коммунистической идеологии, которая оправдывает нашествие большевистской орды. Мы тоже находим историческую необходимость появления этой тоталитарной секты, но с позиции рациональной морали. Понятно, что с точки зрения истории Темных Веков, контуры самостоятельной рациональной модели существования предполагают возникновение разного рода массовых мистических сект, где мистическое, наоборот, воспринимается как единственный род сознания реальности. Если же учесть, что становление новой веры в разум, возникшей в душе европейских рабов, в первую очередь, опиралось именно на эмпирическое восприятие, то тогда становятся понятны принципы мистического единства, существовавшие в России при советской власти. Его суть состоит в том, что любое движение человеческих орд является предвестником начала эпохи Темных Веков, когда погружение сознания человека в нравственное варварство, одновременно, сопряжено с процессом обновления его здоровых психических инстинктов. Можно сказать, что возврат к естественному течению бессознательных влечений, характеризующих агрессивное движение человеческих орд, исторически необходимо с точки зрения процессов развития мировой истории в силу параллельности периодической активизации как

матриархального, так и патриархального существа подсознательного существа человеческой психики. Очевидно, что отсутствие разума и воли в определенном историческом пространстве и есть предпосылка для любого нашествия, поскольку оно равносильно отсутствию разумной воли патриархальной психологии человека, когда животные инстинкты варваров совершают то, что и должна совершать природа в момент утраты человеком разума, — ликвидацию изживших себя структурных элементов политической системы государственного устройства.

Понятно, что культура, которая никогда не имела своего отчетливого рационального основания, а именно таковой и была русская культура, постоянно находилась и находится в наше время под воздействием разного рода мистического восприятия сознания реальности. Если этот мистицизм представлений определял ее существования до нашествия большевистской орды, то и после нашествия новый род мистицизма, связанный с верой в научно-технический прогресс, только добавил новые предрассудки веры, вместо имеющихся мистических настроений. В действительности же, преодоление любого рода мистицизма сознания возможно только при одном условии, — присутствии активности метафизического импульса воли. Если же речь идет только о вере, то тогда власть матриархальных инстинктов самосохранения неизбежно владеет сознанием человека, то есть сфера его представлений ограничена не разумными, а иррациональными психическими процессами души.

Мы утверждаем, что основу рациональной морали всегда определяет онтологический поток времени, то есть погружение сознания человека в воспоминания, проистекающие из высших слоев психики на основе максимальной активности воли. Подчеркнем, что речь идет именно о воле,

а не о возбужденных влечениях, которые часто при отсутствии понимания существа разума выдаются за «волю». Так, вопрос о том, что понимать под «разумом», всегда был центральным вопросом в системе основных жизненно важных ценностей, определяющих развитие авангардных структур политической системы мировой цивилизации. В противном случае, цивилизация теряла свое «направление» рациональной стратегии развития, и тогда происходил процесс расовой катастрофы, который характеризует, в частности, полностью иррациональную социально-политическую систему современного массового мегаполиса, где действие воли разумной индивидуальности отсутствует. А поскольку действие воли разумной индивидуальности в последние века ее развития отображалось в метафизике науки, где существовала нравственная «опора» на механического бога эмпирических процессов, то метафизическая мысль о «смерти бога» полагает собой «смерть», или полную деструкцию субъекта, в метафизике науки.

Одну из центральных идей о «смерти бога» в философии Ницше мы должны осознавать из процессов событий российской, а не западноевропейской истории, поскольку между русским православием и католицизмом и, особенно, протестантизмом существуют очень глубокие психологические различия патриархальной природы человека. Основное различие, как мы полагаем, состоит в том, что православие являлось патриархальной психологией, исторически связавшей в себе осколки античного духа поздней Римской цивилизации и ценностей христианского мира. Таким образом, основное различие между русской национальной психологией человека и психологией западноевропейского человека всегда выражалось в том, что в подсознании западного европейца сознание бога связывалось с чем-то

рационально инстинктивным, что определяло высшую психическую энергию, действующую в определенной метафизике воли как методическом и систематическом усилии этой энергии, тогда как в русском подсознании отсутствовало именно методическое и систематическое усилие этой высшей психики на уровне рационального усилия воли. Отсюда – агрессивная политика наступательного движения западноевропейских рыцарских орденов на Восток, которая опиралась на методическую и систематическую активность определенной метафизики воли.

Не случайным является активизация политической жизни русского царства, усиливающаяся параллельно возврату к греческой мифологии и науке в эпоху Возрождения в Западной Европе. Подобным историческим аналогом событий в Римской империи может служить история первой иудейской войны, совпавшей по времени с возвращением в римскую цивилизацию древнейших египетских культов Осириса и Изида. Ведь вместе с реставрацией этих культов в Римской империи резко активизировалась подсознательная память еврейского матриархального духа, сложившаяся под влиянием высших ценностей египетского патриархального духа. Если учесть, что эпоха Возрождения в Западной Европе сопровождалась аналогичным возвращением расовой памяти античной природы патриархального духа, то тогда можно понять момент резкого нравственного и политического перелома в жизни русского государства, начиная с петровских реформ. Можно сказать, что в этот момент начинается смутное пробуждение метафизического импульса воли русской нации.

Гибель высших сословий русского общества после нашествия большевистской орды мы относим к событиям, когда слой подражательной психологии власти «срезается», и в государстве утверждаются варварские по отношению к историческому прошлому династии. Как известно, распад

этого единства кочевого стана тотальной власти варварских кланов произошел в России в 1991 году. А вместе с расползанием этого кочевого стана, образовавшегося на обломках СССР, возникла и историческая необходимость объединения русской нации на основании авангардных позиций объективного исторического разума. С другой стороны, очевидно, что объединение национальных сил может происходить только в качестве задачи возникновения принципиально новых рациональных коммуникаций развития мировой цивилизации.

В понимании идеи «смерти у бога» у Ницше следует всегда помнить, что мы имеем дело с философской, а не религиозной мыслью. Понятно, что «смерть бога» — это «смерть», в первую очередь, метафизики воли, обусловленной научным авторитетом знания, с одной стороны, а с другой стороны, нравственной христианской традиции Западной Европы. Объективно-историческое понимание разумного содержания идеи о «смерти бога» требует полагать, что современная наука более не обладает прерогативой разумности своих суждений именно с позиции отсутствия в ней метафизического структурного элемента мысли. Так, основой объекта метафизической мысли рациональной морали всегда является эстетическая структура, а поскольку высшая субъективная категория нравственного начала рациональной морали, — это время как онтологический поток бытия, то наука оказалась за пределами этой субъективности в силу понимания феномена времени как линейной длительности.

То, что резкая критика Ницше была направлена именно на христианство, было вызвано необходимостью возврата разума к воспоминанию античного духа морали как переживание героического мифа. Поэтому в русской философ-

ской мысли нет необходимости критического отношения к христианству, поскольку православие изначально внутренне содержало в себе эту глубинную расовую взаимосвязь, которая всегда активизировалась в воле в момент критической ситуации, например, в период второй мировой войны. Другое дело, что в вопросе о «смерти бога», как механического «бога» материи Вселенной, в которого верили в силу абсолютного доверия эмпирическому восприятию все первые западноевропейские метафизики, мы должны относиться как, собственно, к чему-то иррациональному по отношению к объективности разума новейшей метафизической школы мысли, то есть полагать, что научно-технический прогресс в наше историческое время – это не авангард, а арьергард стратегического развития рациональных процессов мировой цивилизации.

Наша позиция – это позиция подготовки «плацдарма» новых всемирно-исторических сил мировой истории, где необходимость «вычленения» морального сознания рациональной сущности мышления является первостепенной для новейшей реализации метафизики воли. Понятно, что наши объективные оценки происходящих исторических событий проистекают из неизбежности глобальной политической перестройки мировой цивилизации, когда современный массовый социум также уйдет в историческое забвение, как в свое время исчезли когда-то влиятельные политические структуры цивилизации, в силу отсутствия в них признаков рациональной морали.

Если определять элементарные структуры расового общества, в котором существует мораль *homo sapiens*, то ее основные элементы должны формироваться из нравственного состояния хотя бы некоторого числа людей, ориентированных на высшие ценности мировой истории. Это именно те люди, которые существуют в авангардных связях рациональных коммуникаций мировой цивилизации. При

этом очевидно, что под «смертью бога» в контексте современных объективно-рациональных вопросов философии, мы должны понимать исчезновение метафизического основания науки, которое реально выражается в исчезновении разумных людей в ее среде, поскольку современный мистицизм обыденных представлений эмпирического мышления способен существовать только в области обыденных представлений конечного рассудка. Невозможность существования новых кардинальных научных идей развития в современной фундаментальной науке является следствием невозможности существования в ней рациональной структуры мысли как отображения реальности реализации рациональной морали.

Современное субъективное основание рациональной мысли выражается в поле трагического восприятия я, которое концентрирует в себе высший потенциал психики. Главное здесь состоит в том, что возвращение нравственного начала рациональной мысли к античному прообразу морального чувства предполагает, что субъективность есть следствие отчетливости трагического состояния души, и только это состояние психики способно формировать импульсы метафизики воли. Понятно, что возвращение к античному первообразу морального чувства как к определенной психической модели сознания трагического восприятия реальности не предполагает возвращения античной культуры вообще, то есть возвращения античного сознания системы моральных ценностей. Чтобы понять этот исторический процесс «вечного возвращения» высших процессов психики назад, к историческим моральным инстинктам прошлого, можно заметить как, например, формировалась христианская религия. В основе ее морального первообраза инстинктов лежало требование возврата к др.египетскому моральному опыту прошлого как воспоминания высших ценностей др. восточных цивилизаций.

Таким образом, возврат к памяти высших ценностей прошлого происходит в качестве необходимости связи времен, возникающий в момент расовой катастрофы, то есть катастрофической утраты человеком активности высших психических начал души. В этом смысле, появление раннего христианства, первоначально, в инстинктах рабов как зачаточной системе моральных связей на уровне матриархального сознания, указывает нам на аналогичную мораль рабов французской революции, где «ветхий завет» рационализма определяет требование полной ликвидации иерархии бытия, то есть многовековой моральной системы христианских ценностей. Другими словами, восстановление связи времен, первоначально, происходит в качестве их максимального «разрыва», и, как следствие, погружения сознания к непосредственным инстинктам души, чья активность всегда существует в наиболее нравственно неразвитых по отношению к рациональной морали политическим силам: в массах рабов и в различных человеческих ордах. Эти силы существуют на уровне почти животного состояния души, поэтому реальность их воли есть не что иное, как максимальное возбуждение влечений, которые в момент расовой катастрофы, то есть в момент исчезновения рациональных коммуникаций цивилизации, начинают присваивать себе статус «воли». Однако в действительности, это есть именно расовая катастрофа, то есть отсутствие всех признаков рациональных коммуникаций, связанных с существованием разумной индивидуальности.

Понятно, что между массами рабов и массами человеческих орд практически отсутствует какое-то моральное различие, как это имело место, например, в период советской власти на территории бывшей Российской империи. Ведь все неразумные представления русской интеллигенции о существовании какого-то «гражданского общества» в России до 17-го года были не более чем примитивными фантазиями,

поскольку подражательная государственная модель Российской империи не обладала главным, — субъективным сознанием разумного права как отображения естественного поведения человека. Нашествие большевистской орды быстро ликвидировало эти хрупкие связи политической системы государственности, ибо русская интеллигенция всегда мыслила исключительно в пределах веры, даже в своих грубых материалистических ценностях нигилизма. Это особенно заметно, например, в псевдофилософских рассуждениях Бердяева в нравоучительности тона его инфантильной мысли.

Вообще, будущее российской государственности возможно только в одном случае, когда в ней будет отчетливо обозначена реальность существования разумной индивидуальности, поскольку, в противном случае, состояние дикости человеческой души будет только усиливаться, и, как следствие, будет возрастать «рыхлость» государственной власти. Подобный процесс обусловлен исчезновением прарасового слоя людей тысячелетней российской цивилизации, когда до нашего нашествия большевистской орды в ней все-таки доминировали патриархальные нормы жизни, хотя, конечно, на самом зачаточном уровне.

Глава 5

То, что определяет современное положение рациональной морали в массовой цивилизации – это практически ее полное отсутствие, поскольку в массовом обществе тотально доминируют неразумные политические силы. Мы даже не рассматриваем ситуацию с рациональными коммуникациями на бывшей территории Российской империи, где царят Темные Века и где рациональная мораль никогда не существовала, а исследуем ее состояние в последнем нравственном опыте мировой истории, который имел место в западноевропейской цивилизации. Но поскольку практически исчезнувшая рациональная мораль европейской мысли породила свою противоположность – иррационализм массового общества, который распространился на все народы мира, то реальность исторических событий мы должны видеть за пределами этих иррациональных коммуникаций. Другими словами, ситуация исторически аналогична той, которая имела место в момент распространения разного рода сект и примитивнейших представлений о христианской вере в Темные Века Западной Европы.

Одним из основных признаков исчезновения действия морального основания разума в коммуникациях мировой цивилизации является мифологическое придание психическому влечению «субъективного» статуса «воли». Этот процесс происходил всегда в явлении расовой катастрофы,

когда сворачивание отчетливых структур рациональной модели цивилизации подменялось имитацией волевых импульсов, и тогда разумный образ жизни человека становился чистой мистификацией. То, что Фрейд разоблачил подлинный характер психофизиологических импульсов массового бессознательного, на которых строятся различные связи комплексов социальной морали, определяет непосредственный принцип существования матриархального сознания человека, которое ищет нравственные основания в рассудочно-конечных представлениях о человеческих целях. Другими словами, принципиальное различие между рациональной и массовой моралью состоит в том, что первая всегда отображает авангардные позиции понимания развития мировой цивилизации, тогда как вторая, наоборот, постоянно цепляется за разного рода мифологические представления конечного рассудка. Сложность же отделения разумной сущности исторической морали от разного рода ее социальных проявлений определяется тем, что социальная мораль также бессознательно естественна для человека, как и мораль рациональная. Другое дело, что рациональная мораль бессознательно естественна для высших психических импульсов души, а социальная мораль — естественна в проявлении низших психических состояний. Поэтому история изменения сущности ценностей рациональной морали всегда была прерогативой исключительно классической философии. В противном случае, человеческая тщетность моральных суждений, появляющаяся за пределами рациональной морали, однако претендующая быть «философией», всегда вызывала вполне заслуженное раздражение, поскольку пыталась отрицать человеческое слабоумие не на основании разума, а в пределах самих конечных представлений рассудка. Но нельзя отрицать «человеческое» в пределах самого «человеческого», — это бессмысленное по отношению к субъективному разуму за-

нятие всегда определяет тот моральный фон, который существует вокруг философии, не являясь философией по существу. Аналогичный фон, впрочем, существует и вокруг науки, и вокруг искусства, когда фальсифицирует и науку, и искусство в угоду человеческому слабоумию.

Когда мы ставим вопрос о существовании современной рациональной морали в радикальном аспекте понимания ее содержания, то есть выясняем ее субъективные основания в нашей исторической эпохе, то, безусловно, полагаем ее начало в философии Ницше. При этом мы не пытаемся мыслить таким образом, чтобы только касаться философско-рациональной основы морального наследия Ницше, как это имеет место, например, в размышлениях Хайдеггера, поскольку каждому мыслящему человеку всегда ясно, в каком суждении разум существует, а в каком — нет. Для нас важно априорное положение, которое не требует обоснований, — это именно субъект, а все остальное — мифология конечных представлений поверхностного рассудка, тогда как мысль Хайдеггера, наоборот, постоянно стремится доказать это очевидное для объективного разума понимание всемирно-исторического знания философии Ницше. С другой стороны, было бы безнравственно упрекать Хайдеггера за такую позицию мысли, ибо каждая историческая эпоха дает различную видимость идеи объективного исторического разума, а потому и действует в пределах возможного достижения нравственно рационального развития мышления. Кроме того, сама возможность определять философию Ницше как нравственно очевидное для объективного исторического разума, что это есть именно субъективное начало морального рассудка, нам дает бессознательная взаимосвязь с новыми всемирно-историческими силами мировой цивилизации, чей исторический горизонт определяет кардинальное изменение ее социально-политической структуры. Именно эта глубинная бессознательная взаимосвязь

с новыми всемирно-историческими силами дает нам безусловное преимущество перед рациональными возможностями, например, исследования Хайдеггером философии Ницше. Понятно также, что возможность оставить субъективные идеи исторического разума в покое, приступив к исследованию идей объективных, дает нам моральное право топологически «свернуть» исторический горизонт поиска разумной основы субъекта, дав возможность мыслящему разуму самому оценивать свое нравственное развитие в пределах понимания философии Ницше. Наше время требует поставить вопрос о будущей стратегии развития мировой цивилизации, по крайней мере, на одно-два столетия вперед, то есть определить контуры рациональных коммуникаций тогда, когда их практически не существует в технократической цивилизации. Если брать по существу, то есть в чем-то основном, моральную основу субъективного разума в философии Ницше, то она характеризуется противопоставлением трагического сознания реальности — реальности, в котором существо человека является непосредственно естественным.

То, чему противостоит субъективное основание моральных ценностей, выявленных философией Ницше в процессе исследования субъективного существа исторического разума, — это представление о разуме в историческую эпоху Просвещения, то есть понимания разума как истин, опирающихся на объективную структуру научного знания. Для нас, очевидно, что представления о разуме в области позитивистских обоснований опирается не на высшие, а на низшие, психические импульсы души, подтверждаемые в непосредственной очевидности чувственных восприятий. Заметим, что в истории философии Гегель был первым, кто резко выступил против такого примитивного обоснования рациональной морали, получив от ее адептов определение «нового племенного духа». И действительно, объективный

разум философии Гегеля в его опоре на метафизику воли обращен в большей степени к будущей структуре политической реальности мировой цивилизации, как, например, философия Аристотеля стала основанием для западноевропейской школы мысли в Средневековье.

Таким образом, трагическое восприятие и, как следствие, трагическое сознание противопоставляется в философии Ницше рациональным представлениям о морали, возникшим в эпоху Просвещения. Очевидно, что противопоставления здесь ценностям научного познания нет, однако отчетливо присутствует известное еще со времен Гераклита суждение о том, что научное познание только косвенно относится к существованию рациональной морали, поскольку содержание абстракции мысли может, как совпадать с рациональным существованием морали, так и быть полностью в стороне от него. Если, например, деятельность академии Платона и преподавание в университете Германии Гегеля демонстрируем нам совпадение исторических коммуникаций рациональной морали и современных научных знаний, то, например, историческая эпоха Гераклита и Ницше, наоборот, демонстрирует разрыв нравственного основания разума и научного знания. Впрочем, существуют и некие «промежуточные» позиции рациональной морали, например, в научно-мистической системе рациональных коммуникаций пифагорейских союзов.

Вообще, в вопросе становления новых рациональных коммуникаций мировой цивилизации мы должны осознавать, что только в них происходит реализация феномена существования расы homo sapiens как исторической реальности. Речь, следовательно, идет не о биологических особенностях существования человека, а об особенностях его психологического существования, которые характеризуются высшими процессами психики. И если определять основное, можно сказать, радикальное различие между двух

тысячелетней историей рациональной морали, в основе которой лежат моральные принципы Сократа, от существа рациональной морали новейшего времени, которым учит субъективный рационализм Ницше, то это, можно сказать, радикальный топологический «переворот» нравственного подсознательного инстинкта жизни. Так, если в основе рациональной интуиции морали Сократа лежат субъективные принципы социальных коммуникаций, то в основе субъективного принципа рациональной морали Ницше, наоборот, существует нравственный приговор этим принципам как тому, что необходимо преодолеть для утверждения основания разума в политической стратегии развития мировой цивилизации. Ницше решает задачу не примирения естественного права и сознания долга, а разводит их на два бесконечно-отдаленных полюса ценностей: низших и высших, где сознание долга отождествляется с сознанием такого естественного права, где под «естественным» полагается движение высших психических импульсов, лежащих в основе действия метафизики исторической воли. Таким образом, для Ницше существует только один вид «естественного» права, права существования рациональных коммуникаций развития мировой цивилизации, которые могут быть реализованы только в системе высших ценностей. Фактически, социальная мораль отождествляется здесь с психологией морали рабов, то есть естественное право, в котором отсутствуют начала трагического восприятия, полагается чем-то таким, что всегда противостоит иерархии метафизического понимания существа рационального морального инстинкта. Как известно, Шпенглер развил это понимание «морали рабов» и рациональной морали («морали господ» по Ницше) на обширном историческом материале своей концепции мировой истории, где показал, что мировая история развивается по «спиралевидной» структуре, в которой каждый

исторический виток фрактально воспроизводит процесс восстания «морали рабов» и процесс установления «морали господ». То, что Шпенглер пытался «критиковать» субъективное основание разума философии Ницше с позиции морфологии развития структур культуры, лишь доказывает, что рациональная мораль не имеет отношения к системе конечных представлений рассудка, на которых основа концепция Шпенглера.

Размышляя над критикой Ницше христианской религии, не трудно заметить, что его собственная субъективная моральная позиция развивалась в том же направлении фракталогии нравственного закона homo sapiens, в каком развивалось и христианство, то есть в процессе «вечного возвращения». Так, Ницше вполне справедливо замечал, что характер становления христианской религии в истории во многом напоминал систему др. египетских жреческих каст, в которых разрушительная энергия высшей психики изолировалась от человеческих масс в силу невозможности ее активности для подавляющего числа людей. Субъективный рационализм Ницше интуитивно также направлен на восстановление кастовой организации военных союзов Др. Греции, в которых нравственное сознание разумной индивидуальности совпадает с мифологией героического мифа. Другими словами, с одной стороны, философия Ницше движется в русле идей Возрождения, «возрождая» возвращающиеся ценности античности, а с другой, исследует нравственный «разрыв», характеризующий глобальное изменение оснований рациональной морали в аспекте объективного действия метафизики воли в онтологическом потоке времени. Ведь именно онтологический поток времени есть начало бытия, которое структурирует высшие психические импульсы сознания, которые окрашены трагическим явлением сознания «вечного возвращения», то есть понимания,

что за психологическим пространством доминирования «морали рабов» неизбежно следует возникновение доминирующего пространства «морали господ».

Мы выделяем трех великих философов мировой истории, которые занимали в понимании исключительности рациональной морали особое место. Мы имеем в виду Гераклита, Платона и Ницше. Выделение этих трех философов обусловлено тем, все трое защищали нравственную позицию, что между людьми не может существовать равенства в силу различной активности разума в человеческой душе. Понятно, что аргументы этих трех философов были различны, и, кроме того, структура античного Логоса, о котором рассуждали Гераклит и Платон, конечно, кардинально отличается от структуры современного исторического разума. Однако для нас важны не интеллектуальные аргументы конечной человеческой мысли, которое историческое время «стирает» как не существенные онтологические грани фрактального подобия бытия, а тот структурный прообраз эстетического подобия сознания времени, где онтологический поток исторического события определяет метафизику воли разумной индивидуальности, тотально обращенной к реализации системы высших ценностей.

В понимании взаимосвязи этих трех, очень различных философских структур мышления, мы выделяем учение Платона об идеях как центральное. Известно, что вся история мировой философии на протяжении своего существования возвращалась к этому учению, как одному из основных во всем философском наследии исторической мысли. Практически каждый философ мирового уровня стремился найти с этим учением историческую взаимосвязь, то есть установить историческую преемственность своей мысли. И для нас это учение Платона имеет исключительное значе-

ние, но не в контексте ее конструктивно-интеллектуального понимания, то есть чисто абстрактных логических оснований, а в качестве объективно-рационального основания онтологического потока времени как начала бытия.

Объективная необходимость рациональной реконструкции учения Платона о сущности идеи как непрерывного процесса воспоминания структуры первообраза единого состоит в необходимости понимания нелинейной природы онтологического потока времени как начала бытия. В интуитивной основе эта мысль высказана у Ницше как учение о «вечном возвращении», а у Гераклита в его понимании времени как метафизического потока непрерывного процесса гибели и рождения мира в «войне» как метафизике начала бытия. С точки зрения процессов действия подсознательной памяти человека в платоновском учении «анемнезиса» речь идет о потребности высшей психики возвращаться к воспоминаниям, которые раскрываются в сознании как структуры идей бытия, то есть возвращаться, несмотря на очень мучительные психосоматические состояния этого процесса, к высшим ценностям исторического прошлого. И, если понятен характер абстрактной взаимосвязи математических символов для человеческого мышления как некой идеальной сферы интеллектуальной исторической «эстафеты» мысли, то с эстетической составляющей высших ценностей дело состоит значительно сложнее. Чтобы понять, чем является эстетическое сознание и эстетическое созерцание, необходимо забыть о естественном состоянии человека, в которых непосредственно чувствуемое и осознаваемое полностью совпадают.

Попытка полагать более «развитой» и более «рациональной» философию Нового Времени по сравнению с философией др. греческой всегда строилось на двух предпосылках. Первая выражалась в безусловной вере в существование научного прогресса как движущей силы ми-

ровой цивилизации, когда каждая новая ее историческая рациональная модель полагалась более развитой и совершенной. У Гегеля это получило разработку в его линейной концепции развития мировой истории, где существо разума реализовывалось в понимании разного уровня субъективной свободы в мировой истории: от восточной деспотии, где свободен только один, – к античной свободе, где свободно несколько, – до западноевропейского сознания свободы, где свободны все. Однако такого рода чисто человеческая идея развития процессов мировой истории не объясняет явления гибели одних цивилизаций и появления новых, поскольку изначально не способна объяснить явления катастрофические в истории мировых цивилизаций, потому что метафизика западноевропейской школы мысли всегда стремилась уравнивать мотивы естественных влечений человека и мотивы действия воли. Однако философия Платона симметрично противопоставляла влечения и волю, вплоть до противопоставления материи и духа как различного потока подсознательных идей-воспоминаний души (как известно, Фрейд нашел в теории «анемнезиса» Платона подтверждение идеям психоанализа). Это получило понимание процесса эманации, когда топологические рациональные основы пересечения материальных и духовных феноменов бытия не дают возможности их резкого противопоставления.

Мы понимаем, что основания рациональной морали не могут полагаться чем-то «человеческим» в конечных представлениях рассудка хотя бы потому, что в трагическом состоянии души человеческое топологически «сжимается» до нуля, которое и становится объективным содержанием метафизики воли в мышлении европейского нигилизма. То, что человеческое сжимается до метафизики топологического «нуля» в субъективном движении рациональной мысли, выявляя определенную сверхчеловеческую сферу

импульса действия воли, и является непосредственностью фрактально-эстетической структуры высших ценностей. Очевидно также, что сознание не способно обладать высшими ценностями в состоянии равноправия подсознательных импульсов воли и импульсов влечений. В этом смысле, трагическое восприятие не существует в понимании западноевропейской классической школы мысли как естественное для человека, за исключением резкого и, можно сказать, метафизически-революционного поворота Ницше в сторону прямо-противоположного понимания того, что является для рациональной морали «естественным».

Выделение нами философии Гераклита, Платона и Ницше в мировой истории философии обусловлено необходимостью понимания существа рациональной морали как фракталогии идей нравственного развития стратегического направления мировой цивилизации. Если Гераклит противопоставляет разумных людей и неразумную толпу, утверждая это не только мыслью, но всем своим образом жизни, то тем самым он противопоставляет мораль разумную и мораль социальную, что стало, собственно, непосредственным основанием появления философии как особого рода знания, кардинально отличающегося от других видов мышления человека. Именно в этом аспекте мы и понимаем основания философии, в которой рациональная мораль не может быть содержанием обыденных представлений, занимающее сознание человека в его текущей повседневности дел. По поводу понимания современного существа рациональной морали в контексте идеи «вечного возвращения» у Ницше, глубокомысленно заметил Хайдеггер, что рациональная мораль есть «вечное возвращение равного». Под «равным» мы понимаем равносильность сознания высших ценностей различных мировых цивилизаций всех истори-

ческих эпох. Однако этот принцип «равенства» предполагает метафизику иерархии бытия как отображения этой иерархии во внутреннем нравственном единстве всего того, что совершалось в мировой истории на основании объективного разума.

Таким образом, и Гераклит, и Платон, и Ницше отличают рациональную мораль от морального сознания иррациональных ценностей и целей человека в принципиальном различии между трагическим сознанием и сознанием естественного состояния души. В современном контексте подсознательных импульсов человеческой психики речь идет о кардинально различных импульсах воли и импульсов влечений. Так, любое влечение человека имеет вполне конкретную конечную цель, которая определяется содержанием обыденного мышления, то есть мышления, где трагическое восприятие либо полностью отсутствует, либо ничтожно мало. Отсутствие конечной меры морального в онтологическом потоке времени, будь то «божественное», «социальное», вообще любое приведение к какому-то известному ее виду, и выражает направление развития рубежа рациональной морали.

Реконструкция событий мировой истории, с точки зрения развития фрактологии рациональной морали, требует нас поставить в соответствие рабским инстинктам морали западноевропейских рабов аналогичные инстинкты рабов Римской империи, когда античная нравственность «умирала» в процессе расовой катастрофы, то есть в процессе катастрофического исчерпания ресурсов высшей психики, на динамике которой всегда строится психология рациональной морали. Ведь существо рациональной морали состоит в том, что в подсознании человека импульсы воли полностью доминируют над импульсами влечений, что и реализует основание психологического пространства патриархальной нравственной жизни субъекта. Особенность этой патриар-

хальной нравственной жизни характеризуется не заклинаниями на нравоучительные темы морали, которые определяют матриархальные архетипы всех культур народов, а остротой суровости нравственного чувства, находящегося в авангарде событий мировой истории.

Когда современная социальная мысль поверхностных интеллектуалов высказывает глубокое сожаление по поводу резкого падения нравов в социальных отношениях людей, то не стремится вспоминать, какая «вера» лежала в основании этих социальных отношений. Но когда мы рассуждаем о современной сущности рациональной морали, то это необходимо помнить в первую очередь. Фрактальный анализ мировой истории показывает, что вера — это источник любой матриархальной психологии человека, поскольку вера всегда спасает от разрушительных высших импульсов воли, которые определяют начала объективного существования разумной индивидуальности и стратегию развития постоянно изменяющихся структур рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Понятно, что и вера людей постоянно изменяется во времени, причем, с точки зрения рациональной морали, вера есть то, что остается от структур рациональных коммуникаций, когда из них исчезает онтологический поток времени. Так, если понять, что онтологический поток исторического времени «иссяк» в вере в разум, который возник в инстинктах рабов западноевропейской цивилизации, то становятся понятны процессы современной расовой катастрофы.

В постоянном нравственном конфликте человеческих влечений и подсознательного импульса воли, безусловно, имеющего определенную сверхчеловеческую природу в онтологическом потоке времени, воля к власти объективной позиции разума есть реальность процесса постоянного конструирования принципиально новых рациональных коммуникаций мировой цивилизации в истории. Можно сказать,

что авангардный принцип развития разумной мысли мировой цивилизации необходимо требует этой работы реконструкции, поскольку старые связи рациональных коммуникаций неизбежно деградируют в силу исчезновения в своих структурах присутствия онтологического потока времени.

Всем известна работа социолога Поппера о «врагах» открытого общества, в которой с открытой «честностью» слабоумия мысли он определяет его «врагами» великих рационалистов прошлого. Нам, правда, непонятно, почему в этот ряд попал Маркс, хотя следует понимать, что не стоит требовать многого с мысли, в которой отсутствует разумное основание. Ведь если быть последовательным в определении «врагов» этого общества, то вместо Маркса рядом с Гераклитом, Гегелем и Платоном должен был, безусловно, находиться Ницше. Важность этого откровенного слабоумия социальной морали, которое находит своих «врагов» в тех, кто был, во-первых, родоначальником рациональной морали (Гераклит) и, во-вторых, ее фундаментальным основанием в известной теории идей (Платон), состоит в том, что если исправить ошибку Поппера, заменив Маркса на Ницше, то мы получим ту историческую эволюцию рациональной морали, которая выражается в учениях ее наиболее выдающихся представителей в истории философии. По поводу же Сократа, которого многие ложно полагают родоначальником рациональной морали, следует сказать, что в его учении мысль явилась компромиссом между социальной и рациональной моралью. И если Сократ бесконечно ослабил этот конфликт двух видов морали, переместив его в область интеллектуального обсуждения противоречий, то Ницше, наоборот, возвратил этот конфликт в его очень большой исторической близости к античному нравственному переживанию трагического сознания. Социальная мо-

раль, исторически, можно сказать, начинается именно с Сократа, когда существование социума как отображение в реальности абстрактного морального договора определяется в качестве примата абстракции мысли над трагическим сознанием как естественным состоянием души, в которой действует разум.

Возврат моральной прерогативы трагического сознания Ницше к духу др. греческой трагедии необходимо возвращает идею неравенства людей в самом сакральном существе начала бытия, поскольку идея, что определенный тип людей является рабским от природы, а другой тип – свободным от природы, является подсознательным антагонизмом импульсов влечения и воли. Ведь любая абстракция мысли требует «стабильности» монотонной повторяемости динамики образа жизни человека как условия слаженности функционирования социума, тогда как трагическое сознание в принципе не может дать гарантии этой стабильности. Интересное решение этой проблемы предложил Платон, когда сконструировал свое идеальное государство как трагическое, в котором рациональные коммуникации пронизывают жизнь людей во всех мелочах кастовой организации государства, где верховной властью обладают только философы. Так, Платон, фактически, нейтрализовал существование абстрактного морального договора, которому учил Сократ, до присутствия бесконечно-малого в структуре государственного устройства, поскольку основным моральным механизмом трагического государства у него является процесс воспоминания человеческой души, метод ее «вечного возвращения» к господствующим позициям разума в повседневной жизни.

У Гераклита начало бытия полагается в онтологическом потоке времени. В учении непрерывного процесса «сгорания» и «возрождения» мира в цепи мировых пожаров однозначно просматривается интуиция периодичности

процесса расовых катастроф. Расовые катастрофы – это абсолютное моральное «удушьё» разума, которое начинается тогда, когда импульсы воли человека бесконечно ослабевают, тогда как иррациональные процессы влечений бесконечно усиливаются. Таково наше историческое время, в котором объективный разум оказался изъятым из конструкции массового общества. В этом смысле, исключительная важность моральных размышлений Ницше состоит в том, что он определяет границу исторического потока времени, когда, с одной стороны, в подсознании людей еще действовали импульсы сознания высших ценностей, а с другой – наступала «духота» морального слабоумия, которая постепенно исключила любую возможность наличия рациональных коммуникаций в мировой цивилизации.

Моральная позиция Гегеля, как известно, была двойственна в вопросе снятия противоречий между социальной и рациональной моралью. С одной стороны, Гегель, безусловно, рассматривал развитие событий мировой истории как следствие активности разумной воли человека, полагая, что стабильность системы социальных механизмов как отображения гарантий «права» социального существа человека является безусловной ценностью, с другой стороны, утверждал, что эта ценность относительна в онтологическом потоке исторического времени. Но нет сомнений, учитывая личные высказывания Гегеля, что его рациональная нравственная позиция полностью совпадала с позицией Гераклита в вопросе господства высшего типа человека, то есть начала существования подлинного права в авангардных позициях объективного исторического разума. Именно поэтому Гегель оказался «врагом» для открытого общества по Попперу, что отрицал возможность существования естественного права без достаточных обоснований объективного разума. В этом и состоит доминирующая позиция патриархальной мысли, – постоянно возвращаться

в историческое прошлое, чтобы утверждать настоящее на основании присутствия в непосредственной жизни высших ценностей.

То, что принципиально отличает основу рациональных коммуникаций от социальных коммуникаций, — это возникновение из определенного сакрального ощущения онтологического потока времени, в первом случае, и формирования их в поле чисто человеческих усилий, во втором случае. Второй тип, социально-коммуникационный, стал тотально определяющим в массовой цивилизации, когда бесконечное множество разного рода средств массовой связи давит на подсознание человека необходимостью быть вовлеченным в свое неразумное существование. Одним из основных признаков существования рациональной морали в истории является наличие сознания психической нормы человека, которая всегда гарантируется определенной психологической нормой патриархальной психологии как определенного среза мысли психологии рациональной. Таким образом, мы утверждаем, что полноценность психики в рациональной модели цивилизации выражается в системе действия норм патриархальной морали. Понятно, что в контексте понимания объективно-рационального смысла существа патриархальной морали, необходимо избавиться от поверхностного предрассудка, что, патриархальное — это что-то очень примитивное и существующее в отдаленном историческом прошлом, как например это имеет место в учении марксизма.

Учение Платона об идеях имеет две кардинально различные составляющие. Одна уходит своими основаниями в разработку тезиса Сократа «познай самого себя», другая — к учению Гераклита о начале бытия в онтологическом потоке времени, то есть к началам возникновения простейших

элементов сознания рациональной морали. Показательна здесь и попытка «восстания» Ницше против платонизма, которое ведет свое происхождение от начал социальной морали, сформулированной Сократом, с одной стороны, и, одновременно, восстановление той составляющей учения о вечной природе идей, которая практически исчезла под воздействием непомерно высокого внимания к чисто логическому строению структуры платоновской идеи. Речь идет об учении Ницше о «вечном возвращении», то есть о свойстве идеи – обладать воспоминаниями высших ценностей, или, по Платону, конструировать пространство патриархальной морали.

Наша позиция по отношению к объективной сущности рациональной морали – расовая, то есть мы утверждаем, что расовая мораль есть признак существования сознания homo sapiens в мировой истории. Таким образом, очевидно, что мы резко расходимся с пониманием происхождения расы homo sapiens в современной биологической науке, в которой оно понимается как процесс эволюции биологического вида примата к собственно человеку «разумному». Такого рода примитивизм поверхностных представлений рассудка по отношению к разумным началам человеческой жизни мог возникнуть только при условии полного сворачивания всех признаков рациональных коммуникаций, которые, собственно, мы и наблюдаем в современной массовой цивилизации. И действительно, нет более простого метода в ликвидации проблемы понимания сложного феномена, чем упрощение его понимания до чего-то самого примитивного, чем способно оперировать представление. Ведь с момента утверждения биологической теории происхождения расы homo sapiens, вопрос о разуме как особой системе моральных ценностей или механически снимался, или переводился в область чего-то относительного по отношению к объективному существу разума, например, в те-

орию неравенства рас. При этом, абсолютно симметричные в своей идеологии системы, такие, например, как фашизм и коммунизм, опирались именно на биологическую теорию происхождения homo sapiens.

Одной из основ нашей рациональной позиции морали, которую мы отстаиваем, является отрицание постулата о происхождении разумного человека от примата. Мы подвергаем сомнению не изменения определенных анатомических признаков развития в процессе биологической эволюции, а именно фрактальную основу происхождения исторического субъективного разума. В основе нашего философского осмысления этой проблемы лежит известное утверждение Ницше о том, что человек отличается от обезьяны так же, как человек — от сверхчеловека. Однако мы, как рационалисты, не можем позволить себе такой поэтической структуры мысли, которую позволял себе Ницше, а потому полагаем, что рационально-объективное структурирование основ современной рациональной морали требует понимать субъективную поэтическую конструкцию понятия «сверхчеловек» как реальность существования современного разумного человека в системе ценностей массовой цивилизации. Фактически, Ницше был первым, кто радикально отверг «мораль рабов», чье начало берет свое происхождение в идеях французской революции.

Следуя идеи «вечного возвращения» у Ницше, рационализм в метафизике воли, который указывает на небиологическое происхождение разума в психике, необходимо рассматривать как бесконечное множество исторических моделей человека, где ни одна не обладает конечностью своего идеологического обоснования. Таким образом, в данном аспекте мысли Ницше использует в понимании происхождения человека структуру платоновской идеи как систему взаимодействия единого первообраза и множества образов высших исторических ценностей прошлого, то

есть динамику взаимодействия единой структуры фрактала бытия и множества его тензоров-подобий, которую пытался развивать Шпенглер на основе огромного исторического материала. И если «сверхчеловек» — это первичная рациональная структура фрактала целостности связи последовательности раскрытия высших ценностей в мировой истории в онтологическом потоке времени, то человек — это множество тензоров, ослабляющих высшие психические импульсы до однородности психических влечений.

Глава 6

Когда мы рассуждаем о существовании национальной идеи, то должны, в первую очередь, определить характер исторического времени по отношению к уровню развития рациональных коммуникаций в определенной исторической реальности. Именно в этом аспекте мы рассматриваем процесс развития мировой истории. Мы его понимаем как историю развития рациональных коммуникаций расы homo sapiens. То, что мы определяем современный уровень развития российской цивилизации как уровень Темных Веков по отношению к мере развития здесь рациональных коммуникаций, с одной стороны, безусловно, вызывает очень тяжелое моральное чувство, настолько тяжелое, что выстоять в этом мраке небытия способен только очень мужественный человек. С другой стороны, исторически неизбежно, что любые Темные Века предполагают впереди, по крайней мере, тысячелетнюю историю новой рациональной модели мировой цивилизации, в которой ее эпицентр во многом формируется фрактальной структурой философского знания. В этом смысле, безусловно, мы обращаемся к воле национальной элиты, которая в наше время полностью бездействует, поскольку для реализации этой воли необходимы какие-то элементарные рациональные коммуникации.

Мы убеждены, что вопрос о действии национальной воли (ибо национальные анклавные воли не обладают)

равносилен вопросу о существовании рациональных коммуникаций, которые возникают из освоения сакрального пространства онтологического потока времени. Это особое пространство, которое в отличие от социальных институтов, вовлекает в себя не только человеческие влечения, но и определенные метафизические ресурсы психики, которые сопрягаются на бессознательном уровне со всем историческим опытом расы *homo sapiens*. Таким образом, национальная воля – это и есть воля расы *homo sapiens*, но только сконцентрированная в данном месте и в данное историческое время. Поэтому национальная идея никогда не бывает чем-то «исключительным» по отношению к идее существования других наций, поскольку все национальные элиты мировых народов являются взаимосвязанными на уровне подсознательных процессов высшей человеческой психики. Другими словами, вопрос об объективной сущности исторического разума мы сводим к вопросу о существовании разума как высшего расового инстинкта.

Оценивая усилия по «государственному» строительству в Советском Союзе, мы находим ту политическую структуру, которая неизбежно возникает в Темные Века как единственно возможная система политической власти, а именно система лигаристических союзов. Нам сложно отчетливо реконструировать основу лигаристических союзов в Темные Века мировой истории, поскольку сведения о них очень скудны в исторических источниках, ибо мировая история, в отличие от примитивных представлений человека, «очищает» в онтологическом потоке времени человеческую память от мифологических конструкций мысли, которые кажутся чем-то значительным и важным для своего времени. Ведь онтологический поток времени – это та сакральная мера времени в глубинах высшей психики, которую достигают метафизические импульсы воли в определенную историческую эпоху как присутствие рациональной психологии,

а она, как взаимосвязь высших ценностей, не удерживает конечные человеческие предрассудки представлений, оставляя только то, что определяет ход мировой истории по существу. В этом смысле, какое дело историческому разуму до существования варваров, поскольку оно определяет присутствие события как меры бытия только разумных признаков жизни.

Если адекватно оценивать уровень рациональной философской мысли до нашего исследования существа объективного исторического разума в опыте российской интеллектуальной школы, то следует его полагать практически нулевым. Это обстоятельство обусловлено тем, что вся известная псевдофилософская история мысли в истории России формировалась на основании интереса к философии, но не философии как таковой. Понятно, что интерес к философии существует в России уже несколько веков, однако философия — это не человеческие изыскания в области известных философских идей, а также не попытка прилагать эти идеи к области веры. Это мужество духа разумной индивидуальности быть наедине с разрушительным потоком онтологического времени, то есть необходимость определять основу философского знания как независимо от науки, так и независимо от религии в качестве того, что проистекает из рубежей авангарда рационального понимания мира.

Процесс расовой катастрофы, то есть исчезновение рациональных коммуникаций, неизбежно приводит к активизации памяти высших ценностей предшествующей рациональной модели мировой цивилизации. Этот процесс происходил в последние века существования античной цивилизации, и аналогичный процесс происходит в современной западноевропейской цивилизации. Если в античной цивилизации этот процесс характеризовался возвра-

щением древнейших египетских культов Осириса и Изиды, которые предшествовали появлению христианской веры, то вере в справедливое свободное общество предшествовала эпоха Возрождения с ее безусловным аристократическим духом и с ее возвратом к античной мифологии и науке. Очевидно, что и возвращение культа Осириса и Изиды в Римской империи, и возвращение древней греческой мифологии в эпоху Возрождения были исторической «прелюдией» к расовой катастрофе, как в античности, так и в позднее Средневековье. И если эпоха Возрождения начиналась на территории бывшей Римской империи, то христианская вера, первоначально, зародилась на территории Египта (у коптов). Если понять, что территория бывшей Римской империи оставалась этим «кладбищем»-воспоминанием исторического прошлого, а др. Египет воспоминанием духа др. восточных цивилизаций, то мы во многом поймем современную моральную обстановку в европейском мире и в современной России.

Как бы ни были значительны достижения научно-технического прогресса в последние века мировой цивилизации, для объективного разума должно быть очевидным, что в проекте его будущей стратегии он является мифологией, которая обладает лишь безусловным статусом архаичного понимания происхождения разума. Так, собственно, всегда протекает процесс расовой катастрофы, то есть топологическая «склейка» осколков старой рациональной модели развития и формирования ее новых структур. Эта «склейка» происходит в качестве первоначального абсолютного господства «ветхого завета» веры. И если этим «ветхим заветом» веры для варваров западноевропейской цивилизации был библейский завет, то для большевистских орд на периферии западноевропейской цивилизации это была вера в научно-технический прогресс. С другой стороны, не стоит забывать, что даже будучи разгромленной, Россией-

ская империя воздействовала на подсознание варваров своим «кладбищем»-воспоминанием тысячелетнего прошлого, что и привело к появлению зачаточных структур государственности, которые получили определение «Союза Советских Социалистических Республик». Вероятно, что аналогичными лигаристическими союзами были и дорийские союзы на территории бывшего ахейского государства, и структура рыцарских орденов в Западной Европе, которые инстинктивно отображали момент перелома от состояния дикости человеческой души к каким-то простейшим зачаткам нравственного чувства. Историческое предназначение этих союзов – топологическая «склейка» расовой памяти-воспоминания с опытом высших ценностей. Понятно, что любая социальная структура в Темные Века – это схема примитивной мифологической конструкции сознания, которая полностью лишена разумного основания, поскольку разум не способен существовать в сфере низших инстинктов.

Мы утверждаем, что движущей силой мировой истории является раса homo sapiens, то есть полагаем, что полноценное нравственное сознание человека – это «кладбище» памяти великих цивилизаций, хранящих в себе историю мирового исторического духа как динамический процесс воздействия онтологического потока времени на подсознании человека. В определенный момент исторического времени, когда происходит процесс расовой катастрофы, старая рациональная модель мировой цивилизации сворачивается, и в результате топологической «склейки» образуется новая модель. Особенность этого процесса состоит в том, что он не является линейным, но наоборот, основан на постоянном возвращении назад. Это то, что Гераклит называл вечным исчезновением и появлением мира в метафизическом определенных циклов времени, которые – суть различные рациональные модели мировых цивилизаций.

Мы понимаем рациональную мораль существования цивилизации как меру энергетики непосредственного участия онтологического потока времени в жизни человека. Ясно, что в наибольшей степени, с точки зрения единства рациональной модели, здесь речь идет об определенном психологическом состоянии человека, которое характеризуется его высшими психическими импульсами. С психологической точки зрения, мы отчетливо осознаем, что рациональная коммуникация — это сфера действия воли, чье принципиальное отличие от течения влечений характеризуется постоянным возвращением к подсознательным процессам, которые моделируют структуры взаимосвязи между людьми в качестве соучастия индивидуальной воли в онтологическом потоке времени. То, что онтологический поток времени проистек, определяется не пониманием в абстрактной мысли, оперирующей отрезком длительности, так или иначе, ограниченной определенной схемой в конструировании этой длительности, а тем, что Плотин называл «эманацией» идеи, а Ницше — «вечным возвращением». Мы же называем это фракталом метафизической структуры бытия.

В понимании метафизики бытия как комплекса фрактально-эстетических структур реальности, сознание конструируется из тензоров сопряжения структуры объекта и конструктивных возможностей субъекта. При этом структура объекта выявляется в сознании как определенная группа тензоров субъективного восприятия образов памяти, которые транспортируются в сознание в процессе устойчивого трагического восприятия бытия. Таким образом, фрактально-эстетическая структуры бытия — это производная от трагического восприятия реальности, вне которой она не существует. В этом смысле, не-трагическое восприятие, то есть естественное сознание, оперирует в мышлении не

структурой объекта, а его отдельными структурными элементами, или конструктивными «деталлями» фрактала, воспринимая реальность как непрерывную линию пространственного сознания, которое в механическом мышлении воспринимается как абсолютное пространство. С другой стороны, в естественном сознании и время воспринимается не как онтологический поток, который производит метафизику бытия, а как простое суммирование изменения положения точек в абсолютном пространстве, то есть как линия течения абстрактной мысли, проецируемая в естественно-научную картину реальности.

В приоритете ценностей сознания важнейшим вопросом является вопрос о том, что понимать под «естественным» для человека? Понятно, например, что для гомосексуалиста «естественным» является влечение к существу одного пола, а для вора — украсть то, что ему не принадлежит. Поэтому социальная норма устанавливается в соответствии с тем, что естественно для подавляющего большинства людей. Однако разумная индивидуальность, определяющая ход развития мировой истории никогда не бывает в большинстве, она всегда в меньшинстве, в любом народе и в любой исторической эпохе. С другой стороны, исключительность этой позиции меньшинства заключается в том, чтобы устанавливать движение онтологического потока исторического времени таким, каким он является по отношению к душе каждого человека в качестве непосредственного действия исторического разума. Таким образом, расовое существо homo sapiens всегда существует в психологической оппозиции к массовому инстинкту людей, и только в этом смысле оно и присутствует как историческая реальность. Очевидно также, что фальсификация объективной сущности исторического разума характеризуется попыткой полагать его «ветхую» основу — единственно возможной, какой бы исторический промежуток времени мы не рассматривали. Этот процесс

постоянной фальсификации разума и, как следствие, необходимости очищения его исторической сущности от исторических предрассудков и есть процесс утверждения расы homo sapiens в мировой истории как всемирно-исторический процесс развития мировой цивилизации.

Мы должны постоянно подчеркивать, что подлинно рациональная мысль не имеет никакого отношения к вере. Наоборот, как только в определенной системе рациональных представлений возникает подобие веры, то система рационального мышления рушится, переходя из сферы авангарда мысли – к сфере арьергарда мысли, порождая множество предрассудков представлений о реальности. Этот процесс отрицания отрицания диалектического рационального мышления как его определял Гегель, или в новейшем контексте мировой истории – процесс нигилизма постоянно растущего потенциала исторической воли, как его мыслил Ницше, и есть непосредственная область подлинного существа рациональной морали. В основе ее лежит то, что неминуемо должно выходить за пределы веры, чтобы конструировать стратегию развития мировой цивилизации. Но когда сознание выходит за пределы веры, то оно необходимо оказывается во власти высших импульсов психики, и тогда вопрос о существовании рациональных коммуникаций становится равносильным вопросу о существовании реальности структурных элементов рациональной модели цивилизации.

Всем разумным людям, очевидно, что существование нации – это вопрос существования какой-то рациональной системы коммуникаций, в которых выражено моральное здоровье нации. Однако что тогда можно сказать о европейском мире и, особенно, о российской реальности с точки зрения морального здоровья нации? Очевидно, что

на сегодняшний момент мы имеем прямо противоположное – тотальное моральное нездоровье всех наций мира. Причем, это нравственное нездоровье началось в России не с большевиков, которые, в частности, обосновывали свое нашествие этими симптомами. Оно началось значительно раньше, когда вследствие расширения и укрепления политического веса Российской империи в мире, возникла необходимость обоснования ее самостоятельной рациональной модели развития. То, чем является империя без подобного обоснования, можно понять, например, по судьбе Османской империи, в которой отсутствие самостоятельной рациональной модели цивилизации неизбежно заканчивается ее историческим коллапсом.

За последний век истории моральная ситуация в России кардинально изменилась, когда нравственное существо национального русского самосознания отчетливо обозначило невозможность какого либо покаяния за прошлое в силу процессов расовой катастрофы. Можно сказать, что в XX веке проявилась та психологическая основа, которая существовала в православии как моральном компромиссе между античными и библейскими принципами морального самосознания. Отличительная черта между православием и католицизмом, как мы его понимаем с позиции рационально-объективных процессов развития мировой истории, состоит в том, что православие «законсервировало» античные элементы нравственности в том матриархальном виде, который характеризовал, в частности, консервацию нравственного духа др. восточных цивилизаций в ветхом библейском завете др. евреев. И, вообще, онтологические ресурсы времени всегда в чем-то консервируются, поскольку расовая память *homo sapiens* – это основа действия подсознательных импульсов воли любого человека в качестве меры взаимосвязи его индивидуального разума с высшими ценностями мировой истории.

Таким образом, мы понимаем под национальным не что-то исключительное по отношению к судьбе других наций, а, наоборот, нечто исключительно всеобщее для всех наций, что определяет нравственное состояние расового существа человека как феномена *homo sapiens*. Характер этого всеобщего проистекает из высших подсознательных психических импульсов, то есть определяется потенциалами воли, а не потенциалами влечений. В этом смысле, научные разговоры о создании искусственного интеллекта характеризуют то ложное представление о существе разума, которое доминировало в западноевропейской классической философии, когда неоднородность психических импульсов подсознания человека полностью игнорировалась, тогда как монотонность психических процессов полагалась безусловным основанием для реализации логической структуры мышления. В идее искусственного интеллекта всеобщее понимается как моделирование научно-технического основания последовательности логических операций, которые систематизируют различные комбинации известных знаний в качестве многообразия их фрактального подобия уже известным представлениям. Ведь в развитии научно-технического прогресса, в отличие от идей фундаментальной науки, за основу всякого моделирования структуры берется не объективное явление природы, а конечные представления человека об этом явлении. В результате, конструктивные возможности научно-технического прогресса основаны не на разумности субъективного начала мышления, а на упорядочивании известных элементов знания, которые лишь комбинаторно перестраиваются в соответствии со свободных воображением структурных звеньев развития представлений технологического мышления. Именно поэтому современный научно-технический прогресс выражает не объективность разумного мышления, а мистические грани мифологии веры в науку, что, во-первых, ликвидировало

научную среду как среду рациональных коммуникаций современной цивилизации, а во-вторых, как следствие, не дает возможности развиваться фундаментальной науке, требующей безусловного присутствия в исследовательском моменте начал субъективного рационального мышления.

Поскольку современная массовая культура – это тотальная мистификация жизни по отношению к разумному началу души, в которой место разума занимает поверхностный рассудок, оперирующий не рациональным знанием, а многообразием информации, то инфантилизм непосредственного образа жизни человека стал катастрофическим. Так, психология взрослой жизни человека требует хотя бы минимума соприкосновения с субъективными началами собственного разума, тогда как эта возможность в массовом социуме почти полностью исключается. Этот феномен, в частности, проявился и по отношению к философскому наследию Ницше, где ярлык «иррационализма» был приклеен к субъективному разуму новейшего времени в силу невозможности нравственно неполноценного человека понимать рациональную природу мировых исторических процессов. На первый план в политической жизни этого мирового «детского сада» выступает не психология национального лидера, а психология «домохозяйки», поскольку в массовом социуме, в котором нравственная жизнь нации равносильна нулю, необходима не активность мужества присутствия воли в историческом событии, а, наоборот, полная пассивность воли, легко и непринужденно встраивающаяся в монотонный ритм бессмысленной жизни массового мегаполиса. Однако российская реальность, в которой в наше время доминирует варвар, а не разумный человек, имеет то преимущество, что в ней невозможно организовать этот «детский сад», которым является современная западноевропейская цивилизация, – всерьез. Это связано с тем, что в историческом опыте российской цивилизации

отсутствует какой-то самостоятельный опыт существования рациональных исторических коммуникаций, которые в процессе неизбежности исторической деструкции мешают развитию формирования ее современной рациональной модели. Можно сказать, что в глубинах высшей психики человека здесь накопились колоссальные неистраченные ресурсы воли, которые в силу отсутствия субъективного начала разума постоянно выплескивались как потоки агрессивных влечений.

Проблема массовой утраты человеком каких-то элементарных признаков разума в наше историческое время является следствием расовой катастрофы, то есть исчезновения достаточных подсознательных импульсов воли, определяющих активность его высшей психики. И наоборот, активность влечений в процессе расовой катастрофы становится максимальной. Эти влечения являются основой коммуникаций массовой культуры в массовом мегаполисе, в котором мера отлаженного монотонного ритма бессмысленного образа жизни человека определяют основную причину его глубокой психической деградации. Если внимательно проанализировать процессы расовой катастрофы в мировой истории, когда исчезает одна рациональная модель и начинается топологическое моделирование новой рациональной модели, то можно заметить, что процесс расовой катастрофы дегенерирует человеческую психику именно вследствие исчезновения в ней достаточных высших импульсов, определяющих активность воли. Не случайно, теория психоанализа возникла именно из материала анализа психопатологии человека, то есть основой чрезмерной активности подсознательных влечений человека является именно катастрофическое ослабление высшей психической активности души, и, как следствие, действия воли.

Ясно также, что сам Фрейд это понимал, когда утверждал, что либидо всегда имеет доминирующее мужское начало. Последняя мысль, собственно, указывает на то, что в рациональной морали доминирование высшей психики осуществляется на основе не интеллектуальных схем абстрактной мысли, а в качестве естественного преобладания психического потока высших импульсов над низшими импульсами. Об этом же рассуждал и Ницше, когда утверждал, что «хищная» природа человека всегда определяется абсолютным доминированием высших психических импульсов воли над низшей психической природой влечений. И, в отличие от Фрейда, как известно, Ницше вообще полагал, что «мораль рабов» во все исторические времена характеризуется нигилистическим отношением к патриархальной норме жизни, то есть к подлинному существу исторического разума.

Мы утверждаем, что феномен расы *homo sapiens* имеет циклический характер. Однако речь идет не о цикличности природных процессов, которые характеризуют существование человечества как подобие органической структуры, а о цикличности процесса онтологического потока времени, имеющего метафизический характер. Так, онтологический ритм времени имеет нечеловеческий и неприродный характер в том смысле, что онтология времени, как метафизика действия воли, проистекает из самых разрушительных глубин психики, обусловленных бессознательным инстинктом смерти. В этом смысле, критика христианских ценностей у Ницше была вызвана тем, что дух в христианской религии представляется как сила, которая противоположна материи, за счет чего устанавливается иерархия бытия. Однако онтологический поток времени нейтрален к резкому противопоставлению духовного и материального, поскольку рациональные структуры онтологического потока времени имеют топологический характер, где противоречия между духом и материей погружены в определенную

топологическую «связность» в онтологической структуре фрактала бытия. Топологический характер онтологического потока времени выражается в качестве цикличности меры активности воли в процессах мировой истории, когда мировая воля «пульсирует» максимально в историческую эпоху, когда высшие ценности являются неотъемлемой частью непосредственного образа жизни человека. И наоборот, активность мировой воли в мировой цивилизации становится минимальной, когда практически полностью рушится система рациональных коммуникаций. Именно таково наше историческое время, в котором воздействие на непосредственную жизнь человека высших ценностей практически равно нулю.

Одна из основных проблем российской интеллектуальной мысли состоит в том, что в ней высшие ценности никогда не были частью непосредственной жизни человека, то есть действие разумной воли никогда не обладало систематичностью и методичностью. Ведь именно последнее условие является необходимым условием существования самостоятельной модели рациональной цивилизации, в которой нравственная жизнь человека и политическая система определяются каким-то объективным историческим разумом. Рассуждения же подобные тому, что «умом Россию не понять», демонстрируют только то, что бессознательные влечения, как в русской истории, так и в истории российской цивилизации, практически всегда доминировали в подсознании над действием воли, то есть над отчетливыми признаками рациональной психологии человека. Другими словами, рациональная мораль никогда не являлась здесь основой существования рациональных коммуникаций, из структурных элементов которых во все исторические эпохи формируется система политической основы государственности. Социальная же и религиозная мораль — это моральные системы, которые возникают не из онтологического по-

тока времени, а из непосредственной нужды человека, то есть определены не волей к господству разума в качестве непосредственности присутствия высших ценностей в жизни человека, а влечением к чему-либо. Но если отсутствуют признаки рациональной морали в истории, то такого рода государственность всегда будет находиться под воздействием внешнего влияния, периодически неизбежно впадая в Смутное время тогда, когда система конечных представлений о реальности рушится.

Когда сознание примитивного материалиста в России «исследовало» содержание философии Гегеля, то понятие «мирового духа» неизбежно отбрасывалось как «поповщина», над которой постоянно язвил вождь большевистской орды. Однако всемирно-историческая ценность истории философии состоит в том, что варвары «прокатываются» своими вожделениями за пределами исторического разума, поскольку их дикая агрессивность способна только сокрушать социальные и религиозные моральные ценности, но не ценности рациональной морали. Ценности рациональной морали — это сердцевина истории мировой философии, за счет которой ее основу легко отличать и от предмета мысли искусства, и от предмета мысли науки, и от предмета мысли религии. В нашем понимании, мировой дух — это энергетическая основа высшей психики, которую нельзя назвать ни «человеческой», поскольку она связана с чем-то сакральным во времени, ни религиозной, поскольку это сакральное невозможно определять как «божественное». В современном контексте исторической реальности, мировой дух Гегеля — это расовое бессознательное homo sapiens, которое присутствует в высшей психике каждого человека, что, собственно, отличает его от животного. Отличие духа от материи состоит в том, что бессознательная память

каждого человека неизбежно возвращает его сознание к необходимости действия воли, а действие воли, в свою очередь, требует отчетливости действия субъективного разума. Эта схема нравственного развития рациональной морали пронизывает дух мировой истории, в которой воля и разум обусловлены ни верой, и ни абстрактной логикой мысли, а метафизикой динамики исторического действия воли расы homo sapiens в мировой истории. То, что варварские массы людей в состоянии возбуждении «морали рабов» способны под «разумом» понимать естественный методический труд, есть признак той или иной степени слабоумия, которое мы трактуем как отсутствие исторического опыта развития исторических рациональных коммуникаций.

Раздел III

Идеология рациональной морали

Глава 7

В необходимости существования рациональной морали, которая утверждает, что мир и человек производятся онтологическим потоком времени, выражена нравственная истина конструктивного принципа постоянного изменения субъективного начала рациональной мысли. Изменение этого конструктивного принципа производится ни человеком, и ни богом, а онтологическим потоком времени, который имеет фрактальную основу. В структуре метафизической конструкции фрактала существует процесс постоянного изменения отдельных структурных тензоров высшей психики и сознания, которые образуют эстетическое созерцание бытия как производную от онтологического потока времени.

Разумная воля является производной от онтологического потока времени, поскольку воля вообще, то есть не обязательно разумная воля, есть определенное смешение психических импульсов между животным существом человеческих влечений и подсознательным инстинктом смерти. Если же присутствие разумной воли минимально, то мы имеем только комплекс психических влечений, которые почти всегда неразумны, отображая животный образ жизни человека. При этом научные технологии способны бурно развиваться в процессе бесконечно малого присутствия рационального содержания мысли, поскольку схематизм

интеллектуальной схемы имеет дело не с сущностью бытия, а с его отдельными структурными элементами какой-то достигнутой грани рационального знания. В исторической концепции Шпенглера это совпадает с окончанием развития комплекса фундаментальных научных идей, которые характеризуют процесс сворачивания определенной рациональной модели мировой цивилизации. А поскольку отличить реальность действия разума от потока поверхностных представлений рассудка возможно только в рациональной структуре коммуникаций мировой цивилизации, которая отсутствует в современной исторической реальности, то есть в каком-то минимуме объединения разумных людей, то фальсификация исторического разума в массовом обществе является практически абсолютной в наше время.

Основная причина кризиса современной европейской цивилизации состоит не в экономических или технологических проблемах, которые суть поверхность айсберга процессов расовой катастрофы. Основная проблема состоит в том, что на бессознательном уровне в социально-политической системе демократических и либеральных ценностей западноевропейской цивилизации инстинктивно действует «мораль рабов», то есть исчерпание ресурсов рациональной морали, которая определяет онтологический поток исторического времени. То, что варвары в России постоянно подражали этой рациональной модели развития, в конечном счете, привело к нашествию большевистской орды и ликвидации основ русской государственности после 17-го года. Ведь постоянное глумление над собственным расовым началом души — это и есть то инстинктивно неразумное, что определяло социально-политическую систему России как до большевистского нашествия, так и, тем более, после него. В результате этой нравственной дикости и сформировались те принципы варварского государства, которые тотально исключают существование какой-либо рациональной мо-

рали, поскольку в этом случае отсутствует элементарная рациональная модель развития государственности.

Когда субъективный разум пытается осознать себя в среде варваров, то находит нравственную пустыню, которая существует в отсутствии каких-либо рациональных коммуникаций. Варварам есть дело до всего, кроме разума, поскольку их животное существо души не приспособлено к его восприятию, ибо восприятие разума — это особое нравственное состояние души, возникающее только тогда, когда мировой дух истории перемещается в определенное психологическое пространство, существующее на бессознательном уровне между людьми. Таким образом, хотя мы и утверждаем, что современная российская цивилизация существует на уровне Темных Веков, одновременно, мы полагаем, что на территории бывшей Российской империи в зачаточной психологической основе формируется новая рациональная модель мировой цивилизации. Ведь если у варвара есть будущее, то он уже не варвар, поскольку обладает нравственным потенциалом воли к существованию в онтологическом потоке исторического времени. Другое дело, что между нравственным состоянием варварства человеческой души по отношению к разуму, и полноценным действием разумной воли в реальности существует пропасть. Однако кто-то должен начать ее заполнять первым, поскольку, в противном случае, варварские принципы жизни неминуемо будут ликвидированы онтологическим потоком времени как то, что существует за пределами исторического разума.

Мы понимаем одно из центральных понятий истории философии Гегеля «мировой дух» как подсознательную взаимосвязь человечества в активности его высших начал психики, а сознание духовной реальности мы осознаем как

меру ее активности. С другой стороны, должно быть очевидным, что в отличие от потока естественных влечений человека, высшие импульсы психики должны производиться чем-то не природным. Этим неприродным началом, производящим высшие импульсы психики, мы полагаем онтологический поток времени, который всегда определяет ту или иную меру трагичности бытия. Понятно, что происхождение бессознательных влечений в чувственном восприятии человека зависит от постоянного воздействия материального мира на сознание в качестве технологических процессов цивилизации. Так формируется материалистическое мышление, которое всегда доступно массовому сознанию, поскольку массовое сознание – это продукт тотального воздействия на сознание безусловного постулата о происхождении человека и мира из материи. Здесь не учитываются фрактально-эстетические структуры сознания реальности бытия, которые определяют нравственное существо разумного начала души, или происхождение импульса воли из метафизики онтологического потока времени.

Когда рациональная мысль конструирует объективное основание структуры рациональной коммуникации, то первое, что она учитывает, – это то, что возможность ее представления стремится к нулю. Мера такой возможности представления рациональной коммуникации проистекает из почти полного сосредоточения сознания во власти тензоров высшей психики, которые суть непосредственное движение метафизики импульса воли, то есть соучастие сознания в конструкции бытия через онтологический поток времени. Можно сказать, что конструкции онтологического потока времени «нулевые» в качестве возможности представления практически по всем параметрам, в силу чего и возникло само учение нигилизма. Однако операции мышления этими «нулями» представлений, в конечном счете, и дают возможность понимания рациональной морали как

особой сферы философского мышления, определяющего нравственный исторический потенциал разума человеческой воли здесь и теперь. Особенность сферы рационального мышления определенной исторической эпохи состоит вообще в возможности «прокладывать» структуры рациональных коммуникаций через комплексы «нулей» представлений в качестве фрактально-эстетических структур реальности. Очевидность отсутствия каких-либо рациональных коммуникаций в современной массовой цивилизации показывает, что подсознательный психический баланс человеческой психики практически полностью сместился в сторону влечений, которые дают возможность полной «свободе» низших человеческих инстинктов и, наоборот, тотально блокируют хотя бы минимальную возможность действия высших инстинктов, то есть действия разумной воли.

Культивирование полной «свободы» низших человеческих инстинктов в качестве социальных «возможностей» массового общества, постепенно привело к жесткой конструкции социальной системы массовой цивилизации, тотально исключающей в себе разум. Причем, если эта социальная система сложилась исторически последовательно в истории западноевропейской цивилизации, то в России она сформировалась как варварская надстройка над собственным расовым основанием. Возникновение этой политической надстройки с момента реформ Петра I было крайне неустойчивым, а потому она и была разрушена нашествием большевистской орды.

То, что кардинально изменилось в истории XX века в мире, – это окончание развития рациональной модели европейской цивилизации и, как следствие, процесс ее разложения. А поскольку американская модель цивилизации не имеет в своем основании исторического разума, то ев-

ропейский мир потерял какие-то нравственно-рациональные ориентиры. Именно этот коллапс исчезновения в мире какой-то рациональной стратегии развития и характеризует современную политическую систему мира как полностью неразумную.

В отличие от жесткого противопоставления «морали рабов» и «морали господ» у Ницше, мы не можем морально позволить себе оставаться на субъективной позиции разума, поскольку не имеем морального права игнорировать разумное понимание процессов мировой истории. Понятно, что во многом человек определяется своей судьбой, а потому не выбирает то сословное или социальное положение, которое она ему предоставила. Мы исходим из принципиального понимания существа исторического разума, которое безразлично к судьбе человека, поскольку разум — это, первоначально, не человек и не бог, а то, что определяется онтологическим потоком времени как определенный комплекс фрактально-эстетических структур метафизической природы бытия.

Если морально оценить русские национальные силы в России, то реальность их существования, безусловно, сводится к исчезновению русского национального самосознания после 17-го года. Понятно, что для массового сознания события 17-го года представляются как «переворот», то есть как один из переворотов, например, екатерининской эпохи, где эти перевороты мало влияли на непосредственную жизнь народа. Однако для рационального мышления, которое определяет себя по отношению к нравственному началу рациональной морали, это был не переворот, а нашествие варварских орд на хрупкие подражательные структуры русской государственности. То, что до нас этой исторической оценки никто не делал, объясняется отсут-

ствием объективно-рациональных принципов понимания событий мировой истории в российской и, тем более, советской исторической школе мысли. Понятно также, что если невозможно признать очевидное в современной России в силу полной разобщенности национальных сил в наше время, то историческое время рано или поздно само оценит адекватно произошедшие в ней исторические события. Для нас же, рационалистов современной России, это понятно уже сейчас, поскольку тотальная моральная психология низшей человеческой натуры, в которой практически полностью доминирует животное вождение низших инстинктов, — это та психологическая основа социально-политической системы российской цивилизации, которая доминирует в ней с 17-го года. Мы обнаруживаем исчезновение адекватности национального самосознания в России после большевистского нашествия, временно прерываемое событиями второй мировой войны, когда национальный дух на некоторое ограниченное время восстановил свои позиции на минимальном психологическом уровне.

Причины того, что социальные связи СССР «разорвались» в 91-гому, необходимо видеть не в «происках» империализма, а в том, что в принципе невозможно существование государственности на основе социальных структур, которые лишены разумного обоснования в мировой истории. По отношению к объективному историческому разуму коммунистическая партия СССР была тоталитарной сектой, основанной на идеологии примитивного материализма. Однако было бы бессмысленно что-то требовать с национальных анклавов в современной России, поскольку «мораль рабов» инстинктивно направлена на выживание, а не на стратегию развития самостоятельной основы цивилизации. Поэтому разговоры об экономических процессах развития в государственной стратегии являются основными, ибо иного варварский ум помыслить не смеет. Ведь варварский ум всегда

полностью зависит от конечных представлений, которые доминируют в неразумном существе человеческой души.

Все многочисленные пессимистические оценки будущего развития мировой цивилизации, в нашем понимании, основаны на неразумном инстинкте самосохранения человека, который всегда был за пределами исторического разума. Так, инстинктивный страх обыденных представлений о будущем всегда присутствуют при изменении привычной схемы жизни, поскольку метафизика воли всегда бессознательно противостоит монотонному ритму жизни, в котором инстинкт самосохранения гарантирует выживание человека, но не гарантирует его существование как разумного существа. А поскольку рациональная стратегия развития мировой цивилизации в наше время полностью утрачена в политическом мире, то вся эта многочисленная болтовня о выживании человечества стала основополагающей в представлениях о будущем развитии мировой цивилизации в массовом социуме.

Когда мы рассуждаем о существовании национальных элит мира, то имеем в виду, в первую очередь, нравственную память исторического прошлого каждого народа, которая взаимосвязывает подсознание человека с духом его предков. Здесь является глубоким заблуждением полагать, что эти функции выполняет традиция, поскольку традиция может быть живой только тогда, когда подпитывается нравственными импульсами рациональной морали. В противном случае, она становится набором каких-то формальных заявлений и намерений, под которыми отсутствует реальная метафизика воли, то есть нравственный риск существования разума в откровении онтологического потока времени. Ведь все рациональные модели развития мировой цивилизации заканчивают именно мертвым фасадом традиции, будь то исчезновение живого поля нравственной жизни древнеегипетской цивилизации или в наше время, например,

английской аристократии. Конечно, формальные ритуалы и определенная замкнутость сообщества людей, которые причастны определенной традиции, остается, но какая от этого польза, если, например, большая часть английских подростков толком не знает, кто такой Шекспир, который является великим выразителем духа английской аристократии? Поэтому мы и определяем эту живую память взаимосвязи с духом предков как патриархальную психологию человека, которая обладает достаточным нравственным ресурсом, чтобы активизировать волю для утверждения рациональных коммуникаций в непосредственной жизни человека. Понятно также, что в отличие от традиции, которая определяется конечностью представлений человека, патриархальная сущность психологии всегда открыта для нравственной переоценки ценностей, поскольку, используя язык Гераклита, следует помнить, что рациональная мораль – это всегда «сухая душа», то есть душа, в которой жесткий остаток воли создает пространство исторического разума.

Как разум расчищает себе нравственную основу морального понимания бытия, можно было наблюдать в момент перехода от модели развития античной цивилизации к христианской цивилизации. Так, первоначально, в «морали рабов» полностью блокируются высшие импульсы психики. Следствием этого является исчезновение всех признаков существования разумной индивидуальности, а именно: понятие о чести и о нравственном долге, то есть исчезают те признаки мужества духа, которые отличают психологию образа жизни *quasi homo* от психологии жизни *homo sapiens*. Ведь наличием духа мировой истории, как присутствия разумного основания в непосредственной жизни человека, являются не технологические достижения своей эпохи, а признаки существования рациональной морали, то есть

существование какой-то взаимосвязи между разумными индивидуальностями. Эта взаимосвязь может быть только метафизикой воли, то есть демонстрировать комплексы новых рациональных коммуникаций в структуре развития мировой цивилизации.

Если обозначить направление рациональной стратегии развития мировой цивилизации, которая должна определяться рациональными коммуникациями будущего, то это есть задача освоения космоса. С точки зрения процесса «вечного возвращения», характеризующего присутствие в нравственной жизни субъекта разума как исторического опыта высших ценностей предшествующих цивилизаций, речь идет об определении метафизической природы бытия для др. грека именно в космической жизни. Аналогичным образом, наступление христианской цивилизации начиналось с возвращения жреческого духа др. египетских мистерий, которые распространились в библейской вере как промежуточное звено: между исчезающими коммуникациями старой рациональной модели цивилизации и формированием ее новой структурной основы. Таким образом, в нравственном начале современной субъективности разума лежат элементы прообраза античного космоса. И если в эпоху Возрождения эти элементы, в основном, транспортировались в сознание в процессе метафизики «вечного возвращения» как научные достижения греков и образцы классического искусства, то современное сознание субъективного разума выражается в полноте трагического мирозерцания, которое исключает архаичное моральное сознание вины на уровне рациональной морали. Поэтому философская интуиция Ницше вполне справедливо указывает на древнейшую др. египетскую жреческую мистическую основу христианской религии. Другое дело, что возникновение христианской религии была исторической необходимостью с точки зрения им же открытого закона

«вечного возвращения».

Проследивая динамику развития возврата к античному космосу, который совершался в последние века западноевропейской цивилизации с неумолимостью действия онтологического потока исторического времени, можно заметить, что этот возврат определяется в нравственной жизни субъекта как постоянно растущее сознание трагичности бытия. Причем характер этой трагичности сознания не локально-человеческий, как это имеет место, например, в нравственном существе шекспировского Гамлета, а метафизический, то есть в повседневную жизнь человека начинают проникать силы, с одной стороны, нечеловеческого, с другой, не божественного характера. Ницше, осмысливая эти силы век назад, определил их как «сверхчеловеческие», показав, что они определенным образом связаны с ликантропией сознания, то есть со слоями психики, которые не могут иметь по существу какой-то социальной природы. Поскольку для нас существует нравственный опыт на столетие больше, чем у Ницше, то мы определяем нравственный аспект этих сил как онтологический поток времени, который и является метафизическим источником рациональной морали мировой истории развития цивилизации.

Весь XX век развития мировой цивилизации характеризовался резким моральным переходом от теплоты романтического ощущения социальной жизни человека к распространению жестко-иррациональных социальных процессов, которые, как следствие, привели к массовому разложению института семьи, к забвению всех представлений о нравственном долге, к постоянному глумлению над психической нормой человека. Все эти процессы, как мы утверждаем, стали возможны вследствие исчезновения устойчивой структуры рациональных коммуникаций,

которые поддерживались определенными политическими силами в процессе динамики развития метафизики воли в процессах мировой цивилизации. Нравственный вакуум, возникший вследствие исчезновения рациональных коммуникаций мировой цивилизации, породил многочисленные иррациональные процессы. В результате, потеряв стратегию развития метафизики воли в мировой истории, западноевропейская модель цивилизации практически потеряла свое моральное превосходство в мире уже в начале XXI века. Главной причиной утраты этого морального превосходства разумной стратегии мировой цивилизации западноевропейской модели развития является невозможность осмыслить стремительно возрастающую меру трагичности бытия, которая определяет подсознательную основу нравственной жизни человека. Трагичность становится абсолютной и всепоглощающей, и только в этой тотальной трагичности сознания бытия современная объективная реальность обретает слабые контуры новой рациональной модели стратегии развития.

Если проанализировать полярно противоположные позиции современной западноевропейской модели развития цивилизации с явно выраженной геополитической доминантой США и новую рациональную модель развития на территории бывшей Российской империи, то мы находим, с одной стороны, весь комплекс исторического опыта разума, который нравственно мертв, а с другой, наоборот, бесконечно малый нравственный опыт разума, который жив и стремится к исторической самореализации. Чтобы понять контекст этого геополитического противостояния, мы должны отчетливо понимать, что мировая история никогда не была «многополярной» в своем развитии. Всегда в мировой истории существовал рациональный центр, доминирующая модель, в которой отчетливость субъективного разума проистекала из исторической необходимости

существования исторических законов развития. И в наше историческая время геополитическое противостояние США и России имеет внешнюю «непримиримость», с точки зрения обыденных представлений о ценностях, равно как внутреннюю взаимодополняемость, с точки зрения динамики развития метафизики воли как стратегии развития мировой цивилизации. Чтобы понять характер этого геополитического противостояния, мы должны вспомнить отношения Византии с варварской Западной Европой, когда на территории последней началось формирование собственной рациональной модели развития. Первое, что характеризовало разрыв эпохи Темных Веков Западной Европы и начало становления Средневековья, — это переход от системы ценностей библейского «ветхого завета», в которой существовало абсолютное противостояние нравственно-рациональному опыту античной цивилизации, к началу освоения его достижений. На уровне инстинктов это характеризовалось переходом от внешнего представления о едином боге, который давал минимальную возможность не чувствовать себя варваром и рабом по отношению к многотысячелетней истории античной цивилизации, — к его инстинктивному признанию как основы собственной расовой души. Таким образом, перелом от библейских ценностей ветхого завета к истинам нового христианского завета характеризует перелом от обыденных представлений монотеистической веры к началу метафизики действия воли. Понятно, что все рассуждения ранних схоластов Западной Европы были очень примитивны по отношению к классической философской школе мысли, развившейся после эпохи Возрождения, однако с точки зрения существования самостоятельной рациональной школы было положено начало новой рациональной модели развития цивилизации. Это очень важно понимать, поскольку все многочисленные массовые секты, действовавшие в среде варваров, подобные секте

манихеев, не имеют никакого отношения к разуму, как и не имеет никакого отношения к историческому разуму секта коммунистов, на которую опиралась советская власть. Эти варварские орды, объединившееся в секте манихеев или в современных коммунистических сектах, конечно, приуготовляют появление новой рационального договора между народами, однако не за счет структурирования новой патриархальной психологии человека, а за счет реконструкции ее старых звеньев.

Отрицание экономической стратегии развития мировой цивилизации проистекает из современного существа рациональной морали человека, которая состоит в том, что экономические проблемы – это система представлений поверхностного интеллекта, а не объективной позиции разумного мышления. По отношению к объективной сущности исторического разума, экономические проблемы – это тактика, а не стратегия развития мировой цивилизации. Стратегия, впрочем, уже существует на заднем плане развития мировой цивилизации, если учесть совершенствование космических технологий всех развитых стран мира.

Таким образом, отрицая «ветхий завет» рационализма с его верой в научно-технический прогресс, мы не только не отрицаем основной нравственный аспект морали, взаимосвязанный с рациональным мышлением, но и определяем действие его поля на глубинно-подсознательном уровне. Если продолжить сравнение процесса возникновения рациональной морали в ранней средневековой схоластике Западной Европы с нашим историческим временем, то легко заметить, что его понимание стало формироваться из смутного противопоставления безусловного авторитета веры в ветхий завет – рефлексии мысли, которая пыталась инстинктивно отделить автономию ценности разумной ин-

дивидуальности. Насколько это психологически сложно, можно судить по интеллектуальной атмосфере нашего времени, когда «ветхий завет» эмпиризма стал той основой догматических представлений о сущности разума, которая практически полностью отрицает возможность альтернативного понимания его оснований.

Если рационально оценить историю развития немецкой философской школы мысли, то не сложно заметить, что вся последовательность ее философских систем, начиная с Лейбница и заканчивая Гегелем, стремилась найти альтернативу основания разума, которая отождествлялась в английской эмпиризме с научным мышлением. Эта двойственность задачи немецкой философской школы мысли, где она, одновременно, и сохраняла ценность научного понимания реальности, и обосновывала рационально его метафизическую основу, безусловно, выделяет немецкую философскую школу мысли из других западноевропейских школ, в первую очередь, английской и французской школы. Ведь во французской и английской школе философской мысли разум не имеет метафизического обоснования, если, конечно, исключить представление, что научно-механическое понимание мира является новой «метафизикой» по отношению к мифологии религиозной мысли. Но представление — это самое слабое звено в познавательных возможностях интеллекта, поскольку требует статической картины реальности, которая в действительности всегда вторична в онтологическом потоке времени. Поэтому любая система представлений рано или поздно становится мифологией, то есть инстинктивным стремлением человека сопротивляться развитию исторического разума любой ценой. Какая цена платится человеком за попытку сохранять систему мифологических представлений, всем известно, хотя далеко не каждый в наше историческое время осознает, что научно-технический прогресс — это та система мифологических

представлений, которая мешает разобраться с пониманием подлинного существа исторического разума. Ведь чтобы рационально осознать этот факт, необходимо обладать исключительной силой воли, которая способна поддерживать метафизическую активность рациональной мысли. То, как «сон разума» рождает чудовищ, можно повсеместно наблюдать в многочисленных социальных структурах массового общества, которые направлены исключительно на то, чтобы подавить способность разума к активности. В этом смысле, осознавая, что «ветхозаветная» мифология рационализма неустранима для слабых умов, Ницше провел параллель между сверхчеловеком и человеком, оставляя последнему все многообразие мифологических представлений о реальности, начиная от примитивной магии и заканчивая верой в научно-технический прогресс. Понятно также, что «разум» непосредственного человека является историческим разумом настолько, насколько он обладает мужеством освободиться от своей непосредственности. А поскольку освободиться от непосредственности души невозможно, когда эта непосредственность культивируется в массовом обществе как «свобода», то массовое слабоумие стало «нормой» той интеллектуальной среды, которая профессионально обслуживает все социальные структуры массового общества.

Таким образом, философия Ницше не выходит за пределы одной из основных задач немецкой школы рационализма — найти и метафизически обосновать современную сущность исторического разума. То, что для решения этой задачи он повергает в забвение известный опыт человеческого разума, проистекает не из произвола его субъективной прихоти, а из изменения онтологического потока времени, в котором достигнутый опыт рационального философского знания становится объективно мифологическим. Ведь онтологический поток времени, в отличие от

интервала длительности, которым оперирует человеческое представление, есть эквивалент метафизики воли, который проецирует сознание в комплексы фрактально-эстетической основы бытия как новую логику метафизической реальности. Систематизацией этих комплексов метафизики эстетических фракталов, которые в качестве современного научного физико-математического мышления являются определенным авангардом научной мысли в сфере чисто математических фракталов, и должно заниматься современное объективное рациональное мышление.

В эпоху расовых катастроф, то есть в историческое время, когда сворачивается известная рациональная стратегия развития мировой цивилизации, вопрос о моральной системе ценностей является одним из основных для полноценного функционирования человеческой психики. Традиция продолжает существовать практически во всех народах, но поддерживать ее моральные нормы на достаточном уровне способны только те народы, у которых религия еще относительно «молода» в истории, например, ислам. Что же говорить тогда о православии, если в моральном плане оно не смогло объединить русский народ даже в момент нашествия большевистской орды? Хотя было бы глубоким заблуждением упрекать в этом русских иерархов церкви, полностью разделивших участь русской национальной элиты в момент нашествия варваров. И, собственно, и в наше время, если пытаться искать какие-то признаки существования русской национальной культуры в современной России, то она существует только в менталитете русской православной церкви, да еще в функционировании военно-промышленного комплекса. Вся же остальная реальность существования русской нации мало чем отличается от психологической атмосферы, возникшей здесь после нашествия большевистской орды. Все те же варварские ужимки новоявленных «большевиков», которые, правда, уже не

«горят» огнем своей матриархальной веры в спасительную миссию пролетариата, но зато тускло смердят своей люмпенской душой, орудуя своими животными вожделениями и поверхностным интеллектом в потоке капиталов, доставшихся им после «великого» похода большевистской орды.

Когда нам говорят, что Россия сложилась как многонациональная страны, мы рационалисты, конечно, с этим согласны. Однако объективный исторической разум категорически не приемлет ту социальную фантазмагорию, сложившуюся в России с 17-го года, где отсутствие начал рациональной индивидуальности формирует основу государственности, лишенную какого-то элементарно-стратегического существования, то есть каких-то элементарных рациональных коммуникаций. Ведь в среде варваров человек обращен не к другому человеку, а к его вожделению, к своей среде родственников, к подражанию известным процессам западноевропейской цивилизации, а также к правовым представлениям, возникших из совершенно иных исторических предпосылок, то есть существует в том моральном хаосе, который исключает разум по существу. По-видимому, «разумом» в среде варваров является умение где-то что-то своровать и кого-то обмануть, поскольку изворотливость варварской натуры — это самая значительная сила ее психики, ибо она нигде не наталкивается на жесткое воздействие подсознательного инстинкта смерти, то есть на метафизические принципы разума. На этом мелком обмане, на искажении смыслов элементарных человеческих понятий, и строится социальная жизнь России с 17-го года и вплоть до нашего времени.

Менее всего, мы рационалисты, в таком состоянии тотального морального удушья в современной России можем рассуждать о революции. В Темные Века любая революция — это не борьба одного класса с другим, а схватка одной варварской массы людей с аналогичной массой, такой же бес-

смысленной и неразумной. О характере столкновения этих варварских масс людей можно было судить по событиям 91-го года, когда социальные институты СССР естественным образом разложились из-за отсутствия какого-то элементарного разумного основания своего существования, дав возможность племенным вождям и их прихлебателям поделить государственную собственность. Понятно, что эти события внутренней «перестройки» варварской массы людей из состояния «социального общества» в состояния «капиталистического общества» ничего не изменили по отношению к моральному состоянию человека. Именно поэтому все эти многочисленные нувориши, появившиеся в России в момент окончания «великого» похода и разграбления собственности бывшего СССР стремятся как можно чаще выезжать за границу, – им самим отвратителен варварский социум, в котором приходится жить. Хотя, очевидно, что нравы и ценности Темных Веков мировой истории в большей степени порождает не человек, а кардинальный перелом онтологического потока времени, в период которого, при отсутствии рациональных коммуникаций цивилизации, активизируется разнообразная неразумная психология людей.

Глава 8

Для нас, очевидно, что последней исторической идеей существования основ рациональной морали следует полагать идею «морали господ», о которой рассуждал Ницше. При этом, поскольку мы исходим из совершенно другой расовой реальности процессов мировой истории, мы не можем поддерживать те заблуждения, которые сам Ницше допускает, поддаваясь конечным представлениям своего времени с его биологическим пониманием сущности расы. Так, биологизм в понимании расовой природы человека породил арийский миф, который так и остался только мифом, то есть системой конечных представлений рассудка, которые легко захватывают неразвитое мышление, не давая какой-то рациональной основы стратегии своего развития. Впрочем, для того и существует история философии, чтобы с течением времени развить начальные идеи предшествующей философской мысли, равно как и «похоронить» то, что отвергло само историческое время.

В понимании сущности «морали господ» у Ницше, мы должны, в первую очередь, учесть, что в мировой истории всегда существовали две морали: рациональная и массовая. При этом, право «вседозволенности» морали господ у Ницше сильно преувеличено, поскольку существо человека, захваченное целиком и полностью исторической волей, в действительности очень сильно ограничено той рациональной целью, которую она реализует, то есть практиче-

ски сводит к нулю активность непосредственного человеческого существа, полностью подчиненного задаче реализации воли человека как исторической идеи. Мы потому и утверждаем, что субъективизм Ницше — это моральный рассудок, который может быть осмыслен как разум только при одном условии: если раскрыть его объективно-исторический смысл. В противном случае, философия Ницше будет всего лишь очень яркой системой афористического мышления, которое никак не относится к истории мирового разума. Чтобы понять, что означает рациональная мораль, которая у Ницше получила определение «морали господ», мы должны отчетливо рационально оценить современные исторические события, в которых «мораль рабов» достигла своего апогея человеческого слабоумия.

То основное, что определяет для нас необходимость развивать ницшеанскую идею «морали господ» — это историческая необходимость игнорирования неразумного человека, который не способен обладать разумом в силу слабости своего духа. Следствием тотального доминирования слабого духом человека в массовой цивилизации стал тот факт, что понятие «душа» практически исчезло из современного повседневного языка, поскольку в интеллектуальной среде, где доминирует слабоумие по отношению к разуму, нет места для психической полноценности, этого минимального условия активности разума в душе. Вопрос же о происхождении «морали рабов» в работах психоанализа получил исчерпывающее понимание, которое состоит в том, что ценности демократии современного западноевропейского массового общества стали откровенной системой охлократии, построенной на животном инстинкте выживания, то есть на неразумных бессознательных инстинктах. Поэтому мы должны исходить из очевидного факта исчезновения какой-то рациональной стратегии развития западноевропейской цивилизации.

Важнейшим моментом в понимании происхождения идеи «морали господ», а в объективно-рациональном смысле — исторического возникновения рациональной морали, является становление ее из последовательного и принципиального игнорирования неразумных коммуникаций своего времени. Эта особенность развития утверждения принципов рациональной морали характеризует совершенно разных философов: Гераклита, Сократа, Платона, Гегеля и других. Причины этого игнорирования неразумных коммуникаций своего времени проистекают из особенности самого подсознательного инстинкта рационалиста, который направлен не на спасение человеческого существа, а, наоборот, на испытание его каким-то максимальным риском существования. С точки зрения психоаналитической, речь идет о противопоставлении животной непосредственности человеческой души, подавленной влечениями, метафизическому импульсу воли, который перебрасывает субъективный «мост» между разрушительным онтологическим потоком времени и объективной необходимостью строительства рациональных коммуникаций.

Не случайно, феномен времени являлся центральной темой внимания философии XX века, что было вызвано перемещением в эту субъективную категорию центра рациональной основы исторической морали. Так, если «мораль рабов» раскрылась в своем нравственном развитии полностью, породив многочисленные структуры массового общества, уничтожающие на подсознательном уровне рациональные движения человеческой души, в которых слабое умение современных «профессионалов» социальных «наук» достигло своего апогея, то время — в области онтологии мысли, равно как и инстинкт смерти — в области бессознательного, остались единственной областью, оставшейся недоступной для фальсификации поверхностного рассудка. Как в войне, человеческая сущность проявляет свою под-

линную природу, обнажая меру мужества духа отдельного индивида, так по отношению к инстинкту смерти – в подсознании и по отношению к феномену времени – в области рационального мышления, проявляется мера причастности сущности человека к разумному духу истории.

В нашем понимании, время есть самый загадочный фрактал бытия, то есть группа образов подобия сакрального начала события, постоянно ускользающего в небытие в момент попытки его схватывания как определенной меры длительности. Эта метафизическая загадка времени во многом существует в подсознании человека как свойства высшей психики, которые кардинальным образом отличаются от психики животного метафизическим «ускользанием» в психологическую динамику действия инстинкта смерти. Одной из ошибок психоанализа было полагать инстинкт смерти – влечением, поскольку такого рода трактовка, конечно, может существовать в области психиатрии, но она не имеет смысла в сфере рационального мышления. Таким образом, мы утверждаем, что инстинкт смерти является особым инстинктом хотя бы потому, что в отличие от многочисленных влечений, он никуда не направлен во внешний мир. С эмпирической точки зрения, это своего рода «черная дыра» в подсознании, из которой идут высшие импульсы психики, но в которую не может проникнуть человеческое «естество». Именно на этой динамике высшей психической активности души и строится основание рациональной морали в истории философии.

Главной особенностью фрактальной структуры исторического времени является повторяемость ее простейших элементов, с одной стороны, и неповторимость единства эстетической структуры высших ценностей, с другой. Так, образ жизни человека под воздействием инстинкта самосохранения мало чем отличается у различных народов, как в прошлом, так и в настоящем. Бытовые проблемы созна-

ния полностью заполняют монотонное течение жизни, в котором экстремальность не допускается в силу опасения перед возможностью разрушения единой системы мифологических представлений. И здесь не принципиально, какова актуальность этих представлений в контексте их близости к авангардной сущности мирового исторического разума, где идет речь о магической вере в какие-то мистические первобытные силы, которая характеризует становление начала развития др. восточных цивилизаций, или о вере в научно-технический прогресс, определяющей «ветхозаветную» веру новейшей позиции рационализма. Принципиально то, что любая система представлений стремится к статичности понимания реальности, а статичность понимания — это то, что в наименьшей степени способно проникать в онтологический поток времени.

Таким образом, феномен высших ценностей необходимо возникает как отображение онтологического потока исторического времени, когда эстетические фракталы определяют топологическое напряжение метафизики воли в качестве напряжения тензоров высшей психики с объективной структурой рациональных коммуникаций. Понятно, что в мировой истории структуры рациональных коммуникаций всегда различны, поскольку они возникают не из системы мифологических человеческих представлений, которая всегда есть тот или иной аспект веры, а из непосредственного действия воли, а воля есть всегда тот или иной принцип сопряжения человеческой жизни с онтологическим потоком времени. Конструктивный элемент мышления, отображающий действие воли, всегда определяется мерой «связности» мышления за счет эстетической составляющей сознания реальности, поскольку в подсознательном действии инстинкта смерти все иные, кроме эстетического мышления, логические операции оказываются недействительными.

Характер развития процессов мировой истории состоит в том, что низшие ценности всегда являются базовой основой обыденных представлений человека, то есть сферой мифологии, которая исключает разум по существу. Причем, процесс становления мифологического мышления есть такая же необходимость, как и процесс развития рационального мышления, поскольку первое всегда характеризует область течения монотонности влечений психики, а второе – метафизику воли. В этом смысле, высшие ценности отличаются от низших тем, что они отображают онтологический поток времени, то есть присутствие того, что нельзя измерить в силу его сакрального содержания. И если в религиозном сознании сакральное понимание божественного начала бытия дает определенные границы противопоставления: человеческое – божественное, то высшие ценности изначально не соотносят сакральное и человеческое, а потому всегда определяются чем-то сверхчеловеческим.

Особенность русской философской мысли состоит в том, что в ней никогда не существовало какой-то элементарной рациональной школы мысли. Даже западноевропейская схоластика является в рациональном смысле более зрелым и нравственно-отчетливым, с точки зрения истории рациональной морали, системным развитием рационального мышления. Причины такого плачевного положения философии в российском интеллектуальном опыте следует искать в том, что здесь никогда не действовали отчетливые рациональные коммуникации в исторических событиях, то есть совместные усилия отдельных воле разумных индивидуальностей как реализация высших исторических ценностей. Практически все государственные, социальные и революционные процессы протекали в качестве реализации разновидностей той или иной веры, а значит, не обладали

устойчивостью своей структуры в мировой истории, постоянно рассеиваемые онтологическим потоком времени. Здесь все полностью сгнивало в области попыток рационального осмысления сущего, не оставляя для следующих поколений твердой «почвы» морального рационального закона. При этом следует понимать, что метафизика рационального познания, опирающаяся на параллельное развитие научной мысли, зародилась и развивалась в западноевропейской философской школе мысли, возникнув, как историческая необходимость, в качестве развития внутренних процессов рациональной модели западноевропейской цивилизации.

Отсутствие рациональной школы мысли в интеллектуальном опыте определяет интеллектуальную традицию как зависимую от несобственного развития рациональной модели цивилизации. Более того, отсутствие отчетливых исторических позиций рациональной морали всегда грозит возможностью распространения представлений массового безумия, в котором существуют такие бессмысленные интеллектуальные конструкции как «коллективный разум». Именно такой является историческая реальность российской культуры, начиная с начала XX века, когда большевистская орда рассматривается здесь как «политическая сила», то есть, вообще говоря, позиции рациональной исторической морали отсутствуют в русской истории, и, как следствие, в ней отсутствуют адекватные рациональные оценки исторических событий.

Мы утверждаем, что единство воли нации возможно только тогда, когда отчетливы исторические позиции рациональной морали, поскольку, в противном случае, массовое слабоумие является единственным родом социальной реальности. С другой стороны, следует понимать, что нация сама по себе, не опирающаяся на реализацию высших ценностей, — это тот фантом, который оперирует представлениями, существующими за пределами разума, а значит, не

существует как метафизическая реальность исторической воли. Ведь именно наличие воли отличает существование нации от того исторического прозябания, в котором она находится, если разум пассивен. Мы полагаем, что если любая народная традиция опирается на ту или иную мифологию представлений, то нация утверждает новые горизонты стратегического развития мировой цивилизации, то есть формирует новые рациональные коммуникации, которые ранее не существовали в мировой истории.

Когда мы рассуждаем о единстве нации, то утверждаем не ее исключительность, но, наоборот, ее всеобщность в качестве идентификации расы homo sapiens как системы рациональных коммуникаций. Так, наша подсознательная психологическая основа высшей психики сложилась при советской власти как глобальная перестройка высшего аппарата психики, требующего реконструкции понимания того, чем является русская нация. Более того, для нас стало очевидным, что раскол прарасовой сущности homo sapiens в России, существовавший до нашествия большевистской орды, когда психология русского языка использовала такие субъективные конструкции как «братец» и «голубчик», — это те анахронизмы матриархальной психологии человека, которые были полностью ликвидированы в агрессивном натиске варварских инстинктов масс. При этом для нас открылась историческая истина русской национальной идеи в том, что существование всеобщего рационального характера коммуникаций будущего развития мировой цивилизации необходимо искать в объединении национальных элит мира, поскольку в наше историческое время в системе массовых ценностей мировой цивилизации объединены не национальные элиты, а национальные анклавов, то есть неразумные политические силы. Если же учесть, что рациональные коммуникации существовали в очень слабых конструктивных началах в Российской империи, то их ликвидация

после нашествия большевистской орды была неизбежной в момент расовой катастрофы.

Было бы легкомысленно не понимать, что идея различных союзов: «советского», «европейского» или заявленного недавно «евразийского союза» проистекает из необходимости поиска формирования принципиально новых рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Для нас же важно то, что этот поиск отображает мучительный исторический процесс топологической «склейки» рациональной модели, которая, с одной стороны, демонстрирует конец ее реализации в западноевропейском опыте, а с другой, отсутствие какой-то отчетливой альтернативы. Ситуация фрактально подобно той, которая сложилась в период доминирования Византийской империи, в которой еще существовали осколки ценностей античного мира, а в западной же части Римской империи уже полностью господствовали варвары, для которых жизненно важно было переломить «мораль рабов», то есть смутное представление о едином боге, в высший инстинкт жизни, то есть перейти от эпохи Темных Веков к эпохе Средневековья. Аналогичным образом, и в наше историческое время, где исчезнувший разум западных европейцев оказался «погребенным» под неразумной моделью либерально-демократических ценностей современных США, психология варваров, где влияние современной Византии, США, недостаточно сильно, требует перейти от позиции веры, каковой являлась секта коммунизма, к разуму как расовому инстинкту *homo sapiens*.

Когда мы рассуждаем о Темных Веках в современной России, то рассматриваем не настоящее, которого, собственно, нет по отношению к историческому разуму, а будущее, которое «светится» за этой зловещей тенью отсутствия элементарных рациональных коммуникаций на территории бывшей Российской империи. Так, мистическая секта коммунизма, построенная на вере в научно-технический

прогресс, распалась, обнажив отсутствие какой-то элементарной стратегии дальнейшего развития рациональных основ государственности, когда отсутствие рациональных коммуникаций исключает участие в политической жизни разумных индивидуальностей. В этом смысле, историческая ситуация, когда существует полное отсутствие рациональных коммуникаций на территории бывшей Российской империи, требует действовать рациональные политические силы так же, как действовали большевистские орды против русской национальной элиты, но в точности до, наоборот, то есть игнорировать национальные анклавов, доминирующие здесь с 17-го года. Впрочем, само историческое время исключает существование в разумных событиях мировой истории варваров, то есть людей, чьи способности рационального мышления практически равны нулю.

Если проследить эволюцию советской власти, то легко заметить, что если в начале ее появления существовала агрессивность большевистских орд, то уже через несколько десятилетий произошел процесс возникновения тех политических структур, которые всегда возникают в Темные Века мировой истории, а именно лигариристических союзов. Другое дело, что их структуры были построены не на воле, а на тоталитарной сектантской вере в спасительную роль мирового пролетариата. Понятно, что любая сектантская вера, лишенная какой-то основы разумного индивидуального начала расовой психики, обречена на забвение, поскольку в истории обладает правом существования только то, что обосновано объективным разумом. Поэтому доминирование варварской психологии на обломках Российской империи стало исторически неизбежным. Необходимость эта объясняется с точки зрения возникновения новой рациональной модели развития мировой цивилизации, которая формируется из разрозненных элементов осколков различных вер, интеллектуальных учений и, главное, из потребности ра-

совой катастрофы найти основания для метафизического импульса воли. Ведь воля для оснований своего действия требует не веры, а рациональной структуры пространства коммуникаций, в которых существует присутствие полноценности психической основы подсознательных реакций. Однако, как мы были свидетелями в первые десятилетия советской власти, именно животное вождение веры варварской души было противопоставлено религиозной психологии человека, то есть от имени «разума» выступали неразумные силы.

Ощущение очень тяжелого нравственного состояния психики испытывает рационалист в постсоветской реальности современной России, когда видит вокруг себя пустыню наличия хотя бы минимума рациональных коммуникаций. При этом в нравственном смысле по отношению к историческому разуму ситуация значительно более трагична, чем она имела место, например, в Темные Века Западной Европы, поскольку малочисленные псевдогорода не могли заслонить в ней немой полноценности воздействия окружающей природы, в которой можно было возвратиться к состоянию активности высшей психики. Современные же массовые мегаполисы вместе со своими пригородами, которые тянутся на десятки километров, исключают возможность почувствовать непосредственный контакт с природой, а потому единственным полноценным движением психики становится только то, которое настраивается на ритм онтологического потока времени. В этом смысле, нет необходимости объяснять, что психические усилия, соответствующие ритму онтологического потока времени, должны быть действительно героическими. Ведь поток бессмысленной слабоумной «трескотни» различных поверхностных интеллектуалов в массовой культуре подобен не просто зловещим звукам

дикого леса, который слышал западный европеец Темных Веков, а психологическим отголоскам времени, которые в подсознательной активности своих влечений ускользают в воспоминания матриархальной памяти. Таким образом, в отличие от сознания Темных Веков Западной Европы, современный рационалист постсоветской России сталкивается не со злом, которое проистекает из внешней опасности существования природных сил, а со злом, которое инстинктивно взаимосвязано со всем историческим комплексом «добра», которое существует во всем многообразии мифологических представлений о реальности. Причем к известным предрассудкам прошлого прибавились тоталитарные предрассудки новейшего времени о «прогрессивности» научно-технического развития мировой цивилизации. Таким образом, современная мировая цивилизация медленно, но непреклонно втягивается в состояние Темных Веков, когда все рациональные коммуникации практически разрушились, а новых не существует. Причем российская модель развития имеет то преимущество, что в ней Темные Века доминируют уже с 17-го года, то есть существует определенный нравственный опыт попыток конструирования рациональных коммуникаций, если иметь в виду опыт СССР.

Размышления о происхождении расы homo sapiens приводят к мысли, что ее катастрофа необходимо сопряжена с параллельным историческим исчезновением существования каких-то рациональных коммуникаций в мировой цивилизации. В момент исчезновения рациональных коммуникаций, то есть неспособности воли доминировать как взаимосвязь разумных индивидуальностей, животные влечения полностью подавляют разум, оставляя для мышления только сферу поверхностного интеллекта, который стремится к максимальной механизации жизни. Этот механицизм жизни, в основе которого лежит бессознательное стремление человека минимально напрягать волю, обусловлен

инстинктом самосохранения, с одной стороны, а с другой, стремлением к животной стадности инстинктов, которые гарантируют массовое подтверждение незыблемости представлений о низших ценностях. Высшие же ценности всегда выражают авангардные позиции развития исторического разума, поскольку в них отображается реальность течения онтологического потока времени, где происходит процесс становления и утверждения рациональных коммуникаций.

Моральная обстановка в современной России такова, что национальные анклавы, которые доминируют в ней с 17-го года, нравственно неспособны выражать какую-то рациональную стратегию развития российской цивилизации, поскольку варварский ум не способен это делать по определению. Все это зловещее моральное удушье, которое характеризует любые нравы Темных Веков, всегда вбирает в себя максимум морального разложения человеческой психики, поскольку психология варвара стремится любой ценой сохранять позиции низших ценностей, чтобы не дать возможности возникнуть рациональным коммуникациям. Таким образом, национальные силы не могут опираться на варварские социальные институты, которые возникли в России в период нашествия большевистской орды, а также в процессе ее адаптации к максимальной примитивности государственной жизни в советских политических структурах. Многие болтуны рассуждают о каком-то различии в национальной политике между одним вождем большевистской орды, Лениным, и другим вождем Сталиным. Однако эти внутренние разборки в варварских массах людей нас интересуют мало, поскольку мы не находим даже намека на существование разумной индивидуальности в среде этих диких масс. Понятно, что для поверхностного интеллекта находятся оправдания этой власти в процессах индустриализации страны и тому подобного, как будто достижения выживания варварской человеческой массы на основании

научно-технологических достижений может каким-то образом оправдать отсутствие даже минимума рациональных коммуникаций.

Если морально оценить столетие советской власти в России, к которому, в основном, сводятся и достижения постсоветской политической системы, то можно заметить, что в ней психологически сложился тот люмпен, или человек лишенный каких-то признаков разума, который стремится во власть всем своим животным вожделением варварской души. И если вторая половина XX века в существовании политической системы советской власти все-таки дает нам скудный опыт попытки возвращения к каким-то патриархальным нормам жизни, в которых проявляется необходимость переломить ситуацию от состояния варварства к зачаткам простейших начал рациональной морали, по крайней мере, на интуитивном уровне, то после известных событий 91-го года исчезают все признаки даже рациональной интуиции. Попытку возврата к патриархальной норме жизни, то есть к каким-то зачаткам разума, предприняли фронтовики второй мировой войны, то есть люди, чья психика не была искалечена советским режимом. Однако люмпены, которые были воспитаны моральным удушьем советской власти, в котором они чувствовали себя как «рыба в воде», в 91-ом году в полной мере воспользовались тем, что политическая система, возникшая из ассимиляции нравов большевицкой орды, рухнула, присвоив себе ресурсы и территорию бывшей Российской империи. Таким образом, то, что действительно существует как тотальная реальность моральных инстинктов в современной России, — это психология «морали рабов», которая, во-первых, полностью ориентирована на низшие ценности, а во-вторых, тотально исключает даже теоретически существование рациональных коммуникаций.

В понимании существа «морали господ», которое мы рассматриваем как отображение в мировой цивилизации рациональных коммуникаций, необходимо отбросить субъективный пафос ницшеанской философии в его резкости противопоставления разумной индивидуальности — массовой морали. Конечно, это противопоставление объективно существует, однако возникновение и утверждение рациональных коммуникаций происходит не в противопоставлении себя морали рабов, а в соотношении себя к себе подобному, то есть в обращенности разума к объективной основе своего существования. Это подобие равного как нравственно тождественное, есть фракталогия нравственного закона развития рациональных коммуникаций мировой цивилизации, которое является стратегической перспективой ее развития. В основе этого нравственно тождественного в развитии рациональных коммуникаций мировой цивилизации существует действие разума как расового инстинкта, то есть активное действие высшей психики человека в качестве источника производителя импульсов воли. Понятно, что процесс устойчивости действия волевого импульса, в отличие от естественного потока влечений, существует на основании кардинально иных психических процессов, чем это имеет место в психическом потенциале влечений, поскольку высшая система психики обусловлена инстинктом смерти, тогда как влечения обусловлены животным инстинктом самосохранения. При этом принципиальным различием между динамикой высшей психики и динамикой низшей психики является отсутствие направления движения высшего психического импульса на «сцепление» с чувственными ассоциациями. Высший психический импульс имеет структуру «шарообразного» движения, которое замыкает на себе внешнее как несущественное, в

силу чего сознание высших ценностей никогда не является конечной эмпирической структурой, но всегда – созерцательным эстетическим объектом. Понятно, что подобного рода созерцательность имеет иную функциональность, чем это имеет место в состоянии природного созерцания, то есть состояния отрешенности от волевого импульса, что характеризует философию восточной психологии мышления. Созерцание структуры фрактала бытия отображает онтологический момент времени как присутствие феномена исторического времени в разворачивании метафизического усилия воли, то есть в установлении рациональной модели цивилизации в качестве нравственного договора на уровне действия разума.

То, что характеризует заключение нравственного договора, который принципиально отличает эпоху Темных Веков от эпохи Средневековья, – это возникновение рациональных коммуникаций расы homo sapiens в качестве структурирования определенной рациональной модели развития мировой цивилизации. Понятно, что экономическая целесообразность существования мировой цивилизации однозначно относится к «морали рабов», то есть к низшим инстинктам человека в его стремлении выживания как биологического существа. Однако почти вся вторая половина XX века прошла под знаменем доминирования «морали рабов», то есть инстинктивной потребности низших инстинктов отрицать разум, хотя и велась постоянная болтовня о «свободе» и «правах человека». К чему привело отрицание объективного исторического разума, можно наблюдать повсеместно в современном политическом мире, где охлократия власти давно сменила все виды каких-то минимальных проблесков разума в качестве тоталитарных социальных структур массовой культуры. Именно в силу исчезновения минимальных проблесков разума в психике мы и наблюдаем повсеместное моральное разложение, ко-

торое характеризует подавляющую часть современных народов мира. Искать причины этого разложения необходимо не в ослаблении власти моральных норм традиции, а в разрушении патриархальной психологии, которая проистекает из высших начал психики.

Когда мы утверждаем, что разум существует в высших слоях психики, то не можем полагать, что это в полной мере «человеческая» психика». Здесь необходимо использовать иное, чем современное представление о человеческой психологии, понимание психических процессов. Ведь не трудно заметить, что современное представление о человеческой психике возникло и развивалось исключительно из «морали рабов», то есть примитивного противопоставления природного и неприродного в душе как того, что «не мыслит» и того, что «мыслит». Однако в массовом мегаполисе, где все социальные и политические процессы основываются в качестве исключительно «мыслимого», не обнаруживается разумности как признака действия воли, то есть какой-то элементарной взаимосвязи между разумными индивидуальностями на основании действия рационального нравственного закона. Везде существует вязкая тупость отражения поверхностной мысли от животного вождения, то есть мыслимое полностью зависит от влечения, ибо тотально воспроизводит его темпоральный ритм и монотонность течения. В результате, остается единственная направленность действия минимума рациональной мысли, в которой можно полагать присутствие разума только номинально, – это развитие военных технологий, поскольку в этом процессе на самом зачаточном уровне задействована метафизика воли.

Когда Ницше утверждал, что человек в будущем историческом проекте рациональных коммуникаций мировой цивилизации является «обезьяной», то имел в виду, что все известные представления о психических процессах, которые

определяют собой импульсы воли в известных философских системах мысли, являются на данный исторический момент времени предрассудками. Именно противопоставление метафизики воли – мифологии современных представлений о существовании различных конечных целей человека выражает развитие рациональной морали в процессах мировой истории. С другой стороны, исторически необходимо рациональная мораль начинается только тогда, когда пресекает активность подсознательных низших инстинктов, имеющих происхождение в бессознательном инстинкте самосохранения животного начала человеческой души. Другими словами, «мораль рабов» и «мораль господ» – это две составляющих реальности: неразумной системы низших ценностей, которая освоила достигнутый рубеж рационального познания бытия в тот момент, когда онтологический поток времени фрактализировал его новый рубеж в высшей системе рациональных ценностей.

Рассуждая о структуре ценности, мы полагаем, что ее основание является фракталом нравственного закона, который действует в высшей психике человека как разумном существе, кардинально отличного от животного. Но закон этот не может определяться конечными представлениями о морали, то есть системой обыденных представлений. Именно здесь существует кардинальное различие между мифологическими конструкциями морали, которые действуют в конечных представлениях за счет ослабления импульса воли, с одной стороны, и рациональным началом психики, которое постоянной ускользает в онтологический поток времени, с другой. И если низшие ценности нашего времени – это фракталы эмпирического восприятия природы, которые дают возможность действовать конечному человеческому рассудку в соответствии с практическими целями и задачами научно-технического прогресса, то высшие ценности – это, наоборот, то, что противостоит конечности

рассудка в историческом рубеже разума в онтологическом потоке времени.

Если классические философские системы западноевропейской школы рационализма формировали свои моральные принципы в качестве известного противопоставления человеческой воли – внешней природе, которую воля должна была подчинять и преобразовывать в соответствии с пониманием божественного начала бытия, то в контексте новейшего принципа рациональной морали это начало уже не может субъективно полагаться «божественным». В этом контексте «смерти бога» в стратегии развития рациональных коммуникаций в мировой цивилизации действует субъективность рациональной мысли, которая осознает, что «природа» в метафизике западноевропейской школы мысли является в наше историческое время только пустой абстракцией, которая не может быть содержанием метафизики философской мысли и, как следствие, материалом исследования подлинной науки. Фактически, кризис современной науки возник в силу того, что она стала развиваться не в области познания закономерностей природы, а в сфере конечных представлений рассудка о природе, которые суть научные технологии. Таким образом, проблема отсутствия новых идей в фундаментальной науке возникла в силу того, что в ней исчезла полноценная субъективность рациональной мысли. Ведь субъект разума – это всегда, с точки зрения психологии, определенная метафизика воли, тогда как исчезновение субъекта разума – это всегда психология человеческих влечений, в которых онтологический ритм времени утрачен, а человеческий ритм времени лишен разумного основания.

В существовании двух видов морали – разумной и неразумной, когда первая осуществляет стратегию развития

мировой цивилизации, а вторая – стабилизирует систему человеческих взаимоотношений на уровне бытового сознания, безусловно, существует внутренняя взаимосвязь. Ее основа – переход исторически исчерпавших себя рациональных коммуникаций в состояние деструкции и область обыденных представлений рассудка, то есть исчезновение метафизики воли и возникновение привычной системы подсознательных влечений. Этот процесс перехода происходит в динамике сознания двух видов времени: рационального, которое отображает онтологический поток времени, и иррационального, которое характеризуется противопоставлением и внутренней взаимосвязью: человеческого и божественного. Таким образом, переход реализованной системы рациональных коммуникаций в состояние человеческого повседневного быта неизбежно приводит к сфере какой-то веры, которая постепенно освящается традицией и начинает сопротивляться новым проектам развития рациональных коммуникаций. Как известно, последней такой сферой мифологических конструкций сознания реальности является область эмпирической науки, в которой представление о единственности существования материи Вселенной стало основанием абсолютного приоритета развития научно-технического проекта в мировой цивилизации.

В процессе перехода системы рациональных коммуникаций в область иррационального существования человека всегда существует определенный момент стабильности, который гарантирует доминирование рациональной модели, возникшей в определенном историческом эпицентре развития. Если таким эпицентром исторического развития до недавнего времени являлась западноевропейская цивилизация, где еще до начала XX века существовали рациональные коммуникации, то в XX веке происходит процесс их стремительной деструкции, а вместе с исчезновением

рациональной модели развития западноевропейской цивилизации исчезает и какая-то рациональная стратегия ее развития. Ведь византизм американской цивилизации лишен разумного начала стратегического существования, тогда как остальной варварский мир, пребывания в состоянии забвения по отношению к историческому разуму, вообще не претендует на какую-то альтернативу. Но мы исходим из существования новых всемирно-исторических сил, когда наша нравственная задача — это суть приготовление развертывания системы новых рациональных коммуникаций, в которых эти силы должны существовать на основании новых комплексов рациональной морали и, как следствие, новой рациональной модели развития мировой цивилизации.

Новые всемирно-исторические силы — это всегда действие расового инстинкта *homo sapiens*, который направлен против низших инстинктов *quasi homo*. Понятно, что речь здесь не идет о биологии неравенства рас, а о неравенстве разумного и неразумного, когда последнее неизбежно должно подчиниться. Собственно, сама рациональная идея «морали господ» предполагает, что высшая система подсознательных инстинктов человека имеет сверхчеловеческую основу, которая не сводится ни к человеческому, и ни к божественному, а потому всегда ускользает в онтологический поток времени как топологическое единство многообразия эстетических фракталов метафизики бытия. «Человеческое» — это «шлейф» разрушенных онтологическим потоком времени рациональных коммуникаций мировой цивилизации.

Глава 9

Мы утверждаем, что в основе существования исторической рациональной морали лежит подсознательный расовый инстинкт homo sapiens, то есть субъективная коммуникация между разумными индивидами осуществляется в качестве таких средств объективного общения, в которых отсутствует инстинкт самосохранения. При этом мы включаем в понятие инстинкта самосохранения как религиозные представления о бессмертии духа, так и представления о биологическом выживании человечества с позиции ценностей социальной морали. Другими словами, мы полагаем, что исторический инстинкт последней «морали рабов», которая ведет свое происхождение с событий французской революции, стал тем моральным «тормозом», той причиной морального «удушья», которое определяет современную жизнь массовой цивилизации. И если открытия фундаментальной науки в последние века были «локомотивом» рациональной морали, которые давали возможность чувствовать нравственное существование исторического ритма времени, то размывание метафизики этого фундамента в наше время определяет исчезновение самого рационального проекта развития западноевропейской цивилизации.

Фрактально, то есть в качестве метафизики подобия всех рациональных моделей мировых цивилизаций, основа любой исторической модели топологии действия мо-

ральных принципов разума проистекает из определенной активности высшей психики человека. Собственно, процесс достаточного производства высшей психики человека и является необходимым условием существования высших ценностей, то есть ценностей, которые определяют наличие в цивилизации рациональных коммуникаций. Понятно, что объективное возникновение этих коммуникаций является процессом восстановления доминирующего положения эстетического созерцания над эмпирическим восприятием, поскольку метафизический объект фрактала эстетической структуры сознания оперирует не противоположностью материального мира и чистой абстракции, а топологией «склеивания» фрагментов воспоминания, которые возникают в сознании трагического восприятия бытия. На первый план выдвигается объективное понятие «поля», то есть существование таких связей материи, которые соответствуют подсознательному полю топологии активности высшей психики, ибо критерием активности высшей психики является наличие в сознании связности эстетической картины реальности. А связность сознания эстетического восприятия реальности, в свою очередь, определяет существование метафизики воли. И, если в абсолютном пространстве и времени связующим началом метафизики бытия в западноевропейской мысли выступало понятие «бога», то после «смерти бога», то есть после исчезновения метафизики эстетической картины реальности, построенной на представлении об абсолютном пространстве и времени, необходимо исчезло и абсолютное связующее начало.

В одной из центральных идей философии Ницше, идеи о «смерти бога» существует слишком много «человеческого», которое определено неизбежностью субъекта, разбираться с собственными состояниями психики как непосредственным материалом для объективного развития последовательности мысли. Однако с объективной точки зрения, раз-

ум в наименьшей степени должен «разбираться» с «человеческим», поскольку его функциональная основа – это исследовательское присутствие в метафизической структуре бытия, то есть задача «первопроходца» в построении новых рациональных коммуникаций. А поскольку эти рациональные коммуникации структурируются в онтологическом потоке времени, то есть в системе ценностей, где вопрос о божественном и человеческом стоит на одном из последних мест, то нравственное усилие разумного духа всегда необходимо вступает в конфликт с историческими пред-рассудками о его существовании.

Когда мы рассуждаем о существовании разума как о существовании высшего инстинкта психики, сосредоточенного в подсознательном инстинкте смерти, то полагаем, что этот инстинкт не является «человеческим». Одновременно, этот инстинкт не является и присутствием чего-то природного в человеке, чему противостоит его разумная часть души. В понимании действия этого инстинкта мы обращаемся к теории Платона в контексте понимания идеи как процесса воспоминания душой своего первообраза, который «вечно возвращает» трагическое сознание к образам памяти, возникающих в качестве сознания потока онтологического течения времени. Следовательно, именно онтологический поток времени и создает основание действия субъективного действия разума. В этом смысле, субъективная позиция рационализма Ницше учит тому, что не существует высших ценностей вне метафизического усилия воли, поскольку метафизика воли является естественным отображением онтологического потока времени в непосредственных мотивациях жизни человека. Понятно, что это изначальное усилие, или метафизическое тождество, разума и воли есть определенная фрактальная структура бытия, которая выяв-

ляет свое присутствие как та или иная система рациональных коммуникаций между людьми.

То, что стало слишком очевидным в наше время, — это откровенно иррациональный характер разнообразия социальных структур массового общества, которые построены таким образом, чтобы всеми своими ресурсами подавлять разумное начало высшей человеческой психики. Конечно, конечные представления о разуме здесь оставлены в полном объеме, однако разум никогда не бывает только «человеческой» сферой понимания, ибо его происхождение необходимо требует какого-то метафизического обоснования бытия, то есть способности духа разрывать с состоянием доминирующей системы мифологических представлений о реальности. При этом поток многообразной информации стал инструментом воздействия неразумной иррациональности социальных процессов массового общества на сознание. Рациональная мораль должна кардинально различать между человеком и животным на инстинктивном уровне. Суть этого различия состоит в том, что для полноценной психики человека естественно акцентировать свое внимание не на непосредственных чувственных ассоциациях, ощущениях или влечениях, а наоборот, постоянно забывать о них в момент возвращения памяти высших ценностей в сознании онтологического потока времени.

Наши рассуждения о существовании высших инстинктов, которые формируют сферу рациональной психологии, определяются пониманием, что низшие инстинкты минимально влияют на активность разума, поскольку их деятельность постоянно механически повторяется. Этот процесс бесконечного повтора событий обыденного сознания определяется бессознательной активностью человеческих влечений, которые связывают низшие психические процессы человека с текучей повседневностью мелких забот о выживании. Особенно отчетливо это состояние психики

выражено в работах Фрейда, где тотальное исключение высших ценностей из сознания определяет социальную реальность, в которой самые ничтожные события человеческой жизни становятся предметом анализа. Впрочем, мотивация выбора предмета данного анализа вполне естественно проистекает из необходимости разобраться с бессознательными мотивами «морали рабов», то есть системой дифференцированного потока влечений как систематизированного состояния забвения разума. И действительно, массовое бессознательное — это та психическая энергия, которая постоянно подавляет разумные импульсы психики в силу непрерывности, как действия подсознательного инстинкта самосохранения, так и инстинктивного стремления к поиску человеческого подобия всех явлений природы. И, в конечном счете, попытка осмыслить мир в антропологических образах подобия многообразия явлений неизбежно ведет к максимальному ослаблению трагичности сознания, то есть к ликвидации сознания онтологического основания бытия. Необходимость в онтологии отпадает тогда, когда мир становится чисто «человеческим», то есть замкнутым для какого-то нового взгляда на метафизику явлений.

То, что существует время как онтологический поток, в котором «человеческое» и божественное вторичны, было известно еще со времен др. греков. Собственно античный космос и есть этот онтологический процесс космической жизни, в котором человеческое и божественное вторичны в силу фрактальной природы космоса, то есть многообразия подобия Единому, которое есть сакральное в самой идеи вечного возвращения. С другой стороны, поскольку онтологический поток времени есть процесс непрерывного возвращения к историческому прошлому, то длительность онтологического потока времени имеет сферическую структуру, которая производит движение не в области прямой линии, а в области движения по кругу. Однако здесь

не стоит заблуждаться по поводу этого движения по кругу, которое не имеет отношения к циклическим кругам природных процессов, поскольку круг онтологического потока времени – это фрактальная реальность определенного рубежа исторического разума, развернутая в максимально возможной активности метафизики воли. Так, эта фрактальная реальность метафизики воли еще два столетия назад мыслилась как взаимосвязь процессов абсолютного пространства и времени, в которых сознание человеческого и божественного опиралось на реальность научно-технического прогресса. В понимании же течения онтологического потока времени возникает ощущение «пустоты», практически полностью топологически «склеено» из трагических образов сознания. Таким образом, это движение по кругу заключено ни в природное начало, и ни в интеллектуальное начало, а в непосредственность метафизического импульса воли, постоянно достигающего нового рубежа исторического разума. А поскольку мыслить его как статическую систему ценностей невозможно, хотя именно оно и определяет сакральное начало бытия, то метафизический предмет его познания определяется как онтологическая динамика времени.

Мы утверждаем, что фракталогия нравственного закона рациональной морали выражает процесс постоянно меняющихся рациональных коммуникаций мировой цивилизации в истории, в которых сознание высших ценностей тождественно самому себе в качестве единства всего многообразия исторического опыта. Так, Платон называл это «Единым», которое выше и разума, и богов, а Ницше определял его как онтологический процесс вечного возвращения высших инстинктов человека к участию воли в конструктивных процессах онтологического потока времени. В таком характере «пустоты» онтологического потока

времени всегда существует необходимость «обживания» мира заново в тот момент, когда известные рациональные коммуникации сворачиваются, а новые еще не возникли. С точки зрения эстетической, можно утверждать, что в этот момент онтологическая «бездна» времени «разверзается» как небывшее в многообразии бесконечного числа своих исторических повторений, когда только фрактология новой системы высших ценностей способна упорядочить этот хаос иррационального существования человека и глубокий кризис всей системы научного знания.

В необходимости структурирования новых рациональных коммуникаций мировой цивилизации всегда существует требование нравственного игнорирования «морали рабов». Эта задача существовала в мировой истории всегда, и Ницше только сформулировал ее жесткие субъективные конструкции рациональной цели в мировой истории. Другое дело, что и «мораль рабов» в мировой истории постоянно обновляется, и «мораль господ» ищет новые структурные элементы рациональной морали, чтобы не дать возможности человеку окончательно слиться со своим животным существом души. Ведь как мы наблюдаем в современной массовой культуре, теория происхождения человека от примата стала «научной» догмой, то есть «мораль рабов» не просто стала диктовать свои низшие ценности как единственно возможные в мировой истории, но и подвела под них «научную» основу. В нашем понимании, эта основа биологической теории происхождения видов в действительности обосновывается тем, что всегда существовало на минимальном уровне разума, но постоянно требовало своего «права» на существование, а именно — сферой непосредственных чувственных ассоциаций, которая тем жестче и тем «логичней», чем слабее рациональное содержание мысли. С другой стороны, эта эмпирическая сфера мышления имеет то безусловное преимущество, ко-

торое делает его исключительно пригодным для массового распространения, — механицизм психических реакций, которые требуют минимума активности воли для своих усилий. В силу этой простоты и безопасности активности мышления, опирающегося на механицизм подсознательных влечений психики, эмпирическое мышление и захватил весь мир в многообразии его неразумности связей и процессов, которые опираются на псевдоцивилизацию, то есть на иррационализм экономических и социальных процессов. «Гражданином» такой псевдоцивилизации является quasi номо, то есть неразумный человек, чья психическая организация касается метафизического импульса воли настолько мало, что практически никак не влияет на его образ жизни в массовом мегаполисе. Анализом этой неразумной психологии quasi номо занимался и занимается психоанализ, когда специфический «обмен» неразумными мыслями в момент похода к психоаналитику становится еще одной «добавкой» к ослаблению бесконечного малого напряжения разума, как пациента, так и врача. Однако именно эта основа иррационального существования человека во всех областях этой псевдоцивилизации и признается в массовом обществе единственной реальностью сознания. Впрочем, эта интуиция «морали рабов» уже давно была возведена такими учениями как марксизм в «научную теорию», то есть уже полтора века назад на «научном уровне» метафизический бог науки был отброшен, а на его место пришла вера в неуничтожимость мировой материи.

Проблема русской национальной системы ценностей всегда состояла в том, что в ней никогда не существовало основ рациональной морали, то есть способности обладания методическим усилием воли. Ведь методическое усилие воли есть результат существования устойчивой системы ра-

циональных коммуникаций в государстве. Мы же находим в российской цивилизации после петровских реформ относительно стабильную государственную структуру, в которой бесконечно слабые зачатки субъективного разума «теплились» в нравственной жизни человека исключительно вопреки подражательной основе государства. Можно сказать, что именно в этих зачатках субъективного разума и существовало то прарасовое существо русского нравственного опыта истории, которое мы никак не можем отнести к чему-то варварскому. И именно оно было разгромлено после нашествия большевистской орды, последствия которой не преодолены в нравственном смысле вплоть до нашего времени в России. При этом, когда пытаются утверждать, что ценности коммунизма являются «европейскими» ценностями для российской исторической цивилизации, следует все-таки помнить, что экспортирование «морали рабов», за пределы которой не выходит марксистское учение, характеризует это «европейское» уже в состоянии откровенной фальсификации исторического разума.

Таким образом, мы полагаем, что в основе рациональной морали существует кардинально иная, чем это имеет место в других моральных системах, психология активности человека, проистекающая из метафизики воли. Именно максимальная активность воли является авангардом развития мировой цивилизации, топологически «заметая» рубеж пережитых рациональных ценностей, которые становятся основанием инерции стабильности существования цивилизации. Однако рано или поздно эта стабильность переходит в состояние стагнации многочисленных политических структур, поскольку в попытке сохранять известные рубежи рациональной морали, эти политические структуры постепенно становятся структурами охлократическими. Политическая охлократия – это то, чем заканчивает любая историческая цивилизация, когда ее рациональная модель

окончательно топологически «свернулась», то есть отождествилась с индифферентной «точкой» онтологического потока времени.

Когда определенный исторический цикл онтологического потока времени прожит, а рубеж достигнутого рационального знания становится достоянием массового сознания, то время неминуемо разрушает те политические структуры, в которых еще несколько столетий назад кипела политическая жизнь. Ведь политические структуры обладают запасом прочности только тогда, когда в них присутствует какая-то минимальная рациональная связь. В противном случае, эти политические структуры неизбежно рассыпаются, поскольку для поддержания политических структур необходимо действие воли, а оно существует только там и только тогда, где присутствует достаточное усилие разумного начала жизни. Так, рациональное усилие воли проистекает из совершенно иных, чем массовое бессознательное, движений психики, в которых метафизика воли «разворачивает» онтологический поток времени в отображении присутствия сакрального начала бытия как нелинейной системы развития процессов мировой истории, в которых рациональные коммуникации возникают и развиваются.

Многие в России вспоминая о «воле» при советском режиме, то не понимают элементарного различия между племенной энергией варваров, в которых кочевые инстинкты не знакомы с опытом исторического разумного духа, и существованием воли разумной индивидуальности, которая является критерием самостоятельного развития мировой цивилизации. Конечно, истерия матриархальной веры, которая агрессивна в своем единодушии неразумных масс, кажется чем-то очень активным тому, у кого нет разума. Однако достаточно вспомнить, что эта активность истерии масс проистекает из полного отсутствия рациональных коммуникаций, то есть фактически является перетеканием

массовой энергии различных кочевых станов, то все становится на свои места. Ведь русское национальное самосознание, как память тысячелетнего развития российской цивилизации, все равно рано или поздно адекватно оценит свое прошлое, когда национальные силы объединятся. В наше же время, социально-политические структуры, возникшие из кочевых станов советского режима, после небольшой реконструкции, продолжают свое неразумное существование на уровне сырьевого государства, практически полностью лишенного рациональных коммуникаций. Именно почти тотальное отсутствие разума в России с 17-го года характеризует ее существование как истории Темных Веков. При этом мы должны помнить, что если русский народ был растворен в большевицких ордах, которые естественным образом трансформировались в советские структуры власти, то нация не может слиться с варварами, поскольку национальное самосознание существует только тогда, когда оно является авангардной позицией высших ценностей мировой истории.

Понятно, что национальное самосознание — это не движение «крови и почвы», хотя какой-то минимальный элемент этого инстинкта здесь присутствует. Главное в национальной воле — это всеобщность исторического духа, выражающего психологическую потребность всех других наций в объединении в системе высших ценностей. И если специфика русской нации состоит в том, что уже почти столетие она существует в реальности Темных Веков, то другие нации мира только недавно стали в них втягиваться, когда зловещая тень этого времени проникает в них дискретной топологией мирового исторического разума. Речь идет о процессе расовой катастрофы, в результате которого старые политические структуры обречены на распад, поскольку рубеж рационального знания в них прожит, и они становятся продуктом иррационального существования массового общества.

Характерной особенностью существования нации, в отличие от народа, является то, что национальное самосознание нельзя сфальсифицировать, поскольку оно определяется исторической необходимостью существования разума, тогда как существование народа может быть втянуто в любую политическую структуру, вплоть до варварской структуры, поскольку массовая социальная структура «паразитирует» на инстинкте самосохранения, заражая народ «чумой» своего тотального слабоумия. Эта «чума» заражает своей «моралью рабов» народное сознание, которое во многом мифологично, поскольку легко перетекает от одного представления о «спасении» в другое представление о «спасении». Так был «заражен» русский народ в момент нашествия большевицкой орды идеей о «спасительной» роли мирового пролетариата. Но нация — это та политическая сила, которая не стремится к «спасению», поскольку воля — это не то, что спасает, а то, что утверждает разум, в котором человеческое существо неизбежно «гибнет» в трагическом сознании. Ведь трагическое созерцание как нравственный опыт первообраза рациональной коммуникации стратегического развития мировой цивилизации всегда ускользает в онтологический поток времени, который полностью равнодушен, как по отношению к человеческому, так и по отношению к божественному. Можно сказать, что сакральное начало бытия в онтологическом потоке времени структурируется из разрушения знакомых ассоциаций традиции, поскольку традиция — это материал патриархального духа, который этот дух способен как сохранять, так и разрушать в соответствии с онтологическим потоком времени.

В современном объективно-рациональном понимании: что такое дух мировой истории? — мы полагаем, что речь должна идти о подсознательных импульсах высшей психики человека, в которых она соприкасается с онтологическим потоком времени. Так, эти подсознательные импульсы

не могут существовать в системе конечных представлений, то есть определяться двумя единственно возможными функциями сознания реальности: физиологии человека и интеллектуальной деятельности человека. В подсознательном действии инстинкта смерти есть, безусловно, нечто онтологическое, что «размазывает» непосредственно человеческое в момент метафизического действия воли. Судьба расы homo sapiens – это и есть воля мировой истории, когда расовое существо разума появляется в определенной системе рациональных коммуникаций и периодически исчезает. А появляются и исчезают рациональные коммуникации тогда, когда происходит внутренняя реконструкция единой структуры представлений человека о сущности бытия. Она происходит во всем: на религиозном уровне, на уровне представлений искусства и науки, а также в качестве глобальной перестройки политической системы цивилизации. В результате этой глобальной реконструкции постепенно «демонтируется» одна топологическая модель рациональных коммуникаций мировой цивилизации и возникает другая рациональная структура коммуникаций.

Чем в принципе отличается рациональное понимание истории от массовых представлений о ее сущности? Так, очевидно, что массовое сознание в эпоху Темных Веков Западной Европы полностью определялось «моралью рабов», которое характеризовалось повседневностью забот многочисленных масс людей по выживанию. То, что это эти люди существовали за пределами исторического разума, довольствуясь разного рода мифологическими предрассудками о происхождении мира и человека, никак не мешало им оценивать свою жизнь как нечто значительное с точки зрения текущей повседневности событий, обусловленных множеством ничтожных мелочей жизни. Здесь также боролись

два полярно-противоположных направления веры: языческой и христианской, когда первую, инстинктивно поддерживало подавляющая часть малограмотных масс, а вторую, в силу исторической необходимости, насаждали высшие сословия знати. Однако расовая катастрофа Темных Веков состоит в том, что и традиционная вера слаба и новая вера слишком враждебна к подсознательному расовому существу человека, в котором германец Темных Веков оценивался все-таки как «раб». Именно эта причина характеризовала то моральное разложение, которое характеризуется катастрофическим ослаблением нравственной власти традиции, с одной стороны, и отсутствием каких-то рациональных коммуникаций, с другой. Однако христианские храмы продолжали возводиться, как продолжают развиваться научно-технические достижения современной России, поскольку неизбежность исторического развития мировой цивилизации определяется не верой, а структурой рациональных коммуникаций, возникающих как наивысшее усилие воли, натянутой над бездной небытия, на дне которого «светится» огонь разумной полноты высших ценностей нравственного опыта ушедших поколений.

Мировая история всегда движется методом «вечного возвращения», то есть любые революционные преобразования в истории впоследствии предполагают необходимость возврата патриархальной нормы жизни к чему-то нравственно оправданному в онтологическом потоке времени, из топологии элементов которого структурируются рациональные коммуникации. С точки зрения психологической, матриархальная энергичность массовых инстинктов, возникающая в результате разного рода революционных процессов, неизбежно ищет патриархальной нормы, то есть требует возврата к господству волевого усилия над животным существом человека. Этот возврат тем радикальней, чем опасней выходит существо человека из-под контроля разума.

Раздел IV

Основание знания

Глава 10

Время обладает онтологическим свойством — уничтожать метафизические грани разума, которые выполнили свою историческую функцию. И когда грани познания бытия становятся системой обыденных представлений о реальности, формируя соответствующую систему ценностей, эти грани рационального познания бытия топологически «свертываются», то есть становятся определенной мифологией времени, в которой еще некоторое время назад существовали исторические основы рационального мышления. Таким образом, психологическим основанием любой исторической мифологии является уровень достигнутого разумного знания в том или ином народе, в той или иной исторической эпохе.

Если определять современную систему доминирующих мифологических представлений о существующей реальности, то мы легко находим их в эмпирическом мышлении, которое практически полностью опирается на ассоциативные функции непосредственных чувственных восприятий. Фактически, «реальным» в эмпирическом сознании является то, что существует в непосредственной чувственной ассоциации, то есть представление о разнообразных формах материи, которые полагаются на инстинктивном уровне бессознательного потока впечатлений чем-то «истинным» в понимании многообразия существующей действительности. Мы полагаем, что субъективность разума есть, в пер-

вую очередь, результат эстетического созерцания, которое выражает метафизическую целостность объекта, тогда как эмпирическая структура – это определенного рода «разрыв» потока эстетического созерцания, в котором образуется конечный по отношению к онтологическому феномену времени конструктивизм распавшегося субъективного основания разума.

В вопросе понимания основ субъективного основания разума мы исходим из того, что эти основы выражаются в качестве топологической непрерывности действия расовой памяти человека, которая характеризует его нравственный ресурс как разумного существа. Так, разумное понимание бытия, в отличие от неразумного, определяется необходимостью присутствия онтологического элемента в содержании мышления. Мы таким онтологическим элементом мышления полагаем метафизику потока времени, который характеризует сакральное начало бытия как меру нравственного оправдания человека по отношению к историческому прошлому. Однако живое существо истории, в отличие от поверхностного схематизма жонглирования ее абстрактными схемами, состоит в том, что ее нравственный потенциал в полной мере присутствует в метафизическом утверждении бытия. Это утверждение не можем быть только «человеческим», то есть ограниченным теми конечными представлениями о реальности, которое демонстрирует социальное и эмпирическое восприятие.

Когда мы ищем причины исчезновения метафизического обоснования современной науки, то находим его в полном размывании того нравственного фундамента, который был исторически взаимосвязан с понятием «бога» в классической западноевропейской метафизике. Идея о «смерти» бога – это идея о конце всего многообразия

ценностей, взаимосвязанных с механическим восприятием реальности, когда она становится определенной системой представлений, в которой отсутствует исторический разум. Отсутствие сознания исторического разума в повседневной жизни человека равносильно отсутствию субъективного разума в объективном образе его жизни в массовой цивилизации, когда все действия и поступки человека определяются не его нравственным существом воли, а потоком бессознательным влечений. Так, импульс воли, в отличие от бессознательного влечения, формируется не иррациональным движением психики, а необходимым присутствием в метафизическом импульсе воли отображения расовой памяти человека. Разумный человек, следовательно, есть результат действия в подсознании его расовой памяти, которая действует только при условии определенной целостности эстетической картины реальности в сознании.

Размышляя над метафизическим существом расовой памяти человека, первое, с чем мы сталкиваемся, — это с особым существом структуры идеи, открытой Платоном, но почти на два тысячелетия исчезнувшей в развитии истории философии. Это особое существо структуры идеи состоит в том, что рациональная идея есть процесс воспоминания по существу, а не средства разного рода технических возможностей абстрактного мышления. Показательно также то, что этот метафизический «прорыв» в понимании существа идеи Платона осуществил философ, который практически всю свою жизнь «боролся» против течения идеализма, а именно Ф. Ницше. Чтобы разграничить «технические» возможности идеи от ее эстетического содержания, определяемого Ницше как «вечное возвращение», мы должны понять логику фрактала бытия, то есть способность идеалистического мышления конструировать объекты как образы

субъективного воспоминания расового сознания человека. Понимание расового воспоминания для нас необходимо, чтобы различать этот тип воспоминаний от потока инфантильных воспоминаний психики, которые человек получает при жизни и которые определяют его как социальное существо. Не случайно, методы современного психоанализа оказались так эффективны в современной массовой цивилизации. Их анализ дает возможность «касаться» исторической памяти человека, одновременно присутствуя в социальном сознании реальности.

Метафизический фрактал бытия – это объективная структура сознания, которая выражает рациональное мышление, когда оно существует в потоке исторической реальности событий, то есть является продуктом реализации действия разумной воли человека. Таким образом, необходимым условием реализации воли, в отличие от движения бессознательных влечений, является структурирование потока расовой памяти, возникающего, в свою очередь, как отображение реализации нравственного бессознательного опыта исторического прошлого в глубинах человеческой памяти. Подчеркнем главное, глубины человеческой памяти формируют те движения бессознательных психических импульсов, которые подавляют воздействие непосредственных чувственных ассоциаций в силу активизации образов, возникающих во фрактальном пространстве расового существа его непосредственного волевого импульса.

Невозможность опираться на научное знание в современном основании рационального мышления объясняется с точки зрения нравственного состояния психики человека в Темные Века, когда научная схема конструируется не в сфере субъективного действия разума, а в качестве расширения области непосредственных представлений о реальности. Представление же, являясь областью сознания, выражающего психическое равновесие: между активно-

стью влечений и минимальным движением импульса воли, формирует область действия идеи в качестве формальной схемы, которая функционирует как попытка «защититься» от метафизического воздействия потока исторического времени. Ведь историческое время, с точки зрения онтологии структуры бытия, является сферой реальности, которая продуцирует образы памяти прошлого, где абстрактный элемент возникает в качестве условия целостности эстетической картины мира. И если условием эстетической целостности этой единой картины мира было ее научное обоснование в классической западноевропейской метафизике, то современный конструктивный принцип рациональной модели бытия, с учетом духа исторического времени, указывает на невозможность обосновывать того, чего «нет». Это отсутствие бытия в том историческом пространстве, где еще некоторое время назад оно было реальным, определяется исчезновением реальности потенциала действия воли в историческом событии. С точки зрения метафизики рационального обоснования события, речь должна идти о присутствии структуры целостности потока бытия, возникающего не из непосредственности чувственного восприятия, а из сознания, первоначально, его трагического отсутствия.

Когда объективный разум ищет начало бытия, где все многообразие реальности указывает на тотальную активность небытия, то первое, с чем он сталкивается, — это полнота трагического созерцания реальности. Следовательно, именно трагическое созерцание реальности является первоначальным отделением нравственного самосознания разума от многообразия опыта небытия, которое проникает в непосредственные психические реакции человека через его чувственные ассоциации. Одновременно, трагическое многообразие образов начинает структурироваться в отдельные фрактальные связи, то есть модели рациональной упорядоченности мира, чья конструктивная природа — суть

«гладь» той глубины потока исторического времени, в котором «светится» объективный фрактал бытия. Рациональная идея, таким образом, есть «стягивание» трагического созерцания к его «естественным» границам, когда именно топология границ трагического восприятия и создает конструктивный принцип нравственного самосознания разумного человека.

То, что принципиально отличает монотонность чувственных ассоциаций, на которых строятся движения человеческих влечений, от непосредственного импульса воли, — это неконтролируемость их со стороны абстрактного рассудка. Фактически, абстрактный рассудок, оперируя схемой понимания определенного процесса, имеет дело не с идеей явления, а с одним из образов или группой образов явления. Именно из этой психологической особенности абстрактного рассудка проистекает доверие механическому миру явлений, то есть к эмпирическому восприятию, которое строится практически целиком и полностью на анализе психических реакций влечений в их внутреннем балансе с минимальным импульсом воли. Таково было развитие английской школы мысли, где единство абстрактного рассудка и непосредственного чувственного восприятия распространилось в качестве идеи развития технологической инфраструктуры мировой цивилизации. Понятно, что такого рода «метафизика» научного знания, с которого начиналась современная западноевропейская наука, в наше историческое время стала только физикой, то есть основой сознания потока чувственных ассоциаций, которые не предполагают какого-то сакрального начала бытия. Окончание этой истории метафизики Ницше сформулировал в краткой форме мысли — «бог умер». Наша объективно рациональная позиция исходит из этого субъективного рационального начала, суть которого состоит в том, что в современной науке более не существует метафизического фундамента, а значит, и не

существует самой фундаментальной науки. Многообразие же научных знаний, которые валом возникают в прикладных областях науки, – это и есть сфера иррациональных представлений, которые абстрактный рассудок конструирует в системы разного рода конечных представлений. Однако конечные представления о реальности являются всегда только той или иной системой мифологических представлений, а не самой сущностью бытия, всегда проистекающей из определенного разумного основания.

В вопросе определения рационального основания бытия как области знания метафизики времени, мы должны понимать, что в психологическом смысле речь идет, с одной стороны, о возможностях абстрактного рассудка, которые ограничены непосредственным чувственным опытом, и рациональным мышлением, с другой. Однако в том и состоит особенность нашего понимания объективного существа разума, что он проистекает из психического состояния, которое полярно противостоит психологической субъективности западноевропейской метафизической школы мысли, когда мы противопоставляем трагическое восприятие реальности и естественно научное восприятие. Ведь трагическое восприятие, очевидно, является полностью «нестественным» для экспериментального содержания мысли, поскольку полагает «истинным» не то, что существует в непосредственном восприятии, а то, что существует в глубинах памяти. Так речь идет о феноменах, которые могут, как появляться в сознании, так и не появляться вообще. Вопрос о первичности происхождения рационального знания в наше историческое время является одним из центральных вопросов философии.

Необходимость максимального внимания к рациональному опыту трагического восприятия, в котором естественное состояние души имеет минимальное значение, состоит в том, что нравственное состояние современного

рационального субъекта морального восприятия мысли во многом возвратилось к античному опыту нравственности. Главным отличием этого опыта нравственности от того, который доминировал в последние два тысячелетия, выражается в отсутствии чувства вины, то есть сознания греховности человеческой природы, обусловленной библейской традицией морального опыта. Такого рода резкий поворот от морального рационального опыта прошлого к новой моральной системе ценностей проистекает из процесса постоянного возвращения нравственного начала человека к историческому опыту прошлому как результата нравственной переоценки настоящего. Причем, чем архаичней этот опыт нравственного потенциала цивилизации в контексте высших ценностей, тем радикальней нравственный перелом, который совершается в глубинах расовой памяти человеческого существа.

Нравственный поворот от понимания логики абстрактной техники мышления к структурированию элементов расовой памяти феноменов, всплывающих из подсознания в трагическом восприятии, должен полагаться нами основанием современного метафизического знания о бытии. В противном случае, абстракция мысли оказывается во власти того многообразия иррациональных представлений, где болтовня об их «научности» является сомнительным обоснованием существа понимания метафизической основы феноменов бытия. Так, одним из очевидных признаков исчезновения метафизического основания науки является появление во всех академиях мира людей не просто бесконечно от нее далеких, но и часто откровенно диких по отношению к разумному началу души. Аналогично, впрочем, разлагается любая моральная система ценностей, когда, например, высшие звания аристократии

начинают продаваться, как это происходило в конце эпохи Средневековья.

Метафизический феномен времени, который является элементом начала бытия, возникает, как способность равного сознания субъекта оперировать в поле рациональных конструкций образов памяти. Так, понимание того, что данная вещь является объективно именно данной вещью, определяется тем, что в субъективной памяти возникает ее прообраз, который суть осознание сопричастности логики фрактала бытия, то есть выявления его сущности как структуры реальности. В данном случае, необходимо избавиться от навязчивого предрассудка полагать, что история – это всегда нечто библейское в понимании процессов мировой истории, где существует бог и его творения, или научно-технический процесс, описывающий процессы Вселенной, где с одной стороны, существует неразумная природа, а с другой – человек. В действительности, мифология библейского откровения мировой истории, так и современная мифология эмпирической науки, возникают из одной основы, суть которой – безусловное признание противоположности человека и природы, тогда как новейшая нравственная позиция субъекта проистекает из кардинального иного основания морального сознания.

Наша оценка психологической основы мифологического мышления сводится к тому, что любая мифологическая система мышления отображает определенный опыт достигнутого рационального знания, который по отношению к достигнутому авангарду современного рационального рубежа является наивным. Так, последней фазой устойчивой мифологии, распространившейся в массовой цивилизации, является мифологии эмпирического знания. Причем, как известно, немецкая философская школа мысли длительная время пыталась преодолеть эту мифологию на основании построения различных рациональных систем мышления,

отодвигая рубеж рационального мышления все дальше от непосредственности восприятия. Однако моральный принцип этих рациональных систем все равно оставался в прошлом, если учесть, что все они сводились к пониманию единого бога как центральному нравственному понятию. Поэтому метафизика Ницше осуществила кардинальный перелом от классической западноевропейской метафизики к новой нравственной перспективе бытия, с одной стороны, указав на трагическое переживание как альтернативу традиционному чувству библейской вины, а с другой, лишив понятие бога его сакрального содержания. Можно сказать, что этот моральный перелом был исторически неизбежен с точки зрения процесса возвращения расовой памяти человека к нравственному опыту предшествующей античной цивилизации.

Для нас ясно, что топологическое соприкосновение мифологического и рационального существа морального мышления определяется мерой интенсивности и глубины работы подсознательной расовой памяти человека, то есть его инстинктивной способностью быть разумным существом. Образ памяти является определенной ценой того или иного психического усилия человека: высшего, если оно обладает волевым началом, или низшего, если оно мотивировано влечением. Таким образом, импульс воли формируется образами памяти, которые человек не мог получить в непосредственном опыте своей жизни, а импульс влечения — образами, которые он необходимо получил при жизни. Уже в таком понимании кардинального различия получения знания и, в целом, информации о мире, необходимо различать действие разума в психике и действие иррационального начала психики. Понятно, что эти два потока получения информации о мире, имея различное происхождение, пересекаясь или не пересекаясь, образуют определенную психическую целостность процессов подсознания.

В вопросе определения существа разумной воли в современных событиях мировой истории, мы находим, что ее стремление к нулю в массовой культуре обусловлено исчезновением способности расовой памяти человека, возвращаться к нравственному опыту прошлого. Ведь процесс возвращения к нравственному опыту прошлого происходит, первоначально, на бессознательном уровне, когда субъект получает информацию не в потоке чувственных ассоциаций, а в потоке узнавания эстетических образов, проистекающих из глубин подсознания, которые и являются мотивациями его непосредственных волевых действий. Очевидно, что волевое действие исключено в социальной системе массового общества, поскольку эта система сформирована практически полностью потоком непосредственных чувственных ассоциаций, а значит, не предполагает, что субъект обладает свободой выбора по отношению к разумному действию. И наоборот, неразумное движение психики активизировано максимально в массовом мегаполисе, когда множество потоков иррациональных представлений, сконструированных в наукообразный материал, целиком и полностью определяют психическую активность субъективной жизни человека. Собственно, современное массовое сознание является множеством иррациональных представлений о реальности, которые в своей наукообразности, в действительности, не имеют никакого отношения к разумной действительности.

Момент исчезновения фундаментальных основ науки необходимо взаимосвязан с исчезновением метафизического интуитивного понимания божественного творения как целостности мира, которое характеризует всю историю развития западноевропейской рациональной метафизической мысли. В этом смысле, происходит радикальный пово-

рот структуры метафизического знания от метафизических конструкций, в которых божественное начало рассматривается как единый механизм Вселенной, — в область неизвестности метафизической сущности времени. Понятно, что метафизическая интуиция субъективного разума проистекает из ощущения, что все прошлое воспоминание о бытие — пусто. Оно настолько пусто, что последнее достижение философской мысли, европейский нигилизм, определяет присутствие метафизического начала бытия как полное отрицание всего предшествующего морального рационального знания. Однако эта тотальность отрицания традиционного метафизического основания знания является необходимым условием исторического развития разума, когда субъект определяет свою сущность по отношению к новизне логического обоснования сущего. В этом смысле, мы полагаем, что свойства расовой памяти человека настолько самодостаточны, что даже в момент расовой катастрофы, обуславливающей собой разрушение всех традиционных ценностей, восстанавливают нравственную норму по отношению к патриархальному духу ценности бытия. Ведь, в отличие от матриархального духа любой исторической традиции, патриархальный дух формируется не идеей спасения, а логикой действия расовой памяти субъекта, которая протекает в русле сознания потока бытия как меры трагичности постоянного осознания гибели человеческого существа. С другой стороны, логика расовой памяти субъекта определяется фрактальной последовательностью связи отдельных топологических блоков объективных структур, которые разграничивают, с одной стороны, потоки воздействия низших ценностей, возникающих из непосредственного чувственного восприятия, и фрактальную область потока высших ценностей, с другой.

Метафизическая структура, в современном субъективном восприятии, существует как определенный блок расовой па-

мяти, который активизируется в соответствие с определенной топологией объекта феномена времени. Так, феномен времени – это, в первую очередь, то, что подсознательно существует в волевом импульсе, который разграничивает информацию о его течении от подсознательного движения влечения. Значит, уже на подсознательном уровне существует кардинальное различие между рациональным и иррациональным движением психических процессов. Это разграничение происходит в качестве различной мотивации действия воли и влечения. Понятно, впрочем, что эти потоки глубоко взаимосвязаны, поскольку субъективная память распадается на два блока: первый, который имеет отношения к образам высших ценностей и которые человек не мог получить из своего непосредственного опыта жизни, и второго, проистекающий исключительно из этого непосредственного опыта коллективной культуры. Например, кантовский субъективный принцип априорных эстетических конструкций созерцания проистекает из представления о субъективно-рациональном основании человеческой психики. Другое дело, что кантовский принцип субъективности полагает это основание неизменным во времени, ссылаясь на логическую последовательность и неизменность научного знания. Такого рода позитивистский принцип метафизического знания способен устойчиво существовать только тогда, когда патриархальная норма жизни полностью доминирует. Если учесть, что в Германии эпохи Канта подобная доминанта патриархального духа существовала в полной мере, то становится понятной нравственная опора рассудка на научное знание.

В логике понимания матриархальной и патриархальной психологии человека мы исходим из кардинального различия между психическими процессами, обусловленными влечениями человека и импульсами, проистекающими из начала воли. Так, если первый вид психических импульсов

протекает естественно для массового существа человеческой психики, то второй вид психических импульсов, наоборот, характеризует неравенство между людьми, состоящее в том, что волевое начало у всех людей очень сильно дифференцированно по мере активности разумного начала психики. Понятно, что в оценке активности воли и активности влечений как симметричной противоположности морального существа человека, мы исходим не из физиологии мужчины и женщины, а из кардинально различного основания мира: рационального и иррационального. При этом очевидно, что различие между рациональным и иррациональным существом бытия способен определять только разум, то есть логика рационального мышления необходимо отличается от логики рассудочного суждения именно способностью схватывать или, наоборот, не схватывать полностью бытия в качестве метафизического феномена времени. Это различие, в свою очередь, характеризует и различную основу мысли: рассудочной и рациональной в психических процессах. Именно отсюда и проистекает принцип исторической обусловленности мышления.

В вопросе становления и утверждения в мышлении человека сознания историчности происходящих событий, мы должны исходить из того, что историчность событий научно-технического прогресса обусловлена не патриархальной составляющей его психических процессов, а, наоборот, процессом их угасания. Именно процесс угасания патриархальной нормы жизни, в которой расовая память субъекта определяет его нравственную жизнь, и формируется прерогатива активности технического прогресса, когда ее фундамент, метафизическое основание знания, постепенно угасает. По-видимому, это процесс характеризует события всех расовых катастроф, — в том виде, в котором их моделировал Шпенглер. Можно сказать, что в процессе расовой катастрофы воспоминания, которые человек не мог получить

при жизни, стираются, когда практически полностью начинают доминировать образы памяти, которые он мог получить только при жизни. Так, собственно, техника подменила практически полностью науку в наше историческое время, то есть в процессе размывания известного метафизического основания науки. В результате, рациональное мышление оказалось полностью «стерто» образами непосредственных чувственных ассоциаций. Поскольку же такого рода образы памяти практически полностью доминируют в подсознании человека, то его взаимосвязь с нравственным историческим опытом утрачивается.

Представление о том, что сознание получает информацию только из непосредственного опыта человека, является в объективном содержании рационального мышления – наивным и, более того, мифологическим. Фактически, речь идет о мифологии представлений, которая тем не менее обладает статусом «научности», а с учетом того, что современный метафизический фундамент науки практически исчез, то и статусом единственного вида существования знания. Но метафизическое мышление всегда искало для обоснований своего существования не источник знания в непосредственных чувственных ассоциациях, а то, что существует как неуничтожимое начало бытия. Таким источником знания неуничтожимого начала бытия и является свойство расовой памяти человека. В нем логика строится из последовательности мыслей, которая опирается не на информационные потоки знания, возникающие из психической энергии чувственных ассоциаций и их реализации – чистых абстракций, а на моделях знания, которые фрактализируют конструкции логических структур эстетического созерцания реальности. Эстетическая реальность для метафизического понимания бытия имеет определяющее значение, поскольку идеи вещей в эстетической реальности – это фракталы расовой памяти, в которых существо че-

ловека, обусловленное потоком чувственных ассоциаций, стремится к нулю.

Мы определяем позиции идеализма, где центральным началом выражается время как онтологическая основа бытия. В этом смысле, эстетика времени — это и есть история событий действия исторической воли разумного человека, которая не сводится к какому-то эквиваленту его животного существа. Однако несводимость к животному началу души разумного начала воли есть не отрицание ценности многообразия материального мира, а его подлинное содержание, которое мыслится совершенно по-иному, чем оно воспринимается в потоке непосредственных чувственных ассоциаций. Можно сказать, что только в воле существует материальный мир как отображение метафизического сознания исторической реальности, тогда как в психической энергии влечения историческая реальность существует на самом зачаточном уровне. Этот зачаточный уровень, в частности, характеризует инстинктивное стремление влечения быть волей, как это имеет место, например, в психоаналитической теории Фрейда, где максимальная аналитическая работа с психологией массового бессознательного дает возможность коснуться рациональной грани метафизики воли. И, наоборот, в философии Ницше моменты ослабления психической активности рациональных импульсов воли неизбежно характеризуют активизацию мифологии мышления, которое растворяется в исчезновении найденного начала метафизической полноты бытия. Таким образом, необходимо осознавать, что мера рациональности мышления — эта мера активности расовой памяти субъекта, то есть соотношение его субъективного сознания с объективным эстетическим созерцанием реальности своей воли в историческом событии. Здесь крайне важно различать разумное действие субъекта от ложного понимания существа разума, которое возникает в процессе расовой катастрофы, то есть

радикального изменения традиционных представлений о морали. Ведь попытка оставаться в пределах известных представлений о разуме в наибольшей степени враждебна именно подлинному существу разума, поскольку строит конструкции понимания о его существовании на той основе, которая стала почти полностью иррациональной. Таково, в частности, соотношение субъективной основы разума, заявленной в философии Ницше, с фальсификацией объективного существа исторического разума, реализованного в теории борьбы исторических классов у Маркса. По существу, в философии Ницше новая эстетика нравственного закона противопоставлена разного рода предрассудкам о его существовании, которая присутствует в мифологии эмпиризма. Однако время забвения разума, которое характеризует Темные Века нашей исторической эпохи, как раз именно иррациональное начало непосредственных чувственных восприятий противопоставляет в качестве «разума» тому, в чем разум действительно существует, то есть формированию непосредственного импульса воли в высших слоях психики. Поэтому попытка ставить рядом философское наследие Ницше и экономическое учение Маркса, — равносильна попытке уравнивать разумное и неразумное, когда именно неразумное выдается за одну из оценок исторических событий, если иметь в виду последствия воздействия марксистского учения на слабые умы в России.

Когда мы рассуждаем об эстетической основе нравственного сознания, то имеем в виду, что именно метафизика феноменов времени формирует нравственное восприятие человека. Собственно, основой этого процесса является доминирование импульсов воли над импульсами влечений, что равносильно доминированию рационального мышления над деятельностью рассудка, а рассудка, в свою очередь, над сферой непосредственного чувственного восприятия. В противном случае, то есть в случае утраты

взаимосвязи рассудка с основанием разума, мышление неизбежно становится содержанием разного рода мифологических представлений. Эти представления необходимо устанавливают доминанту бессознательных влечений над бессознательными импульсами воли, то есть разрушают практически все рациональные коммуникации настоящего, с одной стороны, а с другой, препятствуют появлению новых рациональных коммуникаций. Так было в конце западноевропейского Средневековья, и тот же процесс происходит в современных социальных связях западноевропейской цивилизации. Различие существует только в том, что в конце эпохи Средневековья были огромные расовые ресурсы, которые требовали исторической реализации самостоятельной рациональной модели развития, а наше историческое время демонстрирует их полное нравственное исчерпание, то есть фактически конец истории западноевропейской модели развития мировой цивилизации.

В современной России морально-историческая ситуация полярно иная, чем та, которая сложилась в современной Западной Европе. После нашествия большевистской орды и разрушения полноценного расового генофонда, в ней стабилизировалась активность неполноценных племенных инстинктов в человеческой душе, на которые наложилась социальная организация, соответствующая психологии человека Темных Веков. Эта психология характеризуется забвением расовой памяти, то есть способности осознавать себя разумным существом, а не животным. Именно в силу почти полного забвения разума, современная российская реальность погрузилась во мрак нравственной тупости, которая характеризует активность человека, в которой разум исключен как историческая реальность. В этом смысле, сознание, лишенное исторической адекватности, «плавает» в различных мифологических представлениях, то есть поверхностных конструкциях рас-

судка, безвольно пытаюсь хвататься то за одну историческую иллюзию, то за другую.

В основе исторического чувства всегда лежит определенная эстетика того нравственного начала, которая осуществляет безусловное доминирование воли над потоком иррациональных влечений. Таким образом, эстетическое и эмпирическое мы понимаем как симметричное в бессознательном существе человека дробление, фрактализацию, его психических движений на импульсы воли и влечения. Аналогичным образом, фрактализация осуществляется и в качестве противоречий рассудка и разума в области качества мысли. В частности, содержание рассудка и содержание разума различается именно в области деления психических импульсов на сферу влечений и сферу волевого начала. Таким образом, рациональную и рассудочную информацию, то есть различное качество знания, мышление получает из различных источников. В этом смысле, учение Канта о существовании априорных представлений, которые он сводил к математическим образам, в действительности является уже вторичной структурой знания, которая идеальна только при условии психического баланса потока импульса воли и потока импульса влечений, при безусловном доминировании первого потока. Это доминирование мы называем сферой «патриархального» строения психики, в котором идеи определяют ценностную организацию жизни человека в соответствии с эстетическим созерцанием нравственного начала потока воспоминаний, взаимосвязанных с высшими ценностями, то есть ценностями, которые достигнуты мировой цивилизацией на всем протяжении ее развития. Одновременно, патриархальное строение психики определяет и внутреннюю целостность развития процессов мировой цивилизации, в котором доминирует

тот или иной фрактальный прообраз разума. Другими словами, мы возвращаемся к пониманию идеи у Платона не со стороны христианской западноевропейской схоластики или западноевропейской научной метафизики, а со стороны центральной мысли философии Ницше, его учения о «вечном возвращении». Так, суть этого учения с позиции современного объективного исторического разума состоит в том, что действие структуры идеи в мышлении выявляется в качестве постоянного возвращения бессознательного импульса воли к нравственному достижению высших ценностей мировой цивилизации. Очевидно, что опыт этих знаний человек не мог получить в процессе непосредственной жизни, за исключением того бесконечно малого содержания, которое дает систематическое напряжение интеллекта. Однако это напряжение эффективно только при условии безусловного доминирования расового потенциала психологии *homo sapiens* в мировой цивилизации, который практически исчезает в процессе расовой катастрофы.

Главное, что мы стремимся обосновать, — это невозможность нравственной опоры метафизического знания ни на современные знания науки, ни, тем более, на какие-то теологические мифологические представления. Такая ситуация определяется самой нравственной атмосферой в мировой цивилизации в процессе расовой катастрофы, то есть катастрофического исчезновения сферы рациональных коммуникаций в исторической реальности. Иррациональные же коммуникации, существующие на основании активности поверхностного интеллекта, не обладают нравственным потенциалом взаимосвязи с живым опытом мировой истории. Здесь, собственно, мы солидарны с идеей Ницше о том, что нравственный опыт мировой истории должен служить не разрыву с памятью высших ценностей, а их утверждению. Мы же видим, что именно эстетическое созерцание, то есть, фактически, нравственная опора высших ценностей, прак-

тически полностью ликвидирована в массовых коммуникациях цивилизации, поскольку их неразумные конструкции не предполагают существование в своих процессах расовой психологии разумного человека.

Принципиальные различия между системой иррациональных и рациональных коммуникаций выражаются в доминировании, в первом случае, активности психических влечений человека, а во втором случае, активности импульсов воли. Собственно, мировая история и есть процесс периодичности доминирования то одной системы коммуникаций, где иррациональное начало души подавляет разумное начало, то другой системы коммуникаций, где, наоборот, разумное начало души подавляет иррациональные движения психики. Не сложно заметить, что иррациональные коммуникации, возникающие в качестве полной реализации определенной рациональной модели развития мировой цивилизации, являются системой инерции ее распада, о которой Шпенглер рассуждал как об исчезновении архитектурных усилий воли к власти.

Анализируя происхождение современных социальных коммуникаций мировой цивилизации, мы обнаруживаем, что их функциональная основа зародилась в утопических представлениях о государственности, которые инстинктивно отрицали нравственные основы патриархальной нормы жизни, то есть нормы, в которой разум определяется в качестве иерархического принципа жизни. Так, собственно, отрицание иерархической основы существования бытия, которая определяется классической схемой философского знания: непосредственное чувственное восприятие, деятельность рассудка и господствующие позиции постигающего разума – это потребность животного инстинкта человека. Это существо возвращает сознание человека к «ра-

венству» элементов сущего, которое всегда находит и базу своего обоснования. Как известно, такой базой в наше время стала экспериментальная наука. Однако нравственная судьба развития мировой цивилизации необходимо взаимосвязана со сферой иерархического понимания существа разума, как в человеческой природе, так и в природе. Поэтому момент исчезновения понимания основ подобной иерархии неизбежно определяет и процесс исчезновения сферы рациональных коммуникаций между людьми. Если же оценить этот минимум интуитивного понимания разума в российской интеллектуальной школе мысли, то его следы практически исчезают после 17-го года.

Когда мы ставим себе задачу: понять основы национального духа в мировой истории, то оцениваем ее как задачу равносильную необходимости понимания иерархии разума в человеческой жизни. Но именно потребность познания иерархического понимания разума в непосредственной жизни человека в России и отсутствует полностью в наше историческое время. Можно сказать, что в этом смысле здесь существует историческая «пустыня», то есть события протекают за пределами разумного начала мировой истории, а потому мы и определяем их как события Темных Веков. Они формируются не разумными импульсами воли, а животными импульсами иррациональных влечений, которые текут как в животном мире без всякой разумной цели и какого-то исторического рационального содержания. Так, единственной взаимосвязью с процессами мировой цивилизации здесь является активность экспериментальной науки, однако это именно та область, которая тотально отрицает иерархический принцип исторического разума, сводя многообразие бытия к многообразию материальных элементов непосредственного чувственного восприятия. И если иррационализм «равноправия» знания в ценностях экспериментальной науки в западноевропейской цивили-

зации отрицает разум только последние несколько десятилетий мировой истории, то в истории России мы не находим именно этой взаимосвязи с высшими ценностями, то есть основания действия исторического разума.

Когда мы рассуждаем о необходимости существования иерархии в понимании человеческой природы и бытия, то полагаем, что духовная основа души реальна ровно настолько, насколько в душе активны ее разумные импульсы. И именно здесь мы сталкиваемся с жесткой системой многообразия иррациональных представлений, которые максимально систематизированы в конструктивных возможностях экспериментального научного знания, то есть враждебной системой низших ценностях, на основании которых существует современная массовая цивилизация. Ведь разум является мерой активности души, которая формируется, в первую очередь, как метафизическая, а не физическая, система. Однако современный иррационализм научных знаний, пользуясь тоталитарной властью над массовой, то есть иррациональной, душой, внушает человеку, что его непосредственная жизнь имеет определенный «смысл» именно как материя, обладающая мерой абстрактного интеллекта. То, что этот неразумный «смысл» мало чем отличается от смысла существования животного, понять массовое сознание не в состоянии, поскольку в основании современной науки отсутствует отчетливость какого-то разумного метафизического обоснования. Оно просто исчезло, что со всей полнотой суровости нового нравственного ощущения исторической реальности сформулировал Ницше – «бог умер». Следствием исчезновения метафизического бога науки Нового Времени, на основании которого был заложен ее фундамент, стало превращение научного знания в сферу многообразия иррациональных предрассудков о мире и человеке.

Таким образом, современная массовая цивилизация является комплексом социальных структур, которые глубоко

враждебны разуму. Однако возникновение структур, являющихся враждебными в своей основе историческому развитию разума, является закономерным процессом, протекающим из глубинно-бессознательных основ человеческой природы. Суть этого процесса состоит в том, что в подсознании человека инстинктивно существует как животная потребность в выживании, которая требует реализации животных влечений, так и разумная потребность познания бытия, отрицающая все границы самосохранения, проистекающая из метафизического импульса воли. Мы полагаем эти два инстинктивно бессознательных потока психических импульсов души: патриархальной и матриархальной базой ее движений, обладающих симметричной структурой. При этом, следует правильно, то есть рационально объективно, осмысливать отрицание Ницше «человеческого». В этом контексте, «человеческое» — в старой метафизической школе мысли — всегда ассоциировалось с чем-то социальным. Однако именно Ницше, несмотря на резко критическое отношение к известной школе понимания философского наследия Платона в западноевропейской метафизике, восстановил подлинное понимание идеи Платона, которая суть: выявление в трагическом переживание индивидуального разума нравственного опыта высших ценностей прошлого. Таким образом, именно расовая память дает нравственные ресурсы для действия разума в глубинах психики, которые формируются как отображение метафизического начала воли.

Размышления о существовании расовой памяти человека, приводит нас к убеждению, что именно она является бессознательным источником действия воли, а не поток непосредственных чувственных ассоциаций, которые человек получает в результате повседневного образа жизни. Именно в расовой памяти в подсознании появляются те психические импульсы, которые определяют нравственную сущность че-

ловека, то есть его объективное содержание разума в реальности. При этом мы должны понимать, что кардинальное различие между психологическими импульсами расы homo sapiens и биологическими расовыми различиями людей лежат именно в плоскости различной активности разумных импульсов психики, то есть меры интенсивности их воздействия на сознание. Если эти импульсы пассивны, то сознанием человека владеют бессознательные влечения, которые характеризуют неспособность воли существовать в реальности исторических событий. Ведь животное существо человека не обладает историческим содержанием, выполняя чисто биологическое предназначение своего существования, которое не нравственных ресурсов действовать в соответствии с разумной идеей жизни. Такова, собственно, вся современная массовая цивилизация, в которой многообразие ее процессов демонстрирует отсутствие какого-то разумного основания.

Поскольку современный разум не может опираться на современное научное знание, которое стало максимально мифологизировано в потоке инерции обыденных представлений, опирающихся на устаревшую школу метафизической мысли, наш нравственный долг состоит в том, чтобы восстановить рациональные позиции морали в современном мышлении. В противном случае, многообразии иррациональных предрассудков современной экспериментальной науки и ее производной, массовой цивилизации, окончательно «похоронят» способность разума постигать основание бытия, которое требует выводить его существование из комплекса разумных идей, а не комплекса предрассудков о мире. Именно в этом аспекте, эстетическая объективность мира является для понимания разума первичной в истории философии.

Моделируя структуру эстетического объекта, субъективно, разум определяется идеей этого объекта как мерой его

реализации в модели существования разумной действительности. Обыденное же сознание, рассуждая о воле, имеет в виду то, что выражает волю в ее минимальном проявлении, то есть влечение, которое воспринимается непосредственным чувственным восприятием в мышлении, практически лишенном какого-то элементарного эстетического содержания. Наиболее полно эта аналитическая позиция рассудка реализована в теории Фрейда, где исследование этого минимума воли, бессознательного влечения, определяется как основа психического строения человеческой души. Мы, собственно, полностью согласны с таким пониманием влечения, за тем лишь исключением, что полагаем функцию влечения – основой низшей, а не высшей, психической активности. Для необходимости исследования низшей психики Фрейд полностью игнорирует основу рационального мышления – эстетический объект, полагая его содержанием «фантазией», хотя в действительности именно аналитический рассудок, существующий за пределами эстетической реальности, выражает многообразие фантазий иррациональных представлений, существующих за пределами разума, но при этом систематизированных абстрактным научным мышлением.

Первое «знакомство» с полноценным эстетическим объектом в сознании человека возникает тогда, когда он теряет взаимосвязь с нравственным опытом традиционной культуры, который он получил в течение своей жизни. Собственно структура полноценного эстетического объекта – это всегда определенная моральная позиция развития разума той или иной субъективности восприятия. Основная функция эстетического объекта как определенной структуры исторической реальности, – это реализация воли к власти разума в его новизне действия идеи жизни, то есть процесс

перестройки расовой памяти. Так, поскольку действие подсознательного импульса воли возникает в процессе возвращения сознания человека к опыту высших исторических ценностей, то и отсутствие процесса этого возвращения неизбежно приводит к исключительной активизации инфантильного состояния психики. Этот принцип симметрии характеризует человеческое существо, с одной стороны, как чисто биологическое, во власти которого находится инфантильный интеллект, а с другой, как существо духовное, которое раскрывается в метафизическом импульсе воли. Вообще, мы утверждаем, что воля не существует без необходимого условия действия разума в душе, как, впрочем, и наоборот, разум является определенным метафизическим проявлением воли в историческом событии. Рассуждения же о «воле» в контексте обыденных представлений человека аналогичны таким же рассуждениям о «разуме», то есть проистекают из-за отсутствия способности к рациональному мышлению вообще. Именно поэтому из современного языка человека в массовой цивилизации исчезли практически все субъективные рациональные категории рассудка: «воля», «душа», «дух», «высшее благо», когда структурирование, как непосредственной жизни человека, так и процессов цивилизации происходит стихийно, на основании животных влечений, которые поверхностный интеллект конструирует в наукообразные схемы понимания реальности.

Объективность эстетического мира является следствием полноценного нравственного самосознания человека, то есть существования определенных рациональных коммуникаций в историческом проекте развития мировой цивилизации. Очевидно, что существование этих коммуникаций не «вечно», возникая и исчезая в соответствии с онтологической системой времени, в которой функционирует самосознание человека. Процесс возникновения, утверждения и неизбежности исчезновения этих рациональных комму-

никаций как соответствующей системы онтологии времени определяется процессом опосредствования восприятия чувственных ассоциаций как образов воспоминания духом самого себя, касающегося онтологическим потоком времени рациональной сущности непосредственных исторических событий. При этом критерием исчезновения функционирования рациональных коммуникаций является возникновения вместо них, на основании реализованной модели их существования, системы мифологических представлений о мире. Фактически, речь идет о переходе патриархальной нормы самосознания к образу мыслей инфантильного сознания, или системы ценностей матриархата, когда сознание начинает «крутиться» в замкнутом круге пустых абстракций о том, что еще некоторое время назад являлось содержанием структуры активности рациональных коммуникаций. Такого рода историческая ситуация заключается в том, что в системе иррациональных коммуникаций, каковыми в наше время является социальная система массового общества со всем многообразием своих иррациональных процессов, на уровне непрерывного воздействия на подсознание человеку тоталитарно навязывается активность импульсов влечений, блокируя подсознательные импульсы воли. Фактически, современное массовое общество – это чисто матриархальный институт, который предполагает, что человек – это животное, чей разум активен ровно настолько, насколько его поверхностный рассудок способен постигать разного рода механическую информацию.

Мы должны помнить, что в процессе расовой катастрофы, когда очередная модель рациональных коммуникаций разрушается, сознание возвращается к глубинно-бессознательному существу души, полностью растворяясь в образах воспоминаний, которые обладают симметричной природой происхождения: патриархальных и матриархальных. И если философия Ницше работала с образами (ценностями)

патриархальной памяти подсознания, то психоаналитический метод Фрейда исследовал именно матриархальное подсознательное существо человека на основании методов, которые по отношению к разумному началу человеческой души являются мифологическими, а по отношению к сфере абстрактного рассудка – «научными». Таким образом, во многом психоаналитический метод исследований Фрейда характеризует исторический перелом от доминирующего положения метафизического обоснования науки, к ее мифологии в сфере активности матриархального подсознания человека. Однако это только один из частных фрагментов диалектики развития морали homo sapiens, когда, например, аналогичный процесс перехода одной системы рациональных коммуникаций к принципиально новой модели происходил в переходе средневекового мышления к области мифологии и возникновения первого опыта метафизического самосознания науки Нового Времени. Аналогичным образом, и античная система рациональных коммуникаций античной цивилизации вытеснялась первым опытом христианской нравственности; а еще ранее: мифология рациональных коммуникаций древневосточных цивилизаций – нравственным опытом зарождающейся античной расовой модели. Таким образом, этот симметрично-фрактальный процесс перехода достигнутого рубежа рациональной модели цивилизации, во-первых, характеризует процесс трансформирования системы знания в область мифологическую, то есть основанную на подсознательных инстинктах матриархата, а во-вторых, определяет систему инерционного распада рациональных коммуникаций, которая начинает глобально противостоять новому рубежу становления рационального понимания мира. За этой трансформацией перехода достигнутого рубежа рационального знания в сферу инерции сопротивления новому его историческому рубежу в системе обыденных представлений о начале бытия, всег-

да существует нравственная необходимость установления симметрии психического равновесия человеческой души с точки зрения активности в ней подсознательных импульсов влечений и подсознательных импульсов воли.

Если в основе интуитивного понимания строения метафизической структуры бытия в метафизике Нового времени лежало смутное созерцание его как некой машины, которая имеет отчетливость своих осязаемых граней и функций, то в основе понимания разума новейшего времени его основа воспринимается как определенное трансцендентное поле. Так, метафизические рассуждения Ницше о «смерти бога» и «бездне» как начале бытия субъективно вводят в систему понимания рационального строения мира как онтологического потока времени, который, обладая трансцендентной природой, не поддается никакому систематическому научному моделированию в момент первоначального откровения в душе.

Если рационально оценить патриархальные ресурсы всех мировых наций, то наибольший их потенциал сосредоточен в русской нации. Это не говорит о какой-то «исключительности» русской нации по отношению к другим нациям, а лишь указывает на то, что ее историческим духом владеет максимальная трагичность существования, которая пронизывает все нации мира. Так, трагическое в нравственном состоянии человеческой души в историческом контексте современного нравственного самосознания — это мера вовлеченности в онтологический поток времени, который характеризует потенциальные ресурсы исторической воли нации. С другой стороны, мы осознаем, что в данном случае идет о процессе перехода потенциального национального ресурса воли в непосредственные исторические события, поскольку, если исключить активность национального духа во время второй

мировой войне, то его присутствие в истории России после 17-го года практически стремится к нулю. Ведь психология иррациональной веры марксизма, которая распространялась под знаменем веры в «разум», дала возможность объединиться на территории России после нашествия большевистской орды не разумным силам, а сектантам, которые конструировали государственную реальность не на основании ценности разумной индивидуальности, а в качестве причастности человека неразумной массе людей. Впрочем, события, происходящие в Темные Века мировой истории, слишком глубоко проникнуты разного рода явлениями иррациональных движений человеческих масс и орд. Понимание такой исторической ситуации, сложившейся в России, приходит тогда, когда человек начинает осознавать, что достижения современного научно-технического прогресса — это не достижения объективного исторического разума, а лишь современная мифология его «старой» модели.

Особое место русской нации в современной мировой истории определено ее нравственным историческим опытом, который топологически «соткан», во-первых, из «консервированной» нравственной истории разума в православии (античный Логос), а во-вторых, из вовлеченности духа в максимальную трагичность онтологического потока времени. Если сознание человека в западноевропейской модели цивилизации не способно ограничить себя от мифологии научно-технического прогресса, поскольку метафизика западноевропейской науки и есть последний опыт реализации исторической судьбы мирового разума, то в русской истории эта отчетливость мифологического пространства экспериментальной науки становится отчетливой и «прозрачной». Прежде всего, за этой «прозрачностью» виден масштаб расовой катастрофы именно европейской цивилизации, потерявшей какие-то разумные исторические ориентиры своего развития.

Глава 11

Когда мы утверждаем, что современная экспериментальная наука стала сферой мифологического мышления, то имеет в виду ее полное доверие непосредственному чувственному восприятию. И здесь мы возвращаемся к философии Платона, а именно к его учению о структуре идей, которые являются началом бытия, являясь его первообразом. Но наш возврат к пониманию структуры платоновской идеи мы осуществляем на основании центральной идеи философии Ницше о «вечном возвращении», то есть понимания действия идеи как поля действия расовой памяти человека. Так, только расовая память человека в качестве его причастности психологии *homo sapiens* дает возможность конструировать объективность мира как эстетическую реальность, где метафизика является предметом понимания мировой воли как онтологического потока времени. Характерной особенностью этого потока является невозможность изучения его как механизма, поскольку восприятие имеет дело с определенным полем, то есть динамической системой многообразных фракталов, каждый из которых формирует вокруг себя топологическую среду образов, воспроизводимым функцией не патриархальной, а матриархальной, памяти.

То, что массовая культура — это отображение иррациональной психологии человека, понятно каждому разумному человеку. Однако не многие в наше время решатся при-

знать, что и современная наука стала не опорой разума, а его «гробовщиком», конечно, наука не фундаментальная, исчезающая на наших глазах, а экспериментальная, на основе которого развивается научно-технический прогресс. Собственно, уже не только кризис, характеризовавший состояние науки во времена Гуссерля, но именно катастрофа содержания рационального знания в современной науке проистекает из исчезновения ее нравственного фундамента, который определялся центральным метафизическим понятием «бога». В этом смысле, достижения научного знания, хотя и противостояли религиозному восприятию, развивались вполне в духе линейного сознания мировой истории. Иная идея времени возникает у Шопенгауэра, но особенно – у Ницше, когда, собственно, Ницше продолжает разработку понимания Платона у Шопенгауэра в контексте анализа структуры представления. Так, если Шопенгауэр остается в своей философии в пределах единства воли и представления, то в одной из центральных идей метафизической системы Ницше, идеи воли к власти, утверждается, что разум существует как реальность только тогда, когда тотально доминирует над системой влечений. В аспекте нашего понимания симметрии человеческой природы, речь идет о безусловном доминировании патриархального начала психики – над матриархальным началом, то есть доминировании подсознательным импульсов воли – над подсознательными импульсами влечений. Эта доминанта, в первую очередь, отображает два различных функциональных состояния психики: первый, обусловленный не чувственными ассоциациями, а образами расовой памяти, а второй, наоборот, воздействием непосредственных чувственных ассоциаций на очень слабые импульсы воли.

Принципиальным отличием классической рациональной философии от разного рода философствующей литературы, в которой люди проявляют свой интерес к предмету философии, всегда было обоснование существования рациональной реальности, то есть сферы мышления, которая не зависит от потока обыденных представлений. Ведь по существу, поток обыденных представлений – это область интересов человека, которая не выходит за пределы его бессознательных влечений, а значит, полностью описывается системой объективности процессов социума, в котором он получил определенный коллективный опыт знания. Социум же – в оценке современного рационального понимания исторической действительности, – это источник структурирование иррационального образа жизни человека, в котором почти полностью отсутствуют какие-то элементарные проблески разума его души. Однако, в силу диалектики развития рациональной морали, последний рубеж достигнутого рационального понимания бытия максимально сопротивляется новой системе рационального знания, примером чего может служить отношение современной поверхностной мысли, выступающий от имени псевдофилософии, к философскому наследию Ницше. Так, мифологическое мышление в философии, а именно таковым и являются течения, подобные позитивизму, требуют основания рассудочных конструкций в непосредственности опыта чувственного восприятия или в логических схемах абстрактного рассудка. Но основания классического научного знания, как мы утверждаем, достигаются только в исторических эпохах, где доминирует патриархальная психология человека, в которой разум способен сосредоточиться на метафизической картине реальности в качестве законченной эстетической картины, где ее последним

содержанием такого рода является эстетика Канта. Однако в состоянии расовой катастрофы, когда рушатся многовековые устои патриархального быта, исчезает и законченность этой эстетической картины реальности, в которой мышление описывает определенный психологический ритм онтологии времени, отображающий меру нравственного развития человека. При этом научное знание не может полагаться продуктом рассудка, поскольку в своем отдалении от динамики развития метафизики исторической воли, постепенно начинает противостоять современному существу исторического разума. Именно поэтому Ницше в своей метафизике полагает, что воля к власти является основным инструментом действия субъективного разума, когда расовая катастрофа «замечает» иррационализмом человеческих представлений объективную картину эстетической реальности.

Таким образом, поскольку метафизическим началом бытия является онтологический поток времени, то субъективный разум способен осознавать себя только как воля к власти, то есть, как мужество духа быть самими собой в животном существе человеческой души. Любая система метафизики рационального понимания действительности неизбежно обречена на отрицание новой системой метафизического знания, причем, на начальном уровне своего появления новая система метафизического знания часто воспринимается в пределах старой системы как нечто «иррациональное», поскольку неизбежно отрицает сферу представлений старой метафизики, являющейся по отношению к ней новой мифологией. Так отрицала предрассудки старой метафизической школы мысли схоластической философии – метафизика Нового времени, и также отрицает эстетическая субъективность новейшей метафизической мысли современные мифологические предрассудки позитивизма. С другой стороны, понятно, что отрицаемое

все равно сохраняет власть над слабыми человеческими умами в массовом образе жизни человека.

В основе действия структуры идеи как сознания начала бытия во времени, рациональное мышление направлено на изучение новейшей эстетической картины реальности в отображении онтологического потока бытия. Именно из этой новейшей эстетической картины исторической реальности и проистекает метафизическая мысль Ницше о «смерти бога», то есть фиксирует исчезновение сакральной интуиции о строении бытия как некоего подобия божественного творения. Однако поверхностный рассудок остается во власти предрассудков мысли, оперируя в понимании разума к тому, что является уже сферой иррациональных представлений, — мы имеем в виду научную мысль. Такова глубинно-бессознательная потребность человека в его стремлении все измерять мерой логических способностей рассудка, когда ресурсы разумного понимания практически исчерпаны. Ведь ресурсы разумного понимания действительности всегда равносильны возможностям конструктивного восприятия эстетической реальности, которая отображает индивидуальную волю человека в мировой истории как одну из «ветвей» топологии онтологического потока времени.

Мы полагаем, что человеческая логика является сферой разума только тогда, когда она вовлечена в единую эстетическую картину реальности, которая описывает топологическую структуру бытия как онтологический поток времени, то есть множество фракталов-точек связи его подсознательной памяти с высшими историческими ценностями прошлого. Понятно, что такие представления о разуме, которые существуют в современной мифологии, как, например, «искусственный разум», как раз демонстрируют отсутствие разума в современной науке, ставшей в наше историческое время оплотом слабоумия по отношению к современной

исторической сущности разума. Однако мифология науки, безусловно, не может быть отброшена, как не могло быть отброшено понятие «бога» в началах метафизики Нового времени, став интуитивным основанием сакрального начала бытия для первых метафизиков. Аналогичным образом, и мы не можем подвергать сомнению неразрывную взаимосвязь метафизики научного и философского мышления. Другое дело, что наш нравственный долг состоит в том, чтобы критически относиться к попыткам поверхностного рассудка, оперирующего мифологическими конструкциями мышления в области философии, пытаться фальсифицировать сущность философии, как это имеет место, например, в попытках Рассела рассуждать о содержании философского знания. Вообще позиции позитивизма и неопозитивизма в современной философии аналогичны позициям христианской схоластической школы мысли, которая противостояла необходимости тотального переосмысления идеи разума в мировой истории метафизическим разработкам первых западноевропейских метафизиков.

Когда мы ставим себе задачу: восстановить понимание философской мысли как рационального содержания исторического мышления, то вполне осознаем, что нас окружает тотально иррациональная среда человеческих представлений о сущности разума. И хотя ближайшей областью к пониманию существа разума является научная мысль, в том виде, в котором она существует в наше время, эта мысль максимально противостоит разуму, поскольку исключает онтологический поток времени как метафизическую реальность. На «техническом» уровне методом этого исключения является система действия механических часов, которые отмеряют исключительно монотонные длительности течения времени. Ведь психологическое воздействие восприятия

времени в идее механических часов построено таким образом, чтобы тотально подчинить движение психических процессов подсознания равномерным импульсам влечений, которые возникают из чувственно непосредственного восприятия реальности. Размышляя над фундаментальной основой субъективного разума, его возникновения из постоянного возвращения к высшим ценностям исторического прошлого, мы понимаем, что это функционирование аппарата человеческой психики не может быть только «человеческим», то есть ограничиваться доступными для человека средствами исследовательской науки. Основой метафизической реальности всегда является нечто сакральное, которое неуловимо в полноте бытия, одновременно, определяя его целостность и «стабильность» существования во времени.

Основой действия любой мифологической схемы мысли является абсолютизация определенных предпосылок знания. Если, например, основой мифологической схемы в теологических представлениях являлась вера в сотворенность мира и человека, то в эмпирических представлениях науки этой предпосылкой является безусловное доверие непосредственному восприятию. Понятно, что доверие непосредственности чувственного восприятия, на основе которого возникла современная мифология экспериментальной науки, в начале развития западноевропейской метафизической школы мысли не было таким абсолютным. Всегда в центре научной западноевропейской метафизической модели понимания разума существовало метафизическое понятие бога, которое учило о сакральных свойствах духа, по крайней мере, существующих как реальность равносильная реальности материального мира. Исчезновение этой автономии духа, и, более того, попытки полагать, что сознание его реальности выражает «мифологию» мышления, в отличие от эмпирического знания, — это, безусловно,

является закономерным следствием развития диалектики рациональной морали, суть которой состоит в том, что онтологический поток времени постоянно меняет рациональные грани своего присутствия в онтологической структуре бытия. Ведь попытка лишить духовную основу бытия ее прерогативы над материальным миром, необходимо оценивать как периодическое погружение активности психических процессов подсознания человека к области матриархальных инстинктов, которые максимально активизирует его животные влечения. В этом направлении особенно преуспел марксизм, который утвердился в среде тех народов, чей нравственный опыт не был знаком с памятью воспоминания высших ценностей.

Когда мы противопоставляем современной мифологии экспериментальной науки метафизику онтологического потока времени, то полагаем, что в Темные Века, которые выражают эпоху нашего исторического времени, фрактал науки, то есть ее идеологическая активность как научно-технического прогресса, враждебна разумному содержанию духа исторического времени, поскольку стремится препятствовать нравственному развитию разума человека. Впрочем, подобное сопротивление исторически неизбежно, ибо бессознательный инстинкт самосохранения стремится получить «гарантии» от воли к власти, которая постоянно наступает новыми позициями исторического разума в мировой истории. Однако именно этих гарантий воля к власти разумного духа никогда не может дать в силу того, что нравственный закон, проистекающий из активности волевых импульсов человеческой психики, «размазывает» в топологии разумных граней течения онтологического потока времени систему обыденных представлений. Мы полагаем, что именно обыденные представления и являются основой сопротивления пониманию исторической сущности разума.

Диалектика развития рациональной морали определяет нравственные ресурсы homo sapiens, то есть присутствие в человеческой массе определенного количества людей, которые живут не на основании чувства или рассудка, а на основании действия разума в душе. То, что экспериментальная наука поделила человеческие расы на животные виды, которые различаются по определенным генетическим признакам, не относится к существу разума, поскольку феномен существования расы homo sapiens выражает присутствие в непосредственной жизни человека высших ценностей или, по крайней мере, воспоминание о них. Собственно, процесс расовой катастрофы состоит в том, что в подсознании человека постепенно исчезает воздействие высших ценностей на его непосредственный образ жизни, то есть индивидуальный разум человека перестает влиять на его поступки и цели. Фактически, психический потенциал воли исчерпывается, и тогда животные влечения полностью подавляют ресурсы высшей психики, которые возвращают сознание человека к набору механически повторяющихся схем, сформировавшихся в результате «консервации» достигнутого рационального знания. Искусство и наука постепенно исчезают как среда коммуникации разумных людей в процессе расовой катастрофы, поскольку в массовых коммуникациях отсутствует минимум активности высшей психики для взаимодействия людей на основании какой-то разумной цели существования.

То, что, безусловно, «угадано» в концепции мировой истории у Шпенглера, — это эстетический характер действия воли к власти высших ценностей, которые буквально «прорезают» массовые коммуникации направлением движения онтологического потока исторического времени в национальном опыте патриархальной психологии различных народов. Понятно, что в непосредственной текучести жизни человека, которая определена повседневностью его

монотонных влечений неоткуда взяться разуму. Здесь все отрицает его существование, и только память высших ценностей, то есть ценностей, которые человек не мог получить при жизни, способны активизировать его волю, а значит, и разум. Эти ценности неминуемо возвращаются. Так, «возвратились» высшие ценности др.египетского опыта расы homo sapiens в истории Ветхого завета у евреев, и так же «возвращаются» высшие ценности античного др. греческого расового опыта в судьбе западноевропейской цивилизации, а через нее – и всего мира. Впрочем, как можно наблюдать по социальным процессам, происходящим в современной западноевропейской цивилизации, это «возвращение» к высшим ценностям античности в западноевропейской цивилизации закончилось в силу того, что в ней оказались исчерпаны психические ресурсы расы homo sapiens. И, наоборот, в России, эти ресурсы почти не затрагивались, если учесть, что в ее истории в большей степени были активны племенные инстинкты людей, практически не знакомых с опытом рациональных коммуникаций мировой истории. Так, социально-государственный опыт здесь, что византийский, что петровского и советского периода, протекал в освоении не разума, а мифологии разума, поскольку и теологическое наследие византизма и эмпиризм петровского и советского социально-государственного проекта являются продуктом матриархальной, а не патриархальной, психологии ценностей. Так, матриархальная психология жизни человека строится на подражании известным достижениям разума, ибо не обладает мужеством духа, чтобы действовать в неизвестности русла онтологического потока исторического времени. Это подражание изначально обречено на внутреннее разрушение своего проекта, поскольку строит свои основания на «карточном» домике психической активности человеческих влечений. Метафизика действия воли здесь не предусмотрена, ибо глумление над патриар-

хальной нормой всегда является определенной «гарантией» существования квазигосударственности, имитирующей рациональные процессы.

Одна из основных проблем развития современной «русско-сибирской цивилизации», если использовать терминологию Шпенглера, состоит в том, что западноевропейские ресурсы расы *homo sapiens* исчерпаны. Другими словами, более не существует какого-то рационального проекта развития мировой цивилизации, который может предложить метафизический опыт западноевропейских наций. В России же, по инерции отсутствия каких-то исторических рациональных коммуникаций, то есть полноценного нравственного патриархального опыта, продолжается подражание западноевропейскому проекту. Ведь рациональная коммуникация – это среда сосредоточения мировых событий истории, которые определяют существо происхождения и реализация мирового разума в качестве авангардной позиции единства разумных индивидуальностей. Мы же обнаруживаем в историческом российском опыте только периферию исторических событий, поскольку животные влечения человеческой души, на которых строится нравственный опыт интеллектуальных основ жизни в России, не дает устойчивости функционирования минимума рационального развития коммуникаций. Метафизика онтологического потока времени – это «воронка» активности расовых коммуникаций *homo sapiens*, которые структурируются как отображение метафизики онтологического потока времени.

Отсутствие метафизической школы мысли, что характеризует развитие интеллектуальной культуры в России, определяет отсутствие здесь самостоятельно рационально-исторической школы понимания исторического разума. То, что подражательная интеллектуальная школа мысли

начала развиваться здесь раньше, чем это имело место, например, в Индии или Китае, безусловно, оказало значительное влияние на судьбу России, когда в различных областях знания, а также в сфере искусства здесь возникли достижения мирового уровня. Однако единственная область, в которой российская цивилизация сохраняла постоянный паритет с цивилизацией западноевропейской, был военный потенциал нации, который, за редким исключением, не переживал воздействия событий различных периодов Смутного Времени, функционируя как автономная система, которая, безусловно, обладала некой внутренней исторической волей. Не трудно заметить, что именно за счет этой последовательности развития военного потенциала Россия сохранялась и сохраняется как геополитическая сила.

Если обратить внимание на то, что остается от системы известных представлений в новой системе ценностей рационального понимания мира, то мы находим только сферу математического знания, чья область «линейности» исторического развития является очень условной, однако передается от поколения к поколениям практически в неизменном виде. Так, эта устойчивость сферы математического знания к разрушительным процессам расовой катастрофы всегда была полем пристального внимания философского знания, начиная с Пифагора и заканчивая Кантом. Подобный предельный интерес к математике проистекает в метафизическом знании из его внутренней зависимости от эстетической картины реальности, на основе которой возникает рациональное понимание мира. Так, эстетическая картина реальности является начальной картиной рациональной интуиции, поскольку показывает рациональные грани разума в онтологическом потоке времени как систему определенных образов, которые обладают внутренней энергией становиться ценностями, то есть переходить к последовательному конструированию системы рациональных

коммуникаций. И если у Ницше эти высшие ценности намечены в субъективно рациональной основе свойств расовой памяти человека как целостность эстетической картины исторической реальности идей: вечного возвращения, воли к власти, господство высшего типа человека и «смерти бога», то наше историческое время требует их объективного понимания.

Совсем недавно в системе активности технологических достижений мировой цивилизации еще было заметно присутствие мирового разума, то есть отображение онтологического потока времени. Однако в наше время не трудно понять, что в достижениях научно-технического прогресса циркулирует не энергия мирового разума, а энергия вязкой ограниченности матриархальной психологии человека, то есть сбилось то, о чем предупреждал Шпенглер: западноевропейская цивилизация вошла в последнюю, заключающую стадию своего распада, где человеческая жизнь не является отображением рациональных коммуникаций. Другими словами, здесь воли более не существует, поскольку ресурсы воли требуют хотя бы минимума присутствия нравственной активности расовых ресурсов *homo sapiens*. В России же ситуация в нравственном смысле еще хуже. Если нравственный опыт западноевропейских наций застыл на уровне мифологии последнего достижения разумного исторического духа, когда циркуляция мировой воли закончила свое движение в ее непреклонном движении вперед, то российская реальность погружается в состояние дикости, которая характеризует полной прострацией по отношению к существу исторического разума. Здесь циркуляция матриархальной психологии человека пытается возвратиться к религиозной мифологии, которая на один исторический порядок существует позади мифологии веры в научно-технический прогресс. Впрочем, не сложно заметить эти постоянные «откаты» нравственной жизни челове-

ка к полуварварскому нравственному состоянию в периодические Смутные времена в русской истории, которые определяют развал очередного социально-государственного проекта, построенного практически полностью на подражательном принципе. Однако отличие современного Смутного времени в России от предшествующих моментов истории состоит в том, что в наше историческое время бессмысленно подражать той социально-государственной системе, в которой уже нет присутствия исторического разума, то есть западноевропейской модели. Однако поскольку в России нравственный уровень разума не превышает активности племенных инстинктов, разлившихся здесь после нашествия большевистской орды, то требовать от современной политической власти каких-то разумных действий бессмысленно. Ведь воля к власти как нравственное основание действия объективного разума в определенных исторических событиях, требует, чтобы государственная система строилось не на мифологии архаичных инстинктов матриархата, а хотя бы на минимуме существования рациональных коммуникаций. Однако в качестве этого минимума рациональных коммуникаций в России выступает лишь новейшая мифология разума, связанная с верой в научно-технический прогресс, то есть мы имеем ситуацию Темных Веков. Так, варвары, не имея собственного разума, подражают только мифологии разума, поскольку их неразумное животное существо не обладает внутренней взаимосвязью с нравственным опытом высших исторических ценностей. А поскольку любой проект, построенный на матриархальной идеологии «спасения» не обладает нравственной взаимосвязью с высшими ценностями, то он существует за пределами рациональной морали. С другой стороны, самые примитивные идеи, подобные идеям марксизма, где присутствует идея «спасения» (в данном случае, пролетариатом – мира) всегда находят отклик в матриар-

хальной душе, которая лишена разумного понимания действительности.

Было бы наивно утверждать, что русские — это варвары. Это очень молодая нация, если оценивать ее нравственный опыт существования по отношению к духу высших ценностей. То, что мы, русские, оказались в полудикой среде, каковой является современная Россия, где вся система социальных коммуникаций строится не на русском менталитете, а на племенных инстинктах, активизировавшихся здесь после нашествия большевистской орды, является мрачной реальностью Темных Веков. Можно, конечно, пользуясь полным отсутствием какого-то внятного разумного опыта истории, менять одну мифологию матриархальных ценностей на другую в массовом обществе, но проблема отсутствия разумной воли как элементарного «цемента» существований рациональных коммуникаций все равно будет отрицать здесь один социально-государственный проект за другим. Ведь можно полностью мифологизировать сознание, которое не знакомо с разумным пониманием действительности, однако глубины высшей человеческой психики не обманешь. Как и двадцать и тридцать лет назад лица людей в России мрачны и безжизненны, поскольку Темные Века мировой истории возвращают человека к глубинам его подсознания, где в процессе расовой катастрофы идет интенсивная перестройка высшего психического аппарата. Самое бессмысленное по отношению к существу современного исторического разума, что мы наблюдаем в современной России, — это попытку «догнать» западноевропейскую модель развития цивилизации в состоянии ее стремительной деструкции, то есть успеть попасть в историческую «воронку» небытия, в которой исчезает западноевропейская цивилизация.

Когда мы возвращаемся к событиям Темных Веков мировой истории, то есть к начальному моменту становления

новой цивилизации, то первое, что указывает на ее самостоятельную модель развития, — это система лигаристических союзов. С точки зрения объективного исторического разума, лигарастические союзы являются единственной сферой функционирования рациональных коммуникаций в качестве зачаточной системы становления новой государственности. Их цель — отделить тот минимум разумным людям от полудикого образа жизни, в котором существует человеческая масса, практически полностью лишенная нравственной взаимосвязи с духом высших ценностей. Так, если все многообразие мифологии морали мировой истории, начиная с египетской и африканской магии и заканчивая верой в научно-технический проект развития мировой цивилизации, способно конструировать схемы человеческих целей для массового сознания, то метафизический импульс воли всегда отображает новизну рациональных граней онтологического потока исторического времени.

Если проанализировать процесс формирования лигаристических союзов, таких, например, как рыцарские ордена Западной Европы, то первое, что характеризует их структуру существования, это кастовый принцип. При этом в отличие от массовой организации, где иерархия имеет традиционный принцип, например, династический, структура лигаристического союза определяется героическим духом, который неизбежно присутствует в трагическом восприятии реальности и который связывает людей в качестве единства метафизического импульса воли. Другими словами, от варваров должна отделиться разумная часть людей, чтобы заложить начала новой цивилизации. И историческая ситуация в России именно такова, когда вся система гуманитарного знания является здесь, в основном, разного рода степенью слабоумия по отношению к разумной мысли, а научно-технический потенциал — современной системой развития мифологического мышления, которое косвенным

образом указывает на взаимосвязь российской цивилизации с процессами мировой цивилизации. Так, в аналогичное время Темных Веков Западной Европы, строящиеся христианские храмы только косвенно указывали на взаимосвязь зарождающегося эпицентра новой цивилизации с процессами мировой цивилизации.

Когда рассуждают о линейности событий мировой истории, то указывают на преемственность развития идей в истории математики или на морально-нравственные истины практически всех народов мира. Однако необходимо осознавать, что преемственность развития идей в истории математики, а также морально-нравственные законы мировых религий имеют совершенно различную психологическую основу. Если история математики демонстрирует патриархальную линию развития ценностей мировой истории, то религиозные принципы жизни — норму матриархальную, если эти нормы не проникнуты гранями современного исторического разума. Так, математическая мера исторически необходимо формируется переходом эстетической объективности воздействия высших ценностей на подсознание человека в язык логический. Именно этот переход определяет конец искусства великого стиля расцвета культуры в состоянии цивилизации. Собственно, особенность математической мысли состоит в том, что в своем конечном содержании знания в процессе расовой катастрофы она усваивается мышлением как сфера авангарда мифологии рационального бытия. Именно таково положение математической мысли в России, Индии и Китае, когда прагматичное отношение к экспериментальной науке дает возможность ощущать причастность, правда на матриархальном уровне подсознания, мировым процессам мировой цивилизации.

Наш максимальный интерес к философии Ницше вызван необходимостью переосмыслить понимание идеализма, когда подлинная сущность структуры платоновской идеи выясняется только после длительного размышления над учением Ницше о вечном возвращении. Конечно, имеют место известные рассуждения Хайдеггера о «вечном возвращении», однако мы не находим в содержании философии Хайдеггера того, что определяет внутреннюю основу любой классической философии — диалектики развития истории рациональной морали, то есть не обнаруживаем какой-то взаимосвязи с событиями мировой истории, указывающими на новые геополитические силы. Ведь новые геополитические силы в мировой истории и есть реальность разумной действительности, которая определяет исторический горизонт метафизики онтологического потока времени. Можно сказать, что эти силы формируются в эпицентре мировых исторических событий. Однако новые геополитические силы — это не нашествие орд, подобные большевистской орде или орде монголов, которые не имеют никакого отношения к историческому разуму, а новые рациональные коммуникации мировой цивилизации, на начало возникновения которых, первоначально, указывают часто очень незначительные явления в событиях мировой истории. Так, трудно было увидеть масштаб воздействия научно-технического прогресса на непосредственную жизнь человека, который перевернет весь быт и нравы всех мировых народов — в первых попытках первых метафизиков обосновать существование разума научным экспериментом, когда вокруг целиком и полностью господствовали моральные позиции христианской схоластики. Аналогичным образом, и современные моральные позиции разума также далеки от реализации в современной цивилизации в эстетических конструкциях метафизики онтологии времени.

Если метафизика Нового времени своим инструментом реализации исторического разума выбрала науку, в первую очередь, опираясь на эксперимент, но мы должны выбрать своим инструментом утверждения объективных позиций разума – исследование взаимосвязи сознания эстетического мира и реальности бытия на основе процессов высшей психики человека. При этом необходимо понимать, что эстетическое сознание – это не представления о нем, которые сложились как в результате понимания его в последних достижениях философской мысли, например, у Канта и Гегеля, а нечто принципиально новое, чего только коснулся Ницше в своем обращении к нравственному опыту др. греческой трагедии.

Если попытаться объективно рационально осмыслить сущность высших ценностей, то сознание неизбежно погружается в топологическое воздействие потока эстетических образов, на основе которых структурируется топология разума и которые возникают в момент погружения сознания в подсознательные импульсы воли. Это суть – онтологический поток времени. Здесь необходимо отбросить все многообразие обыденных представлений о воле, которые связываются с каким-то известным проявлением социальной активности человеком в реальности. Как раз наоборот, любая социальная реальность, в которой участвует человек, бесконечно ослабляет импульсы его воли, поскольку всегда «спасает» его биологическое существо от соприкосновения с онтологическим потоком времени. Все дело в том, что социальная реальность – это продукт деструкции рациональных коммуникаций в их иррациональное состояние. Так, если рационализм высших ценностей эпохи Возрождения ни у кого не вызывает сомнений, то ценности эпохи Просвещения с его культовым отношением к обществу, безусловно, является процессом исчезновения разума, когда начинает возникать рассудочное морализирование. Не труд-

но заметить, что рассудочное морализирование — это всегда то, что противостоит мужеству воли, которое определяет присутствие разума в действительности. Оно возникает там и тогда, где моральные ресурсы исчерпаны, а массовые инстинкты, наоборот, начинают активизироваться. В момент исчерпания моральных ресурсов духовной национальной жизни, социальная жизнь становится механизмом инерции исчезновения реальности разумной жизни человека, а фактически, фальсификацией разума. Шпенглер определял это переходом культуры в стадию мертвых форм цивилизации, противопоставляя существование «разума» в цивилизации — культуре, однако в действительности все наоборот. Цивилизация эпохи «заката» является не реализацией модели разума, а постоянным воспроизведением его мертвой схемы, в которой нравственная жизнь исторической идеи разума отсутствует. Цивилизация эпохи распада вместо исторической идеи утверждает не разум, а первичный инструмент его доказательства существования, «метод», который в действительности уже не имеет никакого отношения к реальности существования онтологического потока времени, производящегося разумное начало бытия. В этот момент центр исторической реальности начинает перемещаться в новые Темные Века, в которых топологическая точка начала исторической реальности концентрируется в максимальном сосредоточении сознания на памяти высших ценностей исторического прошлого.

Само понятие «массовое общество», в рационально объективном историческом смысле, равносильно оценке — неразумное общество, то есть общества, построенного на низших инстинктах человеческой психики, которые выражают не разум, а реализацию животных инстинктов человека в сфере его непосредственных влечений. Как и животное, современный массовый человек, живет не потому что имеет какой-то разумный смысл существования, а потому так ему

«подсказывают» его подсознательные животные инстинкты выживания. «Доказательство» же фальсифицированной «разумности» его действий проистекает из максимально активизированной социальной энергии его влечений, то есть той части аппарата психики, которая не связана с его разумной частью. То, что эти неразумные влечения «вытесняются» в результате функционирования с социальной системой, порождает не разумную действительность, а ее имитацию, которая становится все жестче и жестче по отношению к возможности человека проявлять свой разум. Процесс вытеснения влечений, на котором строятся неразумные процессы массовой цивилизации, — это система психических импульсов механического типа, которые сформированы мифологией научно-технического проекта развития мировой цивилизации. Так, предшествующий проект развития рациональных коммуникаций мировой цивилизации всегда переходит в мифологию мышления, когда онтологическая мера времени «ускользает» вперед, то есть перемещается в новую топологию рациональных граней бытия. В результате, у человека исчезает активность высших процессов психики и, как следствие, проявление разумной воли, тогда как активность влечений, наоборот, максимально возрастает.

Анализ подсознательных импульсов воли указывает, что они не могут иметь чисто «человеческого» характера, то есть формируются не системой знаний коллективного опыта, получаемого человеком в течение жизни, а фрактализируются в результате трагических переживаний, которые возникают вследствие неких разрушительных процессов психики, имеющих трансцендентный характер. Эта трансценденция суть активность подсознательного инстинкта смерти в глубинах психики, где и протекает непосредственность онтологического потока времени. Понятно, что проблема анализа подсознательных влечений возникает тогда, когда вместе с утратой активности высших процессов пси-

хики исчезает и сознание разумности мира, поскольку сфера разумной действительности определяется не областью абстрактного знания, а первоначально – метафизической активностью воли. В известном суждении «человек проявил волю» всегда оценивается его индивидуальность разумной позиции, которая имеет тот или иной характер исторического содержания. Но в массовой культуре и массовой цивилизации как раз проявление воли является психической «аномалией», поскольку неразумная психика инстинктивно не приемлет разумного понимания бытия. Так было в конце средневековой эпохи, когда тождество теологии и «разума» было абсолютным, и аналогичная историческая ситуация существует в наше время, когда тождество науки и «разума» исключает какую-то иную, кроме как научно-экспериментальную, сферу его определения. Это, в частности, проявляется и по отношению к эстетическому объекту в психоаналитической теории Фрейда, где эстетический объект либо предельно упрощается, чтобы стать предметом анализа не высшей, а низшей, психики, либо вообще исключается как область морального сознания. Здесь следует заметить, что исключение эстетического объекта из области анализа взаимосвязи подсознательных влечений и массового сознания вполне закономерно, поскольку массовое сознание как продукт иррациональных процессов психики существует за пределами разумной действительности. Не сложно заметить, что социальная реальность, построенная на активности низшей психики человека, является арьергардом разумной исторической действительности, вторичным образом первообраза разумного начала бытия, который отображается от онтологического потока времени, когда рациональные грани этого потока бесконечно удалились от него вперед.

Когда мы ищем объяснения отсутствия понимания разумной действительности в российской истории, то находим

его в развитии исключительно мифологического представления о разуме, то есть здесь мышление никогда не выходит за пределы матриархального инстинкта подсознания человека, направленного на «спасение». Даже художественные произведения такого уровня, как романы Толстого и Достоевского, где присутствуют «отзвуки» духа мировой истории, все равно требуют для человека гарантий «спасения», а значит, исключают метафизику воли как начало разумной действительности. Другими словами, разумная индивидуальность здесь не раскрывается как разумный дух мировой истории, поскольку не обладает сознанием направления движения онтологического потока времени. Поэтому после нашествия большевистской орды, русская мифология христианских ценностей была «естественно» заменена ценностями мифологии веры в научно-технический проект развития мировой цивилизации. Причины очередного Смутного Времени, когда перестроечная орда под лозунгами очередной веры в мифологию «разума» в модели западноевропейской цивилизации на основе либерально-демократических ценностей, разрушила СССР, лежат все в той же плоскости отсутствия самостоятельной патриархальной базы ценностей, в которых определена собственная модель развития цивилизации.

Если рационально оценить сущность событий Смутного Времени в русской истории, неизбежно периодически возникающих в ней, то их причиной является сворачивание очередного проекта социально-государственного развития, который не имеет происхождения в началах высшей психической активности субъекта. Можно сказать, что здесь любой проект возникает из разного рода фантазий о происходящих исторических событиях, которые, в силу отсутствия школы рациональной мысли, быстро обрастают соответствующей мифологией представлений. Благо, что почва для этих фантазий присутствует в полной мере, поскольку, начиная с

Петра I, основы патриархального существования человека в России постоянным предметом глумления, тогда как низшие ценности западноевропейской культуры становились предметом подражания, то есть ложной, искусственной, базой для начал развития самостоятельной цивилизации.

Основой патриархальной нормы жизни человека, в нашем понимании, являются не верования, связанные с примитивными представлениями о мире, а, наоборот, авангардный взгляд, с точки зрения исторического разума, на происходящие исторические события. Этот взгляд характеризуется способностью разумного мышления выходить за пределы массовых представлений культуры, в которых обыденное мышление определяется границей чувственного восприятия реальности или воспоминаниями, полученными от опыта этой реальности. Таким образом, патриархальные ценности для нас — это ценности трансцендентного начала бытия, то есть мы понимаем под «патриархальным» мышлением метафизическое состояние человеческой психики, проистекающее из ее высшего начала. Матриархальное существо человека, наоборот, характеризуется тотальным воздействием непосредственного чувственного восприятия, то есть исключает метафизическое состояние психики, поскольку обусловлено ее низшими процессами. Патриархальное и матриархальное состояние человеческой психики является симметрично противоположным содержанием психических процессов, в которых процессы психики протекают как трансцендентные движения, с одной стороны, а с другой, как физиологические движения. Патриархальные движения психики обусловлены подсознательным инстинктом смерти, который является энергетическим материалом воли, тогда как матриархальные движения обусловлены энергией влечений, где центральным инстинктом, по-видимому, является сексуальный инстинкт. Энергия подсознательных влечений возникает под воздей-

ствием многообразия чувственного опыта человека, который механически трансформируется в сферу социальной активности интеллекта, то есть в область массовой культуры. Энергия воли характеризует продукт топологического единства энергетического ресурса подсознательного инстинкта смерти и единственного типа мышления, которое не разрушается под его «ударами» – эстетического сознания восприятия объективности мира.

Необходимость синтезировать учение Платона об идеях и учение Ницше о вечном возвращении вызвана необходимостью понимания логики развития процессов мировой цивилизации, в которых рациональные грани бытия – суть топологические конструкции рационального мышления, проистекающие из соответствующей эстетической картины реальности. Когда единство эстетической картины реальности рушится, то рушатся и рациональные коммуникации цивилизации, превращаясь в топологический «мусор» иррациональных связей социума, которые становятся механизмом ее инерции, сопротивляющимся рациональному обновлению. При этом то, что было основным инструментом утверждения рационального проекта модели развития цивилизации в прошлом, становится основным тормозом развития ее рациональных коммуникаций в настоящем, – мы имеем в виду позиции экспериментальной науки. Такой переход от действия разума в метафизическом начале развития научного знания – к его исчезновению Ницше сформулировал в известной идее – «бог умер». Ведь критика христианской морали, которая составляет один из основных принципов его философии, является последовательным развитием основного движущего начала высших ценностей эпохи Возрождения – возврата к нравственному опыту др. греческой морали, который концентрируется в трагическом восприятии реальности. Трагическое же, если исследовать психологическую основу его происхождения,

определяется тождеством движения психической энергии инстинкта смерти и эстетического восприятия, которое связывает энергию высших слоев психики и сознание как постоянно изменяющийся онтологический поток времени. Если максимально абстрагироваться от метафизики индивидуального волевого импульса, то появляется представление о «мировой воле», о которой Шопенгауэр рассуждал с точки зрения полного отстранения от возможности разумной воли индивида действовать на основании онтологического потока бытия, поскольку любая система представлений – это сфера, лежащая за пределами метафизики воли. Так, именно изначально неразумная предпосылка философии Шопенгауэра: попытка объединить представление о вещи-в-себе у Канта и беспредпосылочный принцип бытия у Платона – приводят его моральные размышления к нравственному коллапсу, если рационально оценить ценности морали буддийской философии, в которой именно созерцательная отстраненность от онтологического потока времени определяет пессимизм полной пассивности индивидуальной воли. Ницше устранил основное противоречие философии Шопенгауэра идеей воли к власти, то есть нравственным императивом индивидуальной и, следовательно, разумной воли к утверждению разумной действительности, поскольку иррационализм Шопенгауэра морализирует в пределах полностью матриархального подсознания, то есть неспособности сознания владеть топологией разумного начала бытия.

Когда современные учебники по философии относят Ницше к «иррациональной» философии, то демонстрируют не понимание существа современного основания разума, а поверхностные представления о философии, связанные с научным обоснованием философского знания. Этот процесс абсолютизации определенного типа обоснования философского знания, характеризуется процессом диалек-

тического развития рациональной морали, когда в определенный исторический момент времени само средство обоснования, на которое опиралось рациональное знание в прошлом, начинает препятствовать его развитию. Одновременно, создается необходимая инерция распада системы рациональных коммуникаций в самой цивилизации, то есть формируется массовая культура, которая полностью, фактически — тотально, фальсифицирует существо разума, обосновывая эту фальсификацию средствами, которые уже не удовлетворяют возможности его понимания. Так, в Темные Века, которые надвигаются на современную мировую цивилизацию, а в России существуют уже около столетия, сопротивление именно эстетическому восприятию становится абсолютным, поскольку эстетическое восприятие — это единственная мера, на которую субъективный разум опирается как на динамическое единство бытия, которое не нуждается в идеи «спасения». Любая другая мера требует необходимости непосредственного контакта с чувственным восприятием реальности, которое указывает на конечность животного существа человека, а потому необходимости существования целей, которые замкнуты в массовом, или неразумном, существе человеческой души.

Мы исходим из того, что массовое, или неразумное существо человека, будучи социальным существом, всегда сопротивляется действию разумного начала души, которое, в отличие от непосредственным чувственных ассоциаций, проистекает не из внешних, а из внутренних, психических ресурсов. И действительно, невозможно определять бессознательный инстинкт смерти человека иначе, чем трансцендентное начало психических процессов, которые выходят за пределы непосредственного чувственного восприятия. С другой стороны, мы полагаем, что подсознательные им-

пульсы воли, то есть динамика их метафизического действия, формируется именно этим трансцендентным началом, которое создает фрактальную реальность для синтеза: эстетического восприятия и разрушительных импульсов подсознательного инстинкта смерти. Можно сказать, что речь идет о тонкой «паутине» топологической структуры связей эстетического восприятия, где сакральным началом является онтологический поток времени. То, что субъективно эмоционально этот поток иногда ассоциируется с образом «бездны» (например, у Ницше), является лишь естественной реакцией самозащиты бессознательного человеческого существа от постоянного ощущения гибели, которое присутствует в трагическом восприятии реальности. В этом смысле, мы всегда должны помнить о кардинально различных двух типам морали, открытых Ницше: массовой морали (которую он называет «моралью рабов») и расовой морали (которую он определяет как «мораль господ»), которые всегда диаметрально противоположны, как противоположно животное и разумное начало человеческой души. То, что расовая мораль (мораль homo sapiens) имеет происхождение в подсознательном инстинкте смерти — позиция, которую отстаивает наш разум, противопоставляя его всему многообразию иррациональных (низших) ценностей современной массовой цивилизации, сформированных инерцией распада рациональных коммуникаций. Ведь рациональные коммуникации — это топологические грани онтологического потока исторического времени, в которых рассудок определяет себя по отношению к метафизике волевого импульса души, то есть той патриархальной норме, где выражена истина высшего блага.

Глава 12

Когда мы рассуждаем о фрактальной реальности рациональной действительности, которая суть отображение сакрального начала онтологии времени, то полагаем, что речь идет о свойстве расового подсознания человека возвращаться к высшим ценностям прошлого в момент активности воли как психологической основы этой действительности. С другой стороны, массовая цивилизация демонстрирует не волю, а максимально механизированные социальные влечения, в основании которых отсутствует разум, а значит, и какая-то взаимосвязь с духом мировой истории. Так, метафизика фракталов — эта мера «плотности» топологических ресурсов объективного исторического разума, который присутствует в импульсе воли, то есть воли к власти, которая всегда противостоит безвольности животных влечений. Максимально активизированные до состояния агрессивной истерии животные влечения человеческого существа, которые мы наблюдаем в матриархальном начале массовой западноевропейской цивилизации, никак не заменяют разумного начала воли, что стало слишком очевидно в наше время. Это матриархальное начало проявляется в неспособности предложить для развития мировой цивилизации какой-то отчетливой рациональной стратегии развития, в которой существует взаимосвязь с высшими ценностями исторического прошлого.

Метафизические фракталы онтологии времени – это идеи вещей, которые пронизывают реальность как топологические структуры бытия. Эти структуры формируются воздействием высшей психики, «всплывая» в подсознании человека как образы воспоминаний нравственных усилий человека в прошлом, направленных на волю к власти разумного начала бытия, которое постоянно ускользает в онтологический поток времени. Другими словами, многообразие подобий различных целей людей в различных моделях цивилизаций исторического прошлого, описанного, например, у Шпенглера, тождественно равно только одному – единству онтологического потока времени, в котором отображается единство судьбы существования расы homo sapiens. Массовая же культура, постоянно активизирующаяся в момент забвения в человеческой памяти духа высших ценностей, является своего рода иррациональным «шлейфом» периодического сворачивания разумного начала бытия, которое требует своего обновления, то есть воли к власти разумного начала души. В этом периодическом процессе доминирования патриархального и матриархального начала человеческой души заложен механизм периодического вырождения человека, связанный с утратой им разума как нравственного обоснования своей жизни. Поэтому рассуждения Платона о едином как о божественном начале бытия имеют не христианско-библейское содержание, а вполне языческий аспект нравственного единства в переживании сакрального потока времени расы homo sapiens в древних цивилизациях прошлого. Понятно, что с точки зрения тотальной фальсификации разума в наше историческое время, мы существуем под воздействием этого «шлейфа» распада ее архаичной рациональной модели.

Вообще, высшие ценности – это ценности, проверенные на «прочность» в глубинах высшей психики человека, то есть сопряженные с тождеством психической энергии

подсознательного инстинкта смерти и эстетической объективностью реальности. Только на них строится патриархальный быт существования человека, когда как традиция и вера живы лишь до того момента, пока существует воля к власти разумного начала жизни. В противном случае, традиция становится пустым фасадом бессмысленной и тупой жизни, в которой нет ничего, кроме повторения уже известных схем обыденного представления о реальности, хотя и доведенного до бесконечного разнообразия схематизма этой обыденности. История мировой цивилизации оставляет в процессе своего развития эти «айсберги» присутствия величия духа патриархального начала души, проникнутого сопричастностью высшему благу в образе великих произведений искусства, в которых представлению человека демонстрируется не пошлость окружающей его жизни, где исключение разума есть норма, но доказательство существования отображения сакрального первообраза онтологического потока времени. Именно отсутствие этих высших ценностей и характеризует постоянное возвращение России к Смутному времени, то есть к матриархальному «болоту» нравственной жизни, в которой тупость животного существования имеет только одну сферу взаимосвязи с процессами мировой цивилизации, в которой нравственно адаптируются низшие ценности западноевропейской цивилизации. Так было до 17-го года, но особенно – после нашествия большевистской орды, когда русское государство было разрушено варварскими ордами, а на их обломках возник племенной социум, как в современной Африке, где активность была предусмотрена только для неразумных представителей человеческой природы, которые продолжают доминировать в современной России вплоть до нашего времени.

Когда мы рассуждаем о высших ценностях, то имеем в виду онтологические фракталы потока времени, которые воздействуют на подсознание человека через высшие слои психики. Особенность их действия состоит в том, что память человека, связанная с высшими слоями психики, постоянно возвращает его сознание к нравственной оценке происходящего через его индивидуальный разум. Ясно, что индивидуальный разум — это не комплекс коллективных знаний, которые накопил и систематизировал интеллект, а то, что «всплывает» из глубин памяти в результате соприкосновения бессознательного с тем, что существует в сакральном потоке времени. Исходя из последнего достижения метафизического мышления, мы понимаем, что это не бог, поскольку в онтологическом потоке времени отсутствует идея спасения человека. Это то, что в принципе существует за пределом инстинкта самосохранения человека. Так, метафизика воли, которая всегда выражает авангардные позиции разума, не предусматривает идеи «спасения» вообще, хотя, конечно, в качестве архаики понимания разума всегда доступна для сознания рабов. Именно эта архаика разума в понимании морали рабов и восторжествовала в истории России с 17-го, дав возможность разрушить русское государство. Ведь начиная с Петра I, русская культура развивалась как подражательная достижениям западноевропейской цивилизации. Впрочем, для этого исторического времени подобный характер развития российской цивилизации был нравственно оправдан, ибо в последние века мировой истории, безусловно, история мирового разума концентрировалась и определялась эпицентром развития западноевропейской мысли. Но так было до XX века, когда очевидность нравственного тупика морального основания разумных начал расового существа homo sapiens стала слишком очевидной в судьбе западноевропейской

цивилизации. И действительно, если учесть, что метафизика научно-технического проекта развития мировой цивилизации стала обычной физикой неразумного образа жизни существования человека в массовой цивилизации, то идея, или, точнее фрактал метафизической идеи, «смерти бога» стал слишком очевиден в наше время. Собственно, человек в массовой цивилизации – это не действующий разум, а механический интеллект, который прилагается к внутренним иррациональным процессам цивилизации как нечто неразумное, хотя, конечно, в этой бессмысленной и бездушной машине оставлено место для научно-технологического развития. Но наука без метафизического обоснования – это мифология мышления, которая тем дальше от разума, чем дальше позиции поверхностного рассудка от сущности бытия. Собственно, мера удаления критических способностей рассудка от основ рационального мышления характеризует момент перехода рациональной морали – в массовую мораль, что выразилось в переходе фундаментальной науки – в сферу научных технологий. С точки зрения основы психической активности, речь идет о тотальной перестройке аппарата психики, когда влечения становятся максимально активными, тогда как импульсы воли почти исчезают в активности процессов мировой цивилизации, то есть происходит процесс расовой катастрофы.

Трансформация активных рубежей разума в их арьергард происходит, когда «инструмент» доказательства высших ценностей теряет свое метафизическое обоснование, становясь достоянием человеческих масс. Понятно, что происходит это незаметно для самого массового сознания, поскольку в силу опасности, которая определяет направление метафизического импульса воли из высших слоев психики, массовое существо человека инстинктивно сопротивляется его активности. Такими механизмами инерции, сопротивляющимися действию разума, и являются массовые институты,

которые стремятся любой ценой обосновать человеческую жизнь за пределами разума, однако постоянно ссылаясь на авторитет того, что уже не является доказательством его существования, то есть на научное знание науки. Ведь метафизика — это то, что владеет высшими психическими ресурсами психики. И если до недавнего времени таким понятием было понятие «бога», то новое начало метафизики есть онтологический поток бытия. Впрочем, для слабых духом индивидов метафизический феномен времени оставляет путь к спасению — чисто научное понимание мира. Такова логика диалектического развития рациональной морали, когда силы инерции распада рациональных структур, в которых до недавнего времени существовали исторические законы развития мировой цивилизации, стремятся всеми средствами сопротивляться новым всемирно-историческим силам. Морально-психологической основой этой инерции всегда были бессознательные влечения, которые создавали структуру массовой, то есть неразумной, организации образа жизни человека, в которой формировалась очередная идеология «спасения». Не трудно понять, что логика рациональной морали взаимосвязана не с идеей спасения, а с идеей самого бескомпромиссного состояния гибели, которое испытывает индивид, стремясь постичь основание бытия.

В основе диалектического развития рациональной морали существует особое свойство метафизики фрактала онтологического потока времени — отображать многообразие высших исторических ценностей в качестве последовательности действия импульса воли. Так, мы можем предположить, что подсознательный импульс воли является следствием активности процесса психики, в котором переживается нечто подобное клинической смерти, когда субъект вновь и вновь испытывает в глубинах психики воздействие высших достижений истории мирового духа. То, что в этот момент он, как живой человек со всем многообразием

своих конечных представлений, исчезает в объективности движения метафизического импульса воли, безусловно, выражает загадку трансцендентной природы онтологического потока времени.

В понимании идеи государственности мы должны возвратиться к учению Платона о трех видах ценностей, где каждому соответствует: либо сфера чувственного восприятия, либо сфера способностей суждений рассудка либо, наконец, активность разумного начала познания, которая, собственно, и является критерием активности метафизического импульса воли. На необходимость этого возврата к анализу психологических типов людей в жизни государства нам указывают идеи философии Ницше, в которых психологическая основа мотиваций воли проистекает из активности разума, резко противопоставляя трагическое восприятие жизни — естественному восприятию реальности как основе социально-индивидуального. Этот момент отрицания социально-индивидуального, которое Ницше относит к «морали рабов», в действительности является необходимостью не только возврата к аристократическим ценностям гуманизма, но и необходимостью задачи их углубления в морально-нравственном сознании, когда трагическое восприятие является психологической нормой для функционирования разума в душе. Отбрасывая метафорический язык пафоса дионисического, используемого Ницше в качестве наброска субъективной первоосновы исторического разума, мы должны акцентировать внимание на том, что непрерывное ощущение гибели, которое испытывает субъект в трагическом состоянии души, является безусловным доминированием над подсознанием активности инстинкта смерти. Другими словами, субъективно рациональная мысль Ницше обрывает линию романтических суждений об античности,

указывая, что сакральная реальность онтологического потока времени — суть сама метафизика воли, в которой объективность разума не предполагает идеи спасения вообще. Можно сказать, что здесь все просветительские ценности полностью девальвируются, поскольку вскрывается их подлинное основание: не разум, а рассудок и чувство, которое и формирует социально-индивидуальное начало человека.

Это субъективно эмоциональное противопоставление дионисизма — христианству у Ницше мы не должны понимать в русле какой-то религиозной тематики, поскольку философия не занимается вопросами веры. Необходимо осознавать, что речь идет о ключевом повороте истории метафизики, настолько радикальном в понимании сущности рациональной морали, насколько он был радикален в моральных суждениях Сократа в античную эпоху для своего исторического. Фактически, Ницше отделяет разум от социального в силу погружения последнего в иррационализм активности подсознательных влечений. Не случайно, этой сферой занимался психоанализ, который устанавливал взаимосвязь непосредственно чувственного и рассудочного основания в познавательных способностях человека. Однако разум возникает из совершенно иной сферы психики, которая на подсознательном уровне лишает содержания обыденные представления человека. За противопоставлением дионисического — христианству мы должны видеть возврат к резкому разделению сферы веры, на которой останавливается просветительская мораль в контексте «доверия чувствам» и необходимости трансформации разрушительных импульсов высшей психики в метафизическую реальность исторической воли. Здесь воля понимается не как реальность, зависящая от области конечного знания, чему всегда противостояла классическая философия, а как присутствие локализации онтологического потока времени в отдельной судьбе человека. Так, с одной стороны, время

не может быть обожествлено, поскольку оно есть ничто, отсутствие чего либо, на что может надеяться человек, а с другой стороны, оно есть сила, которая «стирает» не только человека, но и все многообразие богов, представления о которых существуют в сознании людей на всем протяжении мировой истории. Одновременно, хотя время и надевает все существующее его присутствием в бытии, в нем есть разрушительное начало, которое топологически «стягивает» это присутствие в точку небытия, замечая движением своего потока. Вообще, вопрос о понимании происхождения времени не с рассудочной точки зрения, которая, например, определяет феноменологические исследования Гуссерля, а с точки зрения рациональной, требует кардинально иного психологического состояния человека. Именно это психологически субъективное состояние сознания в качестве идеи «вечного возвращения» и характеризует философию Ницше.

Особенностью кардинально нового психологического состояния, в котором существует разумный человек нашего исторического времени, является единственная область, в которой разум присутствует как высшая способность познания — это эстетический феномен. Не случайно, поэтому в современной математике появилось понятие «фрактала», то есть меры топологических структур, в которых природа демонстрирует идею симметрию и самодобия как отображение сущего в онтологическом потоке времени. Так, топология разума пронизывает иррационализм современных социальных и технологических процессов как «сгнившие» ткани разрушенных рациональных коммуникаций, чья активность инерционного распада цивилизации, с одной стороны, препятствует появлению новых рациональных коммуникаций, а с другой, упорядочивает иррациональный образ жизни человека в разного рода примитивных системах, например, экономической. Ведь в экономической

системе, иррациональное, то есть определенная система низших ценностей, выдается за «меру», когда разум в непосредственной жизни человека отсутствует, поскольку низшая мера есть мера, отрицающая онтологию времени в сознании механического времени. Здесь мы имеем ситуацию подобную той, которая сложилась между эпохой Средневековья и началом Возрождения, когда средневековое понятие «бога» более не выражало метафизических усилий разумной воли человека, которая начала концентрироваться в метафизическом понятии «бога» как меры естественнонаучного понимания бытия. Так, хотя обе школы метафизической мысли: схоластическая школа и первый метафизический опыт мысли Нового Времени признавали понятие «бога» центральным для своей метафизики, само существо онтологического потока времени осознавалось полярно противоположно. В первом случае, началом бытия полагалось божественная идея духа, во втором случае, божественным полагалась постигаемая мера бытия как материальное устройство мира. Внутренне единым для этих метафизических школ было только априорное восприятие линейной текучести сознания феномена времени.

Таким образом, можно заметить, что разрушенная система рациональных коммуникаций мировой цивилизации стремится максимально сконцентрироваться в том, что наступает со стороны рациональных граней онтологического потока времени из будущего – в настоящее, в агрессивности воздействия активности на сознание человека низших ценностей. И если максимальной концентрацией идеологических столкновений двух моральных систем: теологической и естественнонаучной было метафизическое понимание бога, то в современной мировой цивилизации этой основой идеологического столкновения является понимание времени. С одной стороны, то есть со стороны развития современной массовой цивилизации, существующей

в иррациональном потоке случайных связей, выступает механическое сознание времени, а с другой, то есть со стороны современной рациональной морали, осознается онтологический поток времени как полное отсутствие каких-то рациональных коммуникаций между людьми. Отличие первого от второго состоит в том, что онтология времени, во-первых, имеет не линейную, а циклическую природу, а во-вторых, и это главное, она открывает новый этап существования рациональной морали в мировой истории, завершая известную, более чем двухтысячелетнюю историю, связанную с опытом сознания равноправия социальной организации, у истоков которой лежала философия Сократа.

Когда мы размышляем над циклическостью онтологического потока времени, оставляющего в мировой истории определенные рубежи высших ценностей, то понимаем, что речь идет не о циклическости природных процессов, за наблюдениями над которыми и сформировалась метафизическая база науки Нового Времени, а о циклическости появления и исчезновения единства сознания эстетической картины реальности. Ее безусловное разнообразие в различных моделях мировой цивилизации, тем не менее, обладает определенным единством, суть которого – безусловное признание высшей ценностью полноту бытия, которая открывается в онтологическом потоке времени. И наоборот, именно исчезновение этой полноты в момент активности иррациональных процессов, протекающих в мировой цивилизации, становится причиной распространения низших ценностей с той спецификой исторического времени, которая характеризует сворачивающуюся рациональную модель. Например, если основой доказательства существования объектов метафизики Нового Времени был научный метод, то и низшие (иррациональные) ценности формируются в систему, стремящуюся к научной строгости в момент распада рациональных коммуникаций как следствия исчезновения мета-

физического знания. Так проявляется диалектика развития рациональной морали в мировой истории, когда распад известной рациональной модели мировой цивилизации приводит к активизации ее низших ценностей на основании метода, достигнутого этой моделью.

Если исследовать существо «метода», который использует Ницше для реконструкции субъективного восприятия, переводящего сознание в трагическое восприятие мира, то основным «орудием» его становления является эстетический феномен. С точки зрения истории классической философии, значимость единства сознания эстетической реальности для метафизического знания, не является новой, однако новым в метафизике Ницше является то, что эта эстетическая реальность перестает апеллировать к центральному для западноевропейской школы понятию «бога». Этот нравственный поворот, связанный с идеей о «смерти бога», требует понимания смещения центра метафизического знания к сакральной сущности времени, которая в субъективном сознании осознается как метафизика воли.

Одна из причин, которая привела к конструированию феномена времени у Хайдеггера за пределами разума, то есть в области мифологического мышления, является максимальный акцент на представлении как возможности познания, то есть интуитивное отступление к философии Шопенгауэра. Так, безусловно, создав новый тип мифологического мышления, включившего в себя все многообразие знаний истории мировой философии, Хайдеггер остался в пределах основной метафизической проблемы Шопенгауэра: противопоставления бытия и времени, то есть представления и воли. Этот подход к пониманию феномена времени является несомненным регрессом в его осмыслении, когда, по крайней мере, Гуссерль исследовал его с позиции рассудка. В этом смысле, философия Хайдеггера выразила настроения очень значительной части интеллектуалов,

которые в новой мифологической философии нашли свое «спасение» в состоянии созерцания бытия лишённого разума. Впрочем, появление этого специфического мифотворчества вполне объяснимо в истории философии: время является максимально иррациональным объектом для возможности его исследования с точки зрения известных инструментов познания разума. Однако невозможность нахождения адекватного метода проникновения в этот иррациональный объект, тем не менее, обладающий сакральным содержанием, все-таки требует не мифологического, а критического отношения. Так, аналогичная историческая ситуация существовала в Темные Века христианства, когда абсолютно иррациональное существо единого бога, в котором сконцентрировалось метафизическое начало мира, требовало принципиально новой метафизической школы мысли. Но интуитивное нахождение нравственного «нерва» современной метафизики, исследование онтологии времени, требует признать эту попытку осознания сущности времени у Хайдеггера выдающейся, несмотря на самый примитивный тип мышления – мифологический. Как известно, школа ранней средневековой схоластики также, первоначально, формировалась из разного рода мифологических представлений о сущности единого бога.